

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кемеровский государственный университет»

На правах рукописи

Иркова Анна Валентиновна

**ЭВОЛЮТИВНАЯ ЮРИДИЗАЦИЯ
РУССКОЙ ОБЩЕНАРОДНОЙ ЛЕКСИКИ:
ДИАХРОННО-СИНХРОННЫЙ
ДИСКУРСИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ С КОРНЯМИ *ЧЕСТ-*, *ГРАЖД-***

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Голев Николай Данилович,
доктор филологических наук, профессор

Кемерово – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Функционально-динамический аспект процесса юридизации как современная лингвистическая проблема	16
1.1. Процесс юридизации в свете современной парадигмы научного знания. Роль дискурса в становлении юридической семантики слова	17
1.2. От общенародного слова к юридическому термину	33
1.3. Эволютивная юридизация общенародной лексики и принципы диахронного дискурсивно-семантического анализа текста закона	44
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	51
ГЛАВА 2. Диахронный дискурсивно-семантический анализ эволютивной юридизации лексем с корнями чест-, гражд- и их дериватов.....	53
2.1. Эволютивная юридизация лексем с корнем чест- и его дериватов	54
2.1.1. Первая стадия («недоюридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «честь», его дериватов.....	54
2.1.2. Вторая стадия («околоюридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «честь», его дериватов.....	66
2.1.3. Третья стадия («собственно юридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «честь», его дериватов.....	75
2.2. Эволютивная юридизация лексем с корнем гражд- и его дериватов	82
2.2.1. Первая стадия («недоюридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «гражданин», его дериватов	82
2.2.2. Вторая стадия («околоюридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «гражданин», его дериватов	87
2.2.3. Третья стадия («собственно юридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «гражданин», его дериватов	94
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	99
ГЛАВА 3. Системный семасиологический анализ лексического состава текста закона	102

3.1. Системный семасиологический анализ текста статьи 131. «Изнасилование» УК РФ	103
3.2. Системный семасиологический анализ текста статьи 3. Законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» РФ.....	114
3.3. Системный семасиологический анализ статьи 152. «Защита чести, достоинства, деловой репутации» ГК РФ и текста 1-го раздела Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области.....	122
3.4. Системный семасиологический анализ текста статьи 32. «Заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов» ЛК РФ	133
3.5. Количественные представления результатов исследования	139
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию дискурсивно-семантических закономерностей эволютивной юридизации русской общенародной лексики. Под эволютивной юридизацией понимается сложный процесс терминологизации содержания слова общей лексики, приводящий к становлению юридического термина. Её главные отличительные признаки – диахроничность как длительность процесса приближения общенародного слова к юридической системе терминов; градуальность изменений; стихийность, предполагающая естественное функционирование слова в разных дискурсах, в том числе юридическом; и постепенное обретение последним статуса общезначимого и общеупотребительного. Эволютивная юридизация противопоставлена конвенциональной юридизации термина, приобретающего легитимность в результате законодательного акта, предполагающего немедленное вхождение термина в официальный юридический узус с чётко закрепленным значением термина (жесткой семантизацией). Для эволютивной юридизации как процесса смыслообразования характерна стадийность, длительность образования значения слова во всех его лексико-семантических и стилистических вариантах, в том числе терминологическом. Изучение закономерностей эволютивной юридизации предполагает обращение исследования к наиболее глубинным стадиям «до- и предъюридизации», связанным с начальным этапом стихийного функционирования будущих единиц юридического дискурса.

Посредством постепенного вхождения в правовой дискурс общенародные языковые единицы вырастают в юридическую систему, обретают внутри неё собственно юридические смыслы и значимости [Голев, 2000]. В рамках антропологической направленности новой научной парадигмы языкознания, когда накоплен значительный опыт в области изучения юридического аспекта языка и языковых аспектов права, своевременно поставить вопрос об особенностях генезиса юридической терминологии, проявляющегося в

синхронном и диахронном аспектах с целью восполнения существующей лингво-юридической лакуны. При этом синхронический и диахронический планы юридической терминологии мы понимаем как двуединый феномен: анализируя синхронию как застывшую диахронию, мы выявляем градуальные оппозиции современных терминов, отражающие этапы диахронных процессов.

Актуальность темы исследования определяется комплексом собственно филологических, экспертных и общекультурных факторов. *Во-первых*, эволютивная юридизация как процесс смыслообразования юридического значения слов находится в поле внимания юристов, лингвистов-исследователей, лингвистов-экспертов, являясь одной из наиболее актуальных проблем гуманитарной науки в целом, и юрислингвистики в частности.

О необходимости исследования не только лингвоюридических, юрислингвистических особенностей юридического текста, но и их формирования, развития в диахронном аспекте, свидетельствует активный современный интерес к когнитивной сущности юридического термина. С этой целью нами была произведена периодизация становления и развития юридической терминологии в русском языке с древности и до настоящего времени. Изучению этих периодов в диссертации посвящен отдельный раздел. Причиной обращения к теме юридизации языка является также объективное существование проблемы соотношения в тексте закона, с одной стороны, свойств, отношений и смыслов естественного языка, а с другой стороны – свойств, отношений и смыслов языка юридического. Сложность диалектически обусловленного взаимодействия языка и дискурсивных практик, которые тесно переплетены между собой, диктует в рамках когнитивно-исторического терминоведения обращение к диахронному анализу смысловых комплексов слов, возникающих в контексте различных дискурсов, в числе которых оказывается и юридический дискурс.

Во-вторых, востребованность решения проблемы семантизации юридического языка, а также наличие требований «ясности» и «понятности» к текстам закона не только в теоретическом, но и в практическом аспектах связаны

с феноменами множественности интерпретаций и напряжённости в социально-правовой сфере, трактуемым как коррупциогенный показатель развития правовых рисков. Следовательно, необходима разработка в контексте научных изысканий юрислингвистики и судебной лингвистической экспертизы, комплексной методики анализа текста закона и составляющих его лексических единиц.

В-третьих, актуальность исследования продиктована наличием запроса общества, Правительства РФ на понимание языка законов, чиновников, дискурса власти в целом. Многочисленные русскоязычные тексты массово-информационного дискурса в настоящее время изобилуют яркими заголовками статей, обращённых к этой теме. Одна из публикаций Российской газеты от 16.11.2019 имеет такое название: «Как это будет по-русски: Почему речь чиновников непонятна простому человеку?» [URL:<https://rg.ru/2019/11/16/>]. Смысловое наполнение слов, их содержание влияют на восприятие реальности и во многом конструируют её. Конвенциональное значение термина, «жёстко» фиксированные юридические смыслы монополизируют его интерпретации и понимание. Дискурс власти начинает задавать желаемые рамки развития общества, оперируя базовыми концептами русской культуры и ментальности, лишая их изначального, присущего естественному языку с его многообразием смысловых регистров, критического потенциала, множественности интерпретации. Поэтому столь важно включаться в этот процесс, возвращая словам их прежние смыслы, актуализируя существующие на сегодняшний день значения.

В-четвертых, новые законы и законопроекты возникают с невероятной скоростью. Статистика законодательного процесса, представленная на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации [URL: <http://www.gosduma.net>] за 2019 год, обрисовывает следующую картину событий современного общества: количество законопроектов, внесенных в Государственную Думу – 1138; количество законов, принятых Государственной

Думой – всего 531, из них новых законов, впервые принятых Государственной Думой в данный период, – 530. Среднестатистические показатели свидетельствуют о том, в день принимается около 1,5 законопроекта. Указанные объёмы законодательных актов, терминологические нововведения нередко представляют собой трудность для их глубинного осмысления не только специалистами, но и законопослушными гражданами. Кроме того, многочисленные законы касаются непосредственно основ жизни человека, семьи, детского образования, здоровья и т.д. В ситуации неустойчивости, изменчивости окружающего мира необходимо не потерять смысловые координаты, привычные и понимаемые людьми.

Степень разработанности проблемы.

Отечественная и зарубежная юрислингвистика характеризуется большим охватом работ, раскрывающих разнообразные вопросы функционирования языка в юридических сферах, касающихся также решения проблем лингвоэкспертной практики [Голев, 2020; Александров, 2003; Барабаш, 2016а; Баранов, 2017; Бринев, 2012; Горбаневский, 2004; Дударева, 2019; Ким, 2017; Кишина, 2019; Лебедева, 2000; Лыкова, 2009; Мишанкина, 2010; Рыженкова, 2001; Чернышова, 2012; Eades, 2006; Gibbons, 2005; Solan, 2006; Tiersma, 2012; Wolfer, 2017 и др.]. На Западе сформировалась тенденция сближения юридической лингвистики и критического дискурс-анализа с его основными национальными школами [Fairclough, 2000, 2010, 2015; Van Dijk, 1993, 2009; Wodak, 2009 и др.]. В центре внимания большинства работ оказываются властные отношения.

В России проблема юридизации слов общенародного языка включается в широкий научный контекст терминоведения, юридической лингвистики и судебной лингвистической экспертизы. Вопрос о сущности эволютивного явления юридизации сложен. Некоторые из новообразованных терминов, прежде всего те, что недавно вошли в официальный правовой оборот и ещё не обрели устойчивых значений, становятся предметом внимания исследователей, чаще всего это заимствованные слова и жаргонная лексика [Лыкова, 2009; Новинская, 2009;

Рыженкова, 2001 и др.]. Юридизации русской общенародной лексики исследователи правовой терминологии уделяют меньше внимания [Голев, 2000, 2012, 2019, 2020; Зиянгирова, 2019; Косова, 2004; Маркова, 2015 и др.]. Ряд исследователей-правоведов указывают на необходимость применения методов дискурс-правового анализа к текстам законодательства России [Назаров, 2017; Храмцова, 2017 и др.].

Несмотря на повышенный исследовательский интерес к проблемам пересечения языка и права, историческое направление юрислингвистики имеет фрагментарный и несистемный характер. Однако имеются классические работы авторитетных специалистов в области истории русского языка, посвященные вопросам юридической терминологии в древнерусском языке [Живов, 2002; Иванов, Топоров, 1978; Карпенко, 2016; Рогов, 2006; Унбегаун, 1968 и др.]. В работах прослеживается тенденция к анализу гибкости и семантической неопределённости права, его зависимости от контекста, в котором даётся толкование. Целью исследования ученых является получение максимального практического результата в своих работах.

В научной лингво-юридической традиции нет единства мнения относительно феномена «предтерминов» – лексических единиц, занимающих «буферное» положение между полюсами естественного и юридического языков, не достигших высшей степени юридизации, не ставших в полной мере юридическими терминами. Существуют разрозненные исследования неопределенной семантики «предтерминов» среди ученых-юристов, ученых-лингвистов, лингвистов-экспертов [Зиянгирова, 2019; Костикова, 2017; Федюковский, 2014 и др.]. На сегодняшний день отсутствует комплексное исследование «полутерминологических» единиц, лексического состава законодательных текстов как части общественно-политического дискурса.

Таким образом, в рамках юридической лингвистики значимым становится обращение к лексемам, не достигшим уровня жёстко семантизированных лексем, и, соответственно, к процессу эволютивной юридизации как явлению, задающему

стадиальность перехода слова общенародного языка в юридический дискурс. Это позволяет проследить изменение в семантике «слова-термина» и зафиксировать её место в эволюции, что для синхронии равнозначно месту того или иного смысла на градуальной шкале «степень юридизированности» значения лексемы.

Целью работы является выявление дискурсивно-семантических закономерностей формирования русской юридической терминологии в диахронном и синхронном аспектах в их функционально-генетическом единстве.

Поставленная цель предполагает ряд исследовательских задач:

1) *изучить* процесс юридизации терминов в научно-лингвистическом контексте и определить роль в этом процессе дискурсивного функционирования терминов, смежных с ними единиц;

2) *составить* классификацию речевых единиц текста закона по степени их юридизированности с учётом разных этапов эволютивной юридизации слов – от общенародного до специально-юридического;

3) *выявить и описать* дискурсивно-семантические закономерности функционирования гнезда слов с корнем *чест-* и его дериватов;

4) *вскрыть и описать* дискурсивно-семантические закономерности функционирования гнезда слов с корнем *гражд-* и его дериватов;

5) *разработать* методику системного семасиологического анализа текста закона;

б) *раскрыть* возможности реализации этой методики.

Феномен эволютивной юридизации как длительный процесс становления юридической терминологии является **объектом** исследования в диссертационном сочинении. Юридизация как процесс смыслообразования охватывает все уровни языка, в том числе и лексический. **Предмет исследования** составляет лексический пласт, подвергающийся процессу эволютивной юридизации. Общественно-политический дискурс представляет собой фрагмент дискурса общенародного. Такая трактовка процесса обретения лексикой юридических смыслов предполагает постепенность перехода слов от статуса общенародного к

другим статусам, наличие промежуточных этапов бытия слова. Механизм образования, развития и приобретения словом юридического статуса – дискурсивный.

Гипотезой исследования является предположение о наличии в русском естественном языке предпосылок для эволютивной юридизации общенародной лексики, которые проявляются в её многовариантном дискурсивном функционировании.

Методология и методы исследования.

По своей **методологии** исследование связано с выделением диахронии – «застывшей диахронии» – синхронии как этапов формирования юридического смысла слова. Диахрония рассматривается сквозь призму синхронии. Выбираются в исторических контекстах для анализа те лексем, которые в современном своём функционировании отсутствуют в юридических словарях, но встречаются в текстах закона. «Застывшая диахрония» раскрывает прошлые смыслы слов в их современной реализации. Синхрония реализует градуальную типологию «степень юридизированности» значения лексем, их положение в настоящем времени.

Методика отбора лексического материала для анализа и его описания связана с комплексной семасиологической оценкой отбираемых лексем, в её ходе осуществляется переход от словарного значения интересующих нас лексем к их семантике в разных типах дискурсов, в которых они встречаются. Материал исследования извлекался из различных типов дискурса: религиозного, политического, юридического, художественного, массмедийного, медицинского других. В связи с чем в работе использованы разработки методики деривационно-семасиологического анализа лексики [Голев, Шкуропацкая, 2002]. Появление слова в новом дискурсе трактуется как предпосылка структурно-семантических изменений слова и гнезда родственных слов, частное появление новых смыслов в семантике слова и ее расщепления на отдельные микрополя и микрогнезда [Голев, 1989]. Слова с корнями *чест-* и *гражд-* являются удобным инструментарием для решения поставленных задач. В «Предисловии» одной из первых работ по

русской юридической лингвистике «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой коммуникации» была поставлена ключевая проблема названной научной дисциплины: «<...> Буквально в каждом вопросе о содержании понятий, перешедших из бытового языка в язык юридических документов, является едва ли не определяющим» [Понятия чести ..., 2004, с. 4]. И уже первый вопрос, который ставят авторы данной книги, таков: «Четко ли определены в текстах права основные понятия, такие как «честь», «достоинство», «клевета», «оскорбление», «унижение чести и достоинства» и пр.» [Понятия чести ..., 2004, с. 11], далее в этом ряду называются «репутация», «престиж» и «доброе имя» [Понятия чести ..., 2004, с. 13]. Так, слова с корнями *чест-* и *гражд-* рассматриваются в аспекте их постепенного движения к юридическому статусу, которого они не достигли в полной мере и сейчас.

Содержание методики дискурсивно-семантического анализа основывается на принципе постепенного перехода от речевого функционирования слов к выделению семантического компонентного состава термина: от дискурса к элементам смысла. Истоки изучения и понимания функциональной природы юридического термина и дискурсивного анализа лексической семантики восходят к работам Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой [Голев, Лебедева, 2016; Голев, 2019], а также к исследованиям представителей кемеровской юрислингвистической школы [Голев, Воробьева, 2017; Дударева, 2018, 2019; Ким, 2019; Кишина, 2019 и др.].

В данном исследовании применялись следующие методы и приёмы: описательный метод, метод дискурсивно-семантического анализа текста и семантики лексических единиц, метод наблюдения за современным языковым статусом лексем текста закона с выходом на их сущностную классификацию, методы компонентного и концептуального анализа, приём количественных подсчётов.

Материал и его источники. Междисциплинарный характер исследования, его цели и задачи обусловили привлечение материала из различных источников. В главе 2, представляющей комплексный диахронный дискурсивно-семантический анализ эволютивной юридизации лексем с корнями *чест-* и *гражд-*, **материалами** исследования выступают около 10000 словоупотреблений из различных дискурсивных практик, взятых из Национального корпуса русского языка (URL:[http:// www. ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)) и его подкорпусов, различных законодательных текстов, Памятников русского права (1952), сайта «Сто главных документов Российской истории» (URL: [http://doc.histrf.ru.](http://doc.histrf.ru)) и других текстов. Принципом отбора материала для фактологической базы является метод сплошной выборки. Методом сплошной выборки было изучено порядка 8234 источников, из которых были извлечены контексты.

Для верификации смыслов, извлекаемых из контекстов, обращались к словарям древнерусского, старославянского, церковнославянского и современного русского языков. Словарными источниками, на основе которых толковались корни, являются словари древнерусского, старославянского, церковнославянского и современного русского языков.

В главе 3, описывающей результаты практического применения методики системного семасиологического анализа лексического состава текста закона, анализу были подвергнуты пять текстов, извлеченных из федеральных законов (URL: consultant.ru/document/), законопроектов (URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6.](https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6)), региональных законодательных актов (URL: <http://docs.cntd.ru/document/990309924>).

Научная новизна исследования заключается в разработке понятия эволютивной юридизации общенародной лексики в русле исторической юрислингвистики, что позволяет увидеть и зафиксировать разную степень терминологизации (юридизации) лексем. Оригинальный аспект исследования состоит в опыте создания системного семасиологического анализа лексического состава текста закона. В описание современного функционального статуса и

смыслового содержания слов и словосочетаний правового текста включается исследование диахронных «застывших» смыслов семантики «предтерминов» – лексических единиц с невысокой степенью юридизированности.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования определяется его вкладом в разработку таких научных областей, как юридическая лингвистика, когнитивное терминоведение, дискурс-анализ. Настоящая работа позволяет посмотреть на юридический термин как на динамическую когнитивно-коммуникативную единицу правовой коммуникации. Разработана идея детерминированности значения слова, с одной стороны, его дискурсивным пространством, в диахронном плане и, с другой стороны, заданности определенного дискурса семантикой самого слова в синхронном плане. В историческую юрислингвистику вводится категория «эволютивной юридизации общенародного слова» как процесса постепенного обретения последним своего юридического статуса. Теоретическая значимость исследования определяется также его вкладом в методологию дискурс-анализа, в методологию диахронной семасиологии и юрислингвистики.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования полученных результатов при разработке и преподавании ряда лингвистических дисциплин по проблемам юридической лингвистики, семантики, когнитивного терминоведения, дискурс-анализа, политической лингвистики. Практическая значимость выполненного исследования состоит в учёте общенародного компонента законодательных текстов, в составе которых содержатся термины со «шлейфом» их прошлого общенародного статуса. Полученные результаты работы могут быть использованы при толковании закона, в экспертизах с фигурированием полутерминологических лексем. Представленная в ней классификация типов речевых единиц может применяться в практике экспертизы действующих законов, законопроектов, может играть значительную роль в перлокутивной экспертизе текстов законопроектов, направленной на выявление их доступности, уровня и качества понимания. Особенно значимой нам

представляется возможность использования результатов исследования для экспертизы текста закона, связанной с выявлением его коррупциогенного потенциала.

Положения, выносимые на защиту.

1. Юридический термин является продуктом стихийного возникновения и функционирования языка. Во многих случаях проникновение термина в систему юридического языка – длительный процесс юридизации общенародного слова. Эволютивная юридизация является постепенным становлением юридической семантики общенародного слова.

2. Вхождение общенародного слова в юридический язык определяют дискурсивно-семантические факторы. Слово, функционируя в определенных дискурсах, изменяет свою содержательную структуру, применительно к юридическому термину это означает формирование и укрепление правовых смыслов. Частный случай такого изменения – расщепление семантики слова на отдельные ЛСВ. Некоторые из ЛСВ корневого слова приобретают собственно юридический статус.

3. Аморфность общенародной лексики переходит «по наследству» в юридическую сферу её бытования, что создает необходимость дифференциации терминов, которые подверглись полной или неполной юридизации. Вследствие этого текст закона представляет собой сложный конгломерат лексических единиц, в разной степени удаленных от общенародного статуса и приближённых к юридическому статусу.

4. Семантическая неопределённость «предтерминов» является показателем создания множественности интерпретаций и напряжённости в социально-правовой сфере, что трактуется как коррупциогенный показатель развития правовых рисков.

5. Основными причинами семантической неопределённости признаются такие проявления естественного языка в юридической сфере, как дискурсивное

функционирование лексики, приводящее к расщеплению значений слов (полисемия) и синонимии.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на международных научных конференциях и симпозиумах (Кемерово, 2017, 2018, 2019; Томск, 2017; Белгород, 2017; Москва, 2019, Чебоксары, 2020). Материалы исследования изложены в 9 опубликованных работах, 3 из которых опубликованы в изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ. Из них 2 статьи опубликованы в журналах, входящих в международные базы Web of Science и Scopus.

Работа прошла апробацию в рамках грантов РФФИ № 19-012-00202 А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ», РФФИ № 20-412-420004р_а «Лингвистический мониторинг социальной напряжённости в Кузбассе».

Достоверность результатов исследования обеспечивается репрезентативным объемом материала и изучением теоретических работ по теме, а также использованием современных методик сбора и обработки исходной информации.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы (332 наименований), что составляет 215 страниц.

ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССА ЮРИДИЗАЦИИ КАК СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Настоящая глава аккумулирует ряд представлений о процессе юридизации как приобретении лексическими единицами естественного языка юридического статуса в законодательных текстах. Актуализируются основные тенденции изучения процесса юридизации и их воплощение в юридической терминосистеме в рамках современного зарубежного и отечественного языкознания, поскольку исследование касается признакового состава российских культурных концептов и символов. Зафиксирована специфика этого явления, а также установлены особенности юридического дискурса. В главе обосновываются положения о ведущей смыслопорождающей роли дискурса в становлении юридической семантики слова, а также о многообразии дискурсов и расщеплении семантики деривационного слова (деривата). Определены границы термина как лингвистического знака, высвечены «зоны» пересечения и «перехода» общенародного слова в статус юридического термина. Описаны параметры диахронного дискурсивно-семантического анализа лексики и текста закона. Введено и обосновано понятие «эволютивная» юридизация лексики. Раскрыты периоды «эволютивной» юридизации, соответствующие этапам развития русского юридического языка. Представлена сущностная классификация лексических единиц текста закона по степени их «юридизированности».

1.1. Процесс юридизации в свете современной парадигмы научного знания. Роль дискурса в становлении юридической семантики слова¹

Антропологическая направленность современной лингвистической науки обуславливает обращение к условиям формирования механизмов процесса юридизации лексического компонента законодательных текстов, являющихся органичной частью правового дискурса, связанного с миром человека и сферами его жизнедеятельности. Сегодня, когда юридическая лингвистика приобрела широкий размах в России и за рубежом, проблема юридизации естественного языка в функционально-динамическом аспекте обретает первостепенную важность. При создании новых концепций, методик и классификаций лексических единиц текста законов, используя во всей полноте предшествующий опыт, необходимо аргументировать и выдерживать требования современной лингвистики. Способом достижения этой цели является анализ литературы, соответствующей заявленной теме.

В самом **широком смысле** юридизация представляет собой обретение различными социальными явлениями, фактами, событиями правовых (юридических) смыслов и значимостей, «придание фактам, отношениям правового характера» [URL: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2469895.html>]. В настоящее время юридизация становится предметом научного анализа в различных гуманитарных науках: социальной антропологии, культурологии, юриспруденции, лингвистике, в частности, социолингвистике, юридической лингвистике, когнитивной лингвистике и т.д. Так, всё больше исследовательских работ связано с аспектным рассмотрением юридизации человеческой жизни: «юридизации» социальной и медицинской деятельности [Рёрихт, 2009], общественных отношений сферы частной жизни [Дубинина, 2010], деятельности полиции [Дубинина, 2016], информационно-коммуникационных технологий

¹ Данный раздел написан с использованием материалов, ранее изложенных в статье [Голев, Иркова, 2018].

[Тихонова, 2017] и других аспектов. В них отмечается малоизученное состояние процесса юридизации, а также его социальное, культурное и политическое значение в рамках развития общественных отношений. Юридизация проникает в различные сферы социальной жизни человека, отражается в его деятельности. В этом плане значимо высказывание О. Т. Сланова [Сланов, 2008] о том, что есть смысл говорить о юридической личности как о «*homo juridicus*», т.е. таком человеке, который прошел стадию юридизации как способа приобретения юридического опыта, усвоения правовых норм. Взаимодействие людей и закона, связанное с юридизацией, становится органичной частью мировосприятия человека, которое так или иначе находит своё выражение в слове.

Специальный аспект изучения юридической терминологии раскрывается в научных трудах ученых-правоведов [Алексеев, 1999; Губаева, 2003; Туранин, 2009; Акишин, 2016; Синченко, 2016 и др.]. Истоки рассмотрения вопросов юридического языка восходят к первым работам, посвященным изучению юридической техники [Бентам, 1867]. Неоднократно на разных этапах развития юридической науки была подчеркнута важность идеи семантических изменений в содержании юридических терминов. Поэтому верно пишет С. С. Алексеев о философии права, и в этой связи отмечает важный момент: «Специально-юридическую терминологию нельзя ограничивать набором особо сложных юридических выражений и слов. По сути дела, в законах, иных нормативных документах выражения и слова, которые, казалось бы, относятся к обычным, общеупотребляемым, в действительности имеют свое специфическое правовое содержание... Характерный пример - слово „делка“, которое, в обиходе имея даже упрёчный по этическим критериям оттенок, в своем юридическом значении является высокозначимой правовой категорией» [Алексеев, 1999, с. 123]. В последние десятилетия современные отечественные ученые-правоведы указывают на процессы нового «нарратива о праве» [Мелкевик, 2012, с. 37], постепенной «неологизации языка» [Ващенко, 2018]. Следует отметить, что данное явление характеризуется появлением новых слов, значений и смыслов, в

том числе юридических значений, что свидетельствует о размывании границ между различными понятиями и словами.

Сказанное касается не только общенародной лексики, но также и лексики правовой. Разного рода слова-термины, например, «свидетель» [Федюковский, 2014], «налоговая тайна» [Костикова, Миргородская, 2017], «в виде исключения» [Суменков, 2012], «требование» [Салтыков, 2015] и многие другие неоднозначно входят в правовую дискурсивную практику и необходимо рассматриваются юристами в аспекте их истолкования и понимания в плане преодоления неоднозначности. Итак, в среде правоведческой науки наблюдается интерес к динамическому плану, семантической многозначности юридической терминологии.

Специфичный аспект изучения процесса юридизации и юридической терминологии задают лингвистические исследования. Среди них можно выделить как минимум две традиционные магистральные тенденции в изучении процесса юридизации и юридической терминологии. Первая линия связана с основными принципами взаимодействия естественного (общенародного) и юридического «форматов» функционирования русского языка. Вторая линия исследований открывает процесс деюридизации правовых терминов, их смысловой трансформации при попадании в различные неюридические дискурсы.

Первая линия реализуется в рамках изучения взаимодействия естественной и юридической форм функционирования русского языка. В конце XX века в России произошло оформление нового научного направления, в рамках которого изучается процесс юридизации общенародного языка как самостоятельный лингво-правовой феномен.

Возникновение термина юридическая лингвистика, его дефиниции, фиксации предметной области дисциплины связаны с деятельностью научного коллектива Ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей (г. Барнаул), возглавляемого профессором Николаем Даниловичем Голевым [Юрислингвистика-1..., 1999]. Значимым на пути становления юридической

лингвистики становится формирование в России нескольких крупных центров: Гильдии лингвистов-экспертов по документным и информационным спорам (ГЛЭДИС) [URL: <http://rusexpert.ru/about>] и Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов [URL: <http://lexis.webservis.ru>]. Появление новых различных учебных пособий [Барабаш, 2013а], диссертационных исследований [Воробьева, 2014], монографий [Бринев, 2009], научных статей [Зиянгирова, 2019] в рамках предметной области российской юрислингвистики свидетельствует о наличии и актуальности не только теоретических, но и практических проблем филологии и права: юридикации различных уровней естественного языка, взаимодействия фактов языка и фактов права.

В этом контексте на новом витке развития юрислингвистики не перестают быть важными следующие вопросы: 1) каким образом реализуется отношение языка к закону; 2) как язык функционирует в различных условиях; 3) какие закономерности естественного языка отражаются в содержании текста закона, как они влияют на его создание и применение в юридической практике; 4) что влияет на социальное взаимодействие людей на языковой основе сквозь призму закона; 5) какова процедура экспертной оценки специалистов других, «пограничных», областей науки, в том числе и юрислингвистики и «лингвоюриспруденции» в области решения юридических вопросов. Из сказанного следует, что адекватный перевод естественного языка, его смыслов на юридический язык возможен благодаря мультидисциплинарному сотрудничеству лингвистов и правоведов.

Обозначенные проблемы раскрываются также в значимой для нас немецкоязычной монографии S.Wolfer, посвящённой разностороннему анализу юридической терминологии и представлению концепции об «упрощённом языке» текстов закона [Wolfer, 2017]. «Eines der Ziele dieser Arbeit ist es, die Konsequenzen von Reformulierungen zu untersuchen. Außerdem werde ich anhand eines Lesekorpus psycholinguistische Fragestellungen auf mehreren linguistischen Ebenen bearbeiten. Der Analyseprozess geht von der Wort- über die Satzebene bis hin zu textuellen Eigenschaften». *Перевод автора диссертации: «Одной из целей этой работы*

является устранение последствий переформулирования. Кроме того, я буду редактировать психолингвистические вопросы на нескольких лингвистических уровнях, используя читательский опыт. Процесс анализа идет от уровня слова до уровня предложения, до текстовых свойств» [Wolfer, 2017, с. 9]. «Doch was sollen wir eigentlich konkret unter Plain Language verstehen? Historisch wird das Plain Language Movement mit der Verbraucherbewegung in den USA nach dem Zweiten Weltkrieg in Verbindung gebracht (vgl. Masson/Waldron 1994). Wenn es um Plain Language in US-Regierungsdokumenten geht, kann vor 1970 jedoch nur von vereinzelt Bemühungen gesprochen werden (vgl. Locke 2004). Das erste Dokument, „to appear entirely in plain English" (ebd.) ist wahrscheinlich ein 1977 veröffentlichtes Regierungsdoku – ment, das die Regeln für die Benutzung öffentlicher Funkfrequenzen ‘regelt (Citizens Band Radio Rules). Seitdem haben sich mehrere US-Präsidenten für den Gebrauch klarer Sprache eingesetzt. Seit dem oben genannten präsidentialen Memorandum von Bill Clinton (vgl. Clinton 1998) breitete sich klare Sprache als Wert beim Abfassen von Regierungsdokumenten weiter aus. Als vorläufiger Endpunkt der offiziellen Regelungen gilt der oben bereits erwähnte Plain Writing Act (2010). Der Begriff Plain Language ist fest mit dem Ziel der Kommunikation verknüpft. Sprache ist in diesem Sinne dann klar, wenn die Zielgruppe die von ihr benötigte Information findet, das Gefundene versteht und es so anwenden kann, dass Ihre Bedürfnisse befriedigt werden». Перевод автора диссертации: «Но что мы, собственно, должны понимать под «упрощённым языком»? Исторически развитие «упрощённого языка» тесно связано с общественным движением потребителей в Америке после Второй мировой войны (см. Массон/Уолдрон 1994). Если речь идёт об «упрощённом языке» в американских правительственных документах, то можно говорить, что до 1970 года относительно его реализации были выполнены лишь только разрозненные усилия (см. Локк 2004). Первым документом об «упрощённом языке» является закон, опубликованный в 1977 году, регулирующий правила использования гражданских радиочастот (citizens Band Radio Rules). С тех пор несколько президентов Америки выступали за

использование «упрощённого языка». Со времени названного Меморандума Билла Клинтона (ср. Клинтон в 1998 году) «упрощённый язык» начал использоваться при составлении правительственных документов. В качестве предварительной отправной точки при составлении официальных документов применяется вышеупомянутый закон о «упрощённом языке», о ясной письменной форме (2010). Термин «упрощённый язык» тесно связан с целью коммуникации. Язык в этом смысле ясен тогда, когда целевая аудитория находит необходимую для себя информацию в тексте, чтобы понять вас и применить эту информацию таким образом, чтобы удовлетворить ваши потребности» [Wolfer, 2017, с. 10].

Позиция S. Wolfer и сторонников названной концепции во многом определяется их пониманием переводческого процесса, поэтому по-разному решается вопрос относительно способов достижения «ясности» и устранения трудностей законодательных текстов, оптимизирования юридических текстов с лингвистических позиций. Вопросы эффективности переводческих процессов в контексте юридической коммуникации широко представлены в зарубежной юрислингвистике [Gibbons, 2005; Eades, 2006; Solan, 2006; Tiersma, 2012]. Прослеживается тенденция к междисциплинарному сотрудничеству ученых из разных областей научного знания.

Поиски ответов на поставленный круг проблем и вопросов составляют предмет научных изысканий от классиков до современников. Остановимся на некоторых из них, обсуждение которых позволит нам обозначить собственную позицию относительно эволютивной природы юридизации и факторов, детерминирующих юридическую семантику слова, становящегося юридическим термином.

«К лингвистам-экспертам часто обращаются с запросом анализа юридических слов-терминов в рамках судебной практики в ходе споров по поводу значения того или иного термина» [Голев, Иркова, 2018, с. 214]. «Для правильного истолкования таких слов-терминов в судебных прениях нередко привлекаются их общеупотребительные значения, для чего делаются отсылки к

словарным определениям. В зону судебных разбирательств попадают слова и словосочетания, имеющие в естественном языке широкий спектр этических и правовых смыслов: «добросовестный», «добропорядочный», «честный», «выгодная услуга», «ранее судимый», «подозреваемый» и другие» [Там же] Семантическая неопределённость юридического термина предстаёт как фактор развития неоднозначности, множественности интерпретаций в социально-правовой среде.

В связи с практическими потребностями толкования «недотерминов» ставится вопрос о границах понятия «юридико-лингвистическая неопределённость», нередко актуализирующегося при проведении антикоррупционной экспертизы [Россинская, 2010; Белоконь, 2012; Шабалин, 2012; Кабанов, 2014; Карасева, 2017; Астанин, 2016; Арнаутова, 2017; Бондаренко, 2018], «поскольку диффузность значения и неоднозначность толкования текста закона естественным образом трактуются в данной сфере как коррупциогенный фактор» [Голев, Иркова, 2020, с. 22].

Лингвистическая неопределённость в юрислингвистической литературе понимается как «неопределенность понятий, терминов и формулировок семантического (содержательного) характера, которая традиционно связана с несоблюдением содержательных, логических и лингвистических требований юридической техники, что может вызвать произвольное толкование и применение правовых норм» [Белоконь, 2012, с. 333]. Помимо неоднозначных терминов и оценочных категорий, эксперты обычно относят к юридической и лингвистической неоднозначности такие нарушения лингвистических и логических правил юридической техники, как «использование терминов с неидентичными значениями в качестве синонимов; использование понятий, допускающих широкое толкование; использование понятий, не используемых действующим законодательством; использование понятий, не имеющих нормативных определений; использование понятий без учета их лексического (зафиксированного словарями) значения» [Там же].

Феномен «нечетких определителей», потенциальных правовых конфликтогенов текста, описан, в частности, в работах Н. Н. Голубя и М. А. Осадчего, в которых, в частности, развит тезис о том, что различные виды нечетких детерминант могут быть как конфликтогенными факторами, так и тактическими методами избегания правовых рисков [Голубь, Осадчий, 2012]. «Неопределенная семантика связана не только с собственно терминами, но и с другими типами слов и различными элементами текста (синтаксическими конструкциями, знаками препинания и др.)» [Голев, Иркова, 2020, с. 22]. «Например, возникновение неопределённости и множественности интерпретаций, затрудняющих понимание текста закона, в лингвистической экспертизе по антикоррупционным делам связывается, в частности, со спецификой размещения причастного оборота вдали от определяемого слова» [Там же].

А. А. Арнаутова, рассматривая ч. 1 ст. 13.25 «Нарушение требований законодательства о хранении документов» КоАП РФ, отмечает наличие дистанции между понятиями «законодательство» и «нормативный правовой акт», которые находятся в отношении подчинения [Арнаутова, 2017]. Одним из факторов семантической неопределенности является, по замечанию С. В. Дорониной, «смена официального регистра общения на неофициальное, а также использование приемов речевой провокации» [Доронина, 2015, с. 245].

Документом, регулирующим содержание антикоррупционной экспертизы, является методика, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [URL: <https://base.garant.ru/197633/>]. Как указывает А. А. Арнаутова, «положения, закрепленные в методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, безусловно, имеют огромное значение для правотворческого процесса, тем не менее назвать данную методику методикой в общепринятом смысле нельзя, поскольку в ней отсутствует система методов и сами этапы, задачи экспертного

исследования в ситуации нечёткого определения терминов» [Арнаутова, 2017, с. 316]. Эту же мысль высказывает В. В. Астанин: «существующая методика антикоррупционной экспертизы не в полной мере соответствует критериям и требованиям, которые должны предъявляться к содержанию методики как к инструменту экспертной деятельности» [Астанин, 2016, с. 5].

В теории судебной экспертизы имеется определение экспертной методики и методологии. Так, «экспертная методика» представляет собой научно обоснованную последовательность действий для решения конкретной (типовой) экспертной задачи. Иными словами, это такая методика, в которой выражен и обобщён опыт решения конкретной (типовой) экспертной задачи. Содержание методики явлено «как совокупность основных данных об объектах исследования, экспертной задаче, оборудовании, материалах и способах её решения» [Россинская, 2014, с. 140]. Поэтому анализ лексем с низкой степенью юридической значимости имеет важное практическое значение, которое входит в сферу лингвистической экспертизы законов и законопроектов. В любом тексте, написанном на естественном языке, существует потенциальная неопределенность (двузначность), и юридический текст не является исключением, поэтому крайне важно понять границы этого понятия, которые, как отмечают исследователи, чётко не определены.

К настоящему времени значительные знания по данной проблеме накоплены в ряде лингвистических работ, посвященных легализации текста, языковым и речевым конфликтам в свете их типологии [Матвеева, 2005; Третьякова, 2013], адресата [Микулина, 2014]; юридизации деривационных средств [Сидорова, 2010], синтаксических конструкций [Шахматова, 2015], слов [Голев, Иркова, 2018] и многому другому. Как отмечает О. В. Барабаш, «правовые термины имеют функциональные и структурно-семантические особенности, которые могут приводить к проблемам их употребления и правоприменения» [Барабаш, 2013, с. 5]. Пограничная семантика слов «честь» и «гражданин» устанавливает вектор их движения в направлении законодательного дискурса и

может развиваться, если слово попадает в соответствующий контекст. Эта система осуществляется в широко используемой терминологии, когда она растет в правовом поле, приобретая юридическое значение в рамках отношений с другими терминами этой области.

Различные «предтермины», «слова-термины», попадающие в тексты закона, выделяемые по их статусу в естественном языке изучаются лингвистами-исследователями по преимуществу в аспекте их стилового функционирования. Многие из них представляют собой вариации слов естественного языка, например: «беженец» [Механошина, 2016], «должная осмотрительность» [Белюсова, 2017] и другие. Слова-термины такого рода рассматриваются лингвистами в аспекте их бытового, повседневного или профессионального употребления и соответствующим образом интерпретируются (см, например: исследование К. М. Рудковой [Рудкова, 2004]). Такому исследованию подвергаются иногда даже лингвистические слова-понятия. Авторы статьи «Государственный язык Российской Федерации – современный русский литературный язык. Есть ли разница?» [Кропачев, 2016] также отмечают сложности, связанные с отсутствием единого определения таких полутерминов (для юридического дискурса), как, например, «современный русский язык. Ряд таких полутерминов открытый: «социальная группа» [Бринев, 2012], «налоговая тайна» [Костикова, 2017] и другие. Все ученые так или иначе затрагивают вопросы о сложности и неоднозначности семантики терминов права, её реализации, толкования.

Таким образом, анализ исследований юристов, лингвистов-экспертов, лингвистов-исследователей демонстрирует необходимость детального рассмотрения содержания юридических «полутерминов», «предтерминов» и их классификации. «Формирование собственно юридического модуса существования термина происходит путем втягивания в себя единиц из различных неюридических сфер общенародного языка (например, из религиозной,

политической, бытовой, научной и т.п.), которые, попадая в систему, начинают обретать новые смыслы и значимости» [Голев, Иркова, 2018, с. 241].

Главным механизмом явления юридикации в настоящем исследовании признается дискурс. Все вышеперечисленные работы демонстрируют влияние **правового** контекста (дискурса) на попадающие в него языковые единицы. Таким образом, любой отдельный язык погружен в семиотическое пространство, и только взаимодействуя с этим пространством, он способен функционировать.

Мы определяем дискурс как один из механизмов формирования значения слова. В парадигме современного гуманитарного знания неоднозначность трактовок и подходов к этому понятию делает его во многом эклектичным, размытым в своих границах. При определении понятия дискурса в нашем исследовании мы опираемся на научную традицию российской «когнитивно-дискурсивной школы» (исследования Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1980], В. З. Демьянкова [Демьянков, 1996], А. А. Кибрика [Кибрик, 2003], Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 2004] и др. Для представителей этой школы *«Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (текст)» сложного единства языковой формы, знания и действия»* [Кибрик, Плунгян, 1997, с. 307]. Слово движется в дискурсивном потоке различных семантических валентностей, входя в разные контексты, приобретая новые значения.

В связи с чем значимым для исследования является высказывание Н. Ф. Алефиренко о важнейшем категориальном свойстве дискурса: в отличие от текста, *«он способен породить новый смысл, не равный семантике составляющих его языковых единиц»* [Алефиренко, 2009, с. 6–7]. Его смыслообразующая способность обусловлена тем, что, в отличие от собственно высказывания, дискурс состоит из элементов ранее произведенных дискурсов. О чём писал в своих работах Ю. М. Лотман, вводя понятие семиосферы как особом пространстве знакообразования, в котором происходит постоянное обновление

смысловых кодов [Лотман, 1996]. Так, юридический дискурс явлен как результат и как условие развития семантики общенародного слова.

Речь рассматривается как универсальная сеть всех устных или письменных высказываний, вплетенных в ткань реальных событий, которые переживаются на языке. Исходя из этого определения, речевой акт выступает в качестве основной части речи как таковой, а сам дискурс предстает как жизнь в языковом общении.

В нашем исследовании дискурс переплетается в социальной и правовой жизни со своей шкалой ценностей и культуры. Дискурс является одновременно и механизмом, порождающим становление юридической семантики, и результатом, широким контекстом, детерминирующим смыслы и далее значения слова (ЛСВ). Например, лексема «*песнь*», функционируя в книжной речи, приобрела не только стилистический оттенок значения высокого и устаревшего стиля, но и определенный смысл – особый песенный жанр, отличный от современного значения лексемы «*песня*» (ср. «Песнь о Вещем Олеге» и т.п.).

В этом ключе следует обратиться к работе Н. Д. Голева «Динамический аспект лексической мотивации» [Голев, 1989]. Значимым для нас является тезис о мотивационной семантике слова, которая раскрывается в лексическом гнезде слов. Этот тезис связан с рассмотрением многообразия дискурсов и с расщеплением семантики особого слова (деривата), который находится в смысловых отношениях с другими однокоренными словами.

Семантическое поле однокоренных слов стремится к смысловой вариативности [Голев, Шкуропацкая, 2002]. В рамках различных дискурсов каждое слово из лексического гнезда имеет возможность занять свою нишу в зависимости от своей семантики. «Пучок» различных дискурсов оказывается способным раскрыть семантику слова-деривата, связанную с образованием юридического значения. Примером реализации такого смыслового расщепления семантики могут послужить отношения единиц гнезда слов с корнем *зло-*.

Так, в СлСРЯ [Словообразовательный словарь..., 1985, с. 67] в гнезде “ЗЛО” находим цепочки: «зло» – «злой» – «злоба» – «злбный» и «зло» – «злой» – «злость» – «злстный». Семантика не подтверждает такое членение. С ее позиций нужно, по-видимому, выделить микроцепочки зло (к слову злость прилагательное отнести нельзя, так как оно не значит “склонный к злости”), злой “недоброжелательный, враждебный” злоба злбный, злой “раздраженный” злость. Впрочем, четкой семантической мотивации в выделенных микроцепях нет, как нет ее во многих других гнездах, члены которых несут на себе отпечаток значительного индивидуального «опыта» функционирования, переросшего рамки, предписываемые им мотивацией и структурой. Для многих из них принцип мотивации по ЛСВ («для ЛСВ мотивата всегда есть аналог среди ЛСВ мотиватора») по существу не срабатывает. Поэтому, например, для «злой» (по отношению к собаке) нет «подходящих» ЛСВ среди ЛСВ мотиватора «зло», для «зловонный» – среди ЛСВ прилагательного «злой», напротив, для «злой» (антоним к «добрый») нет строгого коррелята в сфере отвлеченных существительных, какой есть, скажем, у «добрый» (ср. доброта).

Л. Ю. Буянова также пишет о терминологической деривации как «фундаментальном механизме эволюции языка науки и факторе когнитивного семиозиса» [Буянова, 2014, с. 55]. Деривация выступает как глобальный фактор и способ вербализации научной картины мира во всем многообразии стратификационных единиц. В актах деривации происходит изменение формы (структуры) и семантики единиц, взятых в качестве исходных. С точки зрения смысла это изменение может быть направлено либо на использование знака в новом значении, либо на создание нового знака путем преобразования старого или объединения его с другими знаками языка с той же целью.

Л. Ю. Буянова акцентирует внимание на семантических и концептуальных неточностях различных юридических терминов. Они выявляются исследователем при анализе следующих терминов: «вор», «убийца», «насильник», «мошенник», «хулиган», «рецидивист», «наемник», «террорист» и др [Там же]. Их

концептуальная сфера структурирована неадекватным образом, часто преобладает не научное, а обыденное понимание и восприятие терминов, в связи с чем разрабатывая правовые документы, статьи кодексов, законов и т. д. необходимо использовать единую правовую терминологию, зафиксированную в специальных юридических и лексикографических источниках.

Важным моментом для настоящего исследования является тезис М. Г. Шкуропацкой о спецификации в значении «сгустков» семантической энергии, которые «образуют в непрерывном деривационном пространстве лексической системы отдельные паттерны (смыслы), с опорой на которые дискретизируется (членится) это пространство, репродуцируя в нем мир отраженных в языке сущностей» [Шкуропацкая, 2004, с. 16]. Так, деривационное функционирование лексики разворачивается в постоянном синхронно-диахронном процессе, в цепи актов конструирования или использования слов» [Там же]. В этом направлении актуальным является обращение к стихийному, динамическому аспекту функционирования юридического термина как единице, находящейся в зоне пересечения живого языка и языка закона.

Второе направление исследований юридизации связано с обратным этому процессу явлением – деюридизацией правовых терминов, которая происходит при их попадании в поле сознания рядового носителя языка или при вхождении в другие, неюридические дискурсы. Научный контекст, в котором разворачивается настоящее исследование, раскрывается работами кемеровской юрислингвистической школы, изучающей специфику реализации юридического термина в интерпретационном поле рядовых носителей языка (см. работы Н. Д. Голева [Голев, 2012]; Н. Д. Голева и М. Е. Воробьевой [Голев, Воробьева, 2017] и др.). Юридические термины в новых для себя речевых ситуациях «деюридизируются» – у них появляются отличные от юридических смыслы и значимости. В этом процессе также смыслоопределяющими являются дискурсивный и концептологический механизмы: приспособление юридического термина к значимостям новой системы (его интериоризация). Для настоящего

исследования значимой идеей исследований этого направления является мысль о необходимости изучения правовой лексики в аспекте её понимания, истолкования обыденным языковым сознанием.

Так, например, журналисты часто неверно понимают термины «*подозреваемый*», «*обвиняемый*» и нарушают принцип презумпции невиновности, называя «*убийцей*» или «*грабителем*» гражданина, «*подозреваемого в убийстве*» или, соответственно, «*подозреваемого в ограблении*» [Голев, 2015, с. 34].

Деюридизации в художественном дискурсе также посвящен ряд работ, например, исследование М. В. Лутцевой [Лутцева, 2008], А. М. Пыж [Пыж, 2015]. В них описано применение элементов языка права в художественных произведениях, отмечены литературные жанры, в которых преимущественно встречается такого рода лексика; показано, что фрагменты юридического дискурса представляют собой своего рода «чуждые коды» в ткани художественного произведения; охарактеризована символизация языка права, надстраивание нового семиотического яруса. В частности, в работе Н. Д. Голева, А. А. Букиной «Анализ художественных дискурсов «вера-мораль-правда» (на материале драмы А. В. Сухово-Кобылина «Дело»)» [Голев, Букина, 2018] представлен анализ художественных дискурсов «*вера-мораль-правда*», который раскрывает многообразие различных смыслов и возможностей их взаимодействия.

Трансформация единиц специализированной юридической лексики в естественный язык часто сопровождается утратой термином своего терминологического статуса. У данного процесса две стороны: 1) когнитивная сторона, в первую очередь – осмысление юридических терминов обыденным языковым сознанием и 2) коммуникативная сторона, определяющая наше внимание к дискурсивному функционированию термина. Дискурсивное взаимодействие различных смыслов как на коммуникативном, так и на когнитивном уровне, отличается сочетанием разнонаправленных, а зачастую и противоположных стратегий и интенций, открывается образом «ризомы» как

«метафоры для описания непрямых, но интенсивных корреляций между коммуникативными и когнитивными процессами, обуславливающими существование человека как *Homo loquens* и *Homo sapiens* одновременно» [«Ризоморфный клубок» ..., с. 17] (см. об оппозиции названных сторон в работах Н. Д. Голева, Е. В. Кишиной [Социально-когнитивное функционирование языка..., 2017]). Процесс детерминологизации затрагивает целый комплекс проблемных вопросов, связанных с особенностями перехода специальных слов из научной сферы употребления в публицистический, разговорный и художественный дискурсы [Ковкина, 2016].

Под детерминологизацией юридического термина понимается актуализация правовых смыслов юридических терминов в неюридической сфере и их трактовка с обыденной, «наивной» точки зрения, а юридическая терминология предстаёт как продукт стихийного функционирования языка, который вырастает из неюридических сфер коммуникации путем их постоянного взаимодействия.

Таким образом, среди множества проблем, накопившихся сегодня в сфере науки, находящейся на пересечении лингвистики и юриспруденции, одной из основополагающих, на наш взгляд, является проблема всестороннего осмысления понятия и сущности того, как соотносятся, взаимодействуют общенародный и специализированный статус слова и его смыслы.

Речевое функционирование слова в самом широком понимании связано с выделением самых разнообразных смыслов. Исходя из сказанного, можно отметить выделение юридизации лексического яруса языка в отдельную и самостоятельную сферу, необходимым становится наиболее детальное изучение этой области, обращение к механизмам «перехода» содержания обыденных слов и понятий в текст закона и их означивание.

Тенденции изучения юридического дискурса постепенно начинают представлять этот феномен как определенную коммуникативную систему, в которой, как и в любом дискурсе, важным оказывается ситуация общения, роли

участников коммуникации, их стратегии, тактики, речевое поведение. Развитие смыслового потенциала слова проявляется в тех её свойствах, которые могут быть актуализированы в определенной системе отношений.

На наш взгляд, такими системами являются различные дискурсивные практики, среди которых для становления юридической семантики слова необходимым контекстом является юридический дискурс. В нём, как и в других дискурсах, слово общенародной лексики не только раскрывает свой семантический потенциал, но и обретает дополнительные смысловые обертоны, характерные для того контекста, в котором они реализуются.

Параметры терминологической лексики предметно-профессионального поля, как отмечает Н. М. Абишева, являются одновременно и теми «смысловыми координатами правового дискурса, который влияет на них. Так, тот понятийный аппарат, который отражается в семантике терминов той или иной системы, в значительной мере определяет особенности конкретного типа дискурса» [Абишева, 2007, с. 10].

Итак, юридический язык является частью русского языка, а юридическая речь-одной из сфер его функционирования. Юридический язык обладает всеми признаками естественного языка, включая спонтанность функционирования и развития. В связи с этим в обзоре литературы органично формулируется следующий тезис: дискурс, как смыслообразующий контекст, является одним из основных механизмов формирования правового значения слова.

1.2. От общенародного слова к юридическому термину

Функционально-динамический аспект процесса эволютивной юридизации входит в широкий контекст вопросов о сущности термина как лингвистического знака, его специфических особенностях и отличиях от общенародной лексики, которые связаны с именами ученых, стоящих у истоков возникновения терминоведения, как науки: Д. С. Лотте [Лотте, 1961], Л. А. Капанадзе [Капанадзе, 1965] и др. Терминоведческие исследования обнаруживают

концептуальную многоликость с богатой историей рассмотрения различных проблем, касающихся не только теоретических основ терминоведения, традиций отдельных терминологических школ, различных семасиологических, ономасиологических, функциональных, исторических, социолингвистических и других аспектов изучения терминов и терминосистем, но и многообразных прикладных характеристик использования термина в профессиональной сфере общения.

При этом в настоящее время наблюдаются многообразные нерешенные вопросы в области изучения терминов. Как отмечают Л. П. Грунина и А. Г. Широколобова, «рождённая в полемике теория термина и сегодня остаётся во многом дискуссионной. Таковы и неоднократно ставившиеся, и относительно новые вопросы, образующие систему так называемых бинарных оппозиций: а) общая литературная лексика / автономная специальная лексика; б) лингвистическое / энциклопедическое (и специальное) знание при определении термина в словарях разных типов; в) литературный язык / язык для специальных целей (ЯСЦ); г) ЯСЦ как функциональная разновидность литературного языка / подсистема общенационального языка; д) терминоведение как самостоятельная область знаний / как “стыковая”, “междисциплинарная наука”» [Грунина, Широколобова, 2016, с. 25]. Исходя из этого, весьма интересным представляется рассмотрение сквозь призму концепции когнитивизма того, как отражается знание о мире и языковое знание в юридической терминологии, формирующейся на основании единиц «естественного» языка. Это диктует обращение к анализу существующих концепций общей природы термина, работ по специфике юридической терминологии.

Этимологически значение лексемы «термин» восходит к латинскому смыслу слова *terminus* – “пограничный знак” [URL: <https://gufo.me/dict/vasmer>]. Современное значение не утратило этой связи. Термины, образованные разными способами, задают смысловые границы термилируемого ими понятия, принадлежащего к определенной терминосистеме.

С **философских позиций** «термин» трактуется как «однозначное слово, фиксирующее определенное понятие науки, техники, искусства и др.» [Философский словарь, 1968, с. 359]. С **логических позиций** «термин» – это «составной элемент суждения (субъект и предикат) или силлогизм (в который добавляется третий, средний термин)» [Новейший словарь..., 2002, с. 702]. Единого определения «термин» на сегодняшний день не существует. Разнородность определений данного понятия в науке связывается со сложностью самого явления, а также с различным содержанием, которое в него вкладывают исследователи [Лейчик, Шелов, 1989]. Так, О. С. Ахманова указывает на то, что «термин» – это «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 1986, с. 74].

Нет единства и при определении сути юридического термина. Исходя из позиции А. С. Пиголкина, юридический термин – это «слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определённый смысл и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [Язык закона, 1990, с. 65]. Представленная позиция коррелирует с определением В. М. Савицкого, для которого юридические термины – это «слова (или сочетания слов), которые являются наименованиями определенных юридических понятий» [Савицкий, 1987, с. 21].

Схожей позиции придерживается С. С. Алексеев, указывая на то, что юридические термины – это «словесные обозначения понятий, используемые при изложении содержания закона (иного нормативного юридического акта)» [Алексеев, 1999, с. 107]. В свою очередь В. Ю. Туранин предлагает следующее определение: «юридический термин – это специальное слово (или словосочетание), точно обозначающее юридическое понятие, однозначно

воспринимаемое в пределах юридического языка, смысл которого выражен с помощью его определения» [Турагин, 2009, с. 18.].

Приведённые дефиниции свидетельствуют о непосредственной взаимосвязи юридического термина и юридического понятия. Существенно важно для настоящего исследования обращение к когнитивной сущности юридического термина, поскольку любой термин, будучи частью целой терминологической системы, является значимым компонентом языковой и научной картин мира.

Резюмируя, отметим следующее определение когнитивной природы термина Л. П. Груниной и А. Г. Широколовой: «когнитивная специфика термина заключается в том, что терминологическая информация, заложенная в термине, позволяет “видеть” прошлое, познавать настоящее, предвосхищать будущее» [Грунина, Широколова, 2016, с. 55]. В этом же контексте рассуждает В. М. Косова: «возникая на базе естественных средств коммуникации, язык науки не может полностью освободиться от прошлого и сохраняет в своих глубинных слоях следы первоначального опыта» [Косова, 2004, с. 42]. Эта позиция пересекается с представлениями Л. Ю. Буяновой о генетической и онтологической (содержательной) близости общенародного слова и термина: «...изоморфные сущности, слово и термин обладают соответственно множеством изоморфных, тождественных признаков, затрудняющих их принципиальную дифференциацию» [Буянова, 2014, с. 25]. Важно отметить, что генетическое родство слова и термина определяет функциональную и динамическую природу юридического термина, имеющего комплекс морально-этических, общенародных значений.

Принимая во внимание представленные положения о природе термина, юридического термина и его когнитивной сущности, важно перейти к рассмотрению трёх магистральных линий в истории терминоведения.

Первая линия изучения рассматривает термин как особое слово (субстанциональный аспект исследований В. П. Даниленко [Даниленко, 1977], Б. Н. Головина [Головин, 1987], Д. С. Лотте [Лотте, 1961],

С. П. Хижняка [Хижняк, 1998]). Первое направление исследований формируется вокруг феномена термина в лингвистической научной традиции. Его можно отнести к тому направлению, которое наследует практику изучения «изоморфной теории» термина. Основная идея основана на сравнении термина с другими номинативными единицами и выявлении качественных признаков термина: однозначности, точности, последовательности, независимости от контекста и эмоциональной нейтральности (**исследования С. И. Коршунова и Г. Г. Самбуровой [Коршунов, Самбунова, 1979]**). Вывод авторов: профессиональный язык обладает статусом идеального языка, конструкта. В этом заключается важнейший принцип «изоморфизма» этой концепции.

Ю. В. Сложеникина считает, что эти авторы игнорируют лингвистическую основу специального слова, как бы выводя его за пределы естественного языка и общих законов развития языка, в частности, «не учитывается фактор изменчивости, который признается в науке универсальным свойством любой знаковой системы» [Сложеникина, 2005, с. 25]. Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что термин как особое слово, входящее в состав идеального языкового конструкта, является замкнутой сущностью, ограниченной определенным значением, на которое не влияет контекст значений, в который оно попадает.

Вторая линия изучения рассматривает термин как слово в особой функции (функциональный аспект исследований Л. А. Капанадзе [Капанадзе, 1965], В. М. Лейчика [Лейчик, 1989] и др.). Второе направление работ связано с функциональной точкой зрения на природу термина. Основная идея: конститутивными признаками термина признаются процессуальность, динамизм, противоречивость, способность к формально-семантическому варьированию. Следует отметить, что традиция рассмотрения функциональной сущности термина, его специфических особенностей и отличий от общенародной лексики восходит к работам Г. О. Винокура [Винокур, 1939] и

А. А. Реформатского [Реформатский, 1968]. Авторы раскрыли природу термина как языкового знака.

По мнению Г. О. Винокура, «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» [Винокур, 1939, с. 6]. Эта «особость» обусловлена «прочной логической основой терминологии» [Там же]. А. А. Реформатский даёт следующее определение терминам: «Термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением» [Реформатский, 1968, с. 104]. Отличительная особенность терминологии, по мнению А. А. Реформатского, – это её теснейшая связь с системой понятий, которые она выражает.

Функциональная сторона термина рассматривается несколько иначе в работах В. В. Виноградова, который указывает на дефинитивную функцию термина: слово выполняет номинативную или дефинитивную функцию, то есть является либо средством ясного обозначения, а затем простым знаком, либо средством логического определения, то есть научным термином [Виноградов, 1972].

Суммируя все вышеизложенное, подчеркнем, что концепции, рассматривающие термин как слово в особой функции, размыкают его смысловые границы, позволяют выделить его предназначение для обозначения того или иного понятия в рамках определенной терминосистемы.

Третья линия изучения рассматривает термин как формат знания особого рода (когнитивно-дискурсивное направление исследований Л. М. Алексеевой [Алексеева, 1998], М. Н. Володиной [Володина, 2000], Л. П. Груниной, А. Г. Широколовой [Грунина, Широколова, 2016], С. Л. Мишлановой [Мишланова, 2002, 2011], Е. И. Головановой [Голованова, 2004, 2008а, 2008б, 2008с, 2010, 2014], Ю. В. Сложеникиной [Сложеникина, 2005, 2010] и др.). Третье направление раскрывается работами в области когнитивного терминоведения. Настоящее исследование выполнено в русле концепций представленных авторов. Тенденцией современной когнитивной науки

является рассмотрение связи термина и научного концепта как ментальных единиц мышления и познания научной картины мира.

В рамках когнитивного терминоведения термин изучается в соотношении терминологических единиц с остальными лексическими единицами языка. Его специфика раскрывается важнейшей когнитивно-ориентирующей функцией термина, «поскольку термины составляют ядро языков для специальных целей, именно они служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве, задают направление мыслительной деятельности специалистов, служат одновременно ориентиром мышления и ориентиром деятельности» [Голованова, 2014, с. 128]. По справедливому замечанию М. Н. Володиной, «являясь языковым выражением специальных понятий, термины представляют особый способ репрезентации специального знания, необходимого в процессе профессионально-научной коммуникации» [Володина, 2000, с. 38]. Говоря о связи научного концепта и термина, необходимо обратиться к выводам, сделанным Л. П. Груниной и А. Г. Широколовой [Грунина, Широколова, 2016]. Авторы пишут о том, что «именно в процессе формирования знаний о технических феноменах, объектах, явлениях, свойствах, процессах и тому подобном происходит выделение концептов, которые получили языковую форму выражения в терминах» [Грунина, Широколова, 2016, с. 110]. В этом контексте следует отметить, что языковые репрезентации концепта не исчерпывают всех знаний, представленных в концепте, который составляет целостный глобальный образ мира. Это результат всей духовной деятельности человека, связывающий личный опыт восприятия мира с общечеловеческим культурным кодом.

То, как увиден, понят и преломлен в человеческом сознании мир, так или иначе находит свою объективацию в языке. В термине отражается знание о мире и языковое знание. Как указывает Л. М. Алексеева, и в этом с ней можно согласиться, – «почти каждое слово языковой системы терминогенно, т.е. слова обладают функцией, которая в естественном языке остается потенциальной, но в

другой системе отношений актуализируется, проявляет свои потенциальные свойства» [Алексеева, 1998, с. 17].

В контексте когнитивно-исторического терминоведения термины предстают как форматы знания особого рода, связанные с научной картиной мира, функционирующие в те или иные исторические эпохи [Голованова, 2008]. Весомым моментом этой парадигмы является ее ориентация на синтез разного рода точек зрения на один объект, попытка его интегрированного описания, с привлечением достижений смежных наук на рассмотрение вопросов, касающихся различных форматов знания и способов их обработки, передачи, хранения при помощи языковых единиц; раскрытие характеристик и особенностей важнейших процессов познания мира – категоризации, концептуализации.

Язык понимается как источник сведений о когнитивных (концептуальных) структурах нашего интеллекта и сознания. Концепт выступает одновременно и как результат познавательной деятельности людей в виде концептов (структурированного знания), но это знание, представляющее собой наиболее значимую информацию, необходимо сделать доступным и для других людей.

Так, обращаясь к эволюции юридической терминологии в лингвокогнитивном плане, можно проследить, каким образом происходит формирование и становление того знания, которое она несёт в себе. В. М. Лейчик называет единицы терминологии «предтерминами, – это слова русского общеупотребительного языка, не преодолевшие порога терминологизации, не удовлетворяющие содержательным и формальным требованиям к термину. Терминология может достигнуть уровня терминосистемы, когда в ней эксплицируются основные понятия и связи между ними» [Лейчик, 2007, с. 10].

С точки зрения типов специальных лексем, в терминоведении утвердились следующие обозначения, связанные с классификацией этих специальных лексем: «термины», «прототермины», «предтермины», «терминоиды», «псевдотермины» (исследования А. Д. Хаютина [Хаютин, 1971], В. М. Лейчика [Лейчик, 1994], С. В. Гринёва [Гринёв, 2005]). Различные типы специальной лексики,

употребляемые в работах терминоведов, по справедливому замечанию Ю. В. Сложеникиной, «на самом деле отражают лишь определенные ступени (фазы) общего процесса получения знаний о тех или иных фрагментах материального и духовного мира» [Сложеникина, 2005, с. 113]. Важно подчеркнуть, эти признаки характерны и для юридического термина как результата процесса юридизации общенародного слова.

«Процесс “перехода” слова общей лексики в статус термина закона представляется нам как один из важнейших каналов смыслообразования юридической терминосистемы. Этот канал неограничен во времени и является единым смысловым пространством взаимодействия различных дискурсивных практик, способствующих формированию собственно юридического значения слова» [Голев, Иркова, 2018 с. 214].

Резюмируя сложившиеся в лингвистической литературе представления о понятии «термин», его особенностях, способах формирования, отметим тезис, предложенный Е. И. Головановой: «В термине как языковом знаке аккумулировано знание трех видов: языковое (являющееся результатом обыденного познания), рационально-логическое, энциклопедическое, научное – в широком смысле) и собственно специальное (основанное на профессиональном опыте и возникшее как результат профессионального познания). Термин рассматривается не как статическая единица, а с точки зрения его обусловленности характером дискурса, в котором он используется. Каждый тип дискурса накладывает свои ограничения на форму и содержание языковых знаков, которые в нём функционируют» [Голованова, 2014, с. 77]. Как следует из отмеченного выше, когнитивно-дискурсивная специфика термина непосредственно связана с тем контекстом, в котором он реализует свой семантический потенциал.

Тенденция изучать развитие семантического потенциала в различных дискурсах, в том числе юридическом, охватывает современную юридическую лингвистику. При этом важным направлением является историческая

юрислингвистика, позволяющая выявить эволюцию юридического значения термина.

Юридические термины в древнерусском языке становятся предметом изучения в классических работах авторитетных специалистов в области истории русского языка [Иванов, Топоров, 1978; Живов, 2002; Рогов, 2006; Карпенко, 2016 и др.]. Важным аспектом формирования юридической терминологии является роль старославянского и церковнославянского языков, на которую неоднократно указывали специалисты по истории русского языка [Живов, 2002; Карпенко, 2016]. «Южнославянское влияние» основательно проявлялось в истории русского языка до XVI века.

Так, В. М. Живов описывает становление русского юридического дуализма в аспекте взаимоотношения русского и церковнославянского права в древнерусский период. История русского права рассматривается как лингвосемиотическая проблема. Автором обосновано, что древнейшее русское право обладало культурным статусом в рамках языческой культуры. С появлением письменности оно было зафиксировано, причем на русском, а не на церковнославянском языке. «Этот момент определил последующий культурный статус русских юридических текстов, в частности, все, что было написано на церковнославянском языке, получает место в сфере культуры, тогда как письменность на русском языке отходит к сфере быта, обычая, стоит вне культуры» [Живов, 2002, с. 112]. Византийское право было переведено на церковнославянский язык. Оно получило культурный статус, а русское право, излагавшееся на русском языке, было лишено культурного статуса» [Живов, 2002, с. 112].

В работе Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова содержатся интересные рассуждения о славянском «предправе». Авторами установлена связь между славянским «предправом» и основным мифологическим текстом данной традиции. Так, архаический слой, обслуживающий уже сложившееся (или возникающее) право, сам принадлежит к более глубокой системе понятий. Вывод,

сделанный авторами: термины, которые позже рассматривались как собственно юридические, в более раннюю эпоху имели значительно более широкую сферу употребления. Дело в том, что славянское «предправо» в славянской традиции, как и в большинстве других индоевропейских, формировалось и функционировало в дописьменный период, следовательно, в устной форме. Вполне возможно, что у славян (как и у других индоевропейских племен) «предправовой» комплекс возник вокруг основного «мифа», который как раз и описывает первое нарушение определенной традиции установленного порядка, наказание того, кто нарушил порядок [Иванов, Топоров, 1978, с. 113]. Важно отметить необходимость развития данного направления юридической лингвистики, поскольку в настоящее время отсутствует комплексное исследование диахронного аспекта юридической семантики слова.

Таким образом, стихийность перехода общенародного слова в статус юридического термина проявляется в возможности расщепления семантики гнезда однокоренных слов по многообразным дискурсам, которые обуславливают определенные семантические сдвиги, среди которых происходит кристаллизация юридического значения слова. Анализ различных работ свидетельствует о необходимости теоретической и практической разработанности проблемы становления той или иной терминологии, отраслевых терминосистем, находящихся на пересечении нескольких отраслей знаний, а также о важности детального изучения содержания юридических «полутерминов», «предтерминов» и их классификации.

1.3. Эволютивная юридизация общенародной лексики и принципы диахронного дискурсивно-семантического анализа текста закона²

Анализируя динамическую природу процесса юридизации как современную лингвистическую проблему в рамках когнитивной парадигмы, целесообразно отметить важность интегративных исследований, которые не только бы проливали свет на реализацию семантики правовых терминов, их трансформации в текстах закона, но и привлекали бы историю развития смыслового наполнения слова, становящегося юридическим термином. И. С. Улуханов в своих работах по исторической лексикологии [Улуханов, 1992, 2012] пишет следующее: «...синхронно-диахронические исследования представляют собой не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого» [Улуханов, 1992, с. 7]. Такой синхронно-диахронный подход в настоящем исследовании неразрывно связан с сохранением многообразия смысловых регистров слов естественного языка при их попадании в юридический дискурс. Синхронно-диахронный аспект рассмотрения лексических единиц правового текста позволяет трактовать их как слова, подвергающиеся «эволютивной» юридизации и находящиеся на разных ее этапах – от общенародного до специально-юридического.

«Текст закона при таком формате анализа предстаёт как проявление «застывшей диахронии». Как уже было отмечено выше, наш лингвистический анализ исходит из понятий дискурсивность, расщепление значений и эволюция смыслов слов, многозначность и синонимия. При этом синонимия предстаёт как проявление важного «крыла» в лексике текста закона, на которое, на наш взгляд,

² Данный раздел написан с использованием материалов, ранее изложенных в статьях [Голев, Иркова, 2018; Иркова, 2019; Голев, Иркова, 2020].

специалисты по юридической технике и юрислингвистике незаслуженно обращают меньше внимания, чем на полисемию и на разного рода языковые неточности и ошибки» [Голев, Иркова, 2020, с. 25].

В исследовании для непосредственного изучения избираются сложные проявления процесса юридизации, связанные с моментом «подготовки» возникновения и кристаллизации юридического статуса в долгом развитии слова и его семантики. В обозначенном ключе открывается положение нашего исследования о дискурсивно-семантических закономерностях в механизме терминологизации общенародных слов, оказывающихся единицами официальной юридической коммуникации.

«Синхронный и диахронный взгляд на процесс юридизации общеупотребительной лексики позволяет акцентировать внимание на стихийном начале бытия терминосистемы, на динамике формирования юридического значения слова, т.е. от анализа функционирования слова в дискурсе к выделению и интерпретации смысловых значений слова-термина в его развитии» [Иркова, 2017, с. 71]. Оно раскрывается в двух основных принципах, которых мы придерживаемся: синонимическом и гнездовом.

Гнездовой принцип анализа тесно переплетен с явлением полисемии и процессом расщепления гнезда слов, способствующим «юридизации» общенародных смыслов. Разные гнёзда и, как следствие, разные значения слов. Потенциал деривационного поля слова в силу его бесконечной смысловой и формальной валентности, весьма значителен. Синонимический принцип анализа открывает то ценностное и смысловое напряжение между полюсами общенародного и юридического смысла слова, которое позволяет проследить процесс «перехода» одной смысловой палитры в другую.

«На первом этапе анализа мы выбираем один синхронный срез и прослеживаем, каким образом из совокупности («пучка») разных дискурсов постепенно возникает, формируется и укрепляется юридическое значение слова среди других его смыслов. На каждом из синхронных срезов анализируемые

единицы демонстрируют свои особенности как в общенародном языке, так и в языке юридическом» [Голев, Иркова, 2018, с. 212].

На втором этапе выстраиваем дискурсы в хронологической последовательности с целью проследить развитие семантики слова-термина и однокоренных с ним лексем. От дискурса переходим к фиксации смысловых узлов юридического слова-термина. Для подтверждения, обнаружения новых, дополнительных или же отсутствующих в словарях собственно «дискурсивных» смыслов слова; затем обращаемся к дефиниционным толкованиям нужных нам лексем из древнерусских и современных русских словарей.

На третьем этапе группируем полученные смысловые комплексы лексем с корнями *чест-*, *гражд-* на основании доминирования в тот или иной временной период «юридизированного» значения слова. Определяем каждый из них в соответствующий тип и называем его с учетом степени проявленности юридического значения слова.

Четвертый этап исследования представляет результаты реализации нового типа системного семасиологического анализа лексического состава текста закона. Его особенность заключается в исследовании современного функционального статуса и смыслового содержания слов и словосочетаний правового текста, обусловленного их эволютивной юридизацией с привлечением диахронных «застывших» смыслов семантики потенциальных терминов («предтерминов», «полутерминов»). Таким образом предлагается анализировать весь лексический континуум текста закона, а не только его терминологическую составляющую, которая в современной лингвистической и юридической науках выступает наиболее частотным предметом анализа содержания лексики текстов закона.

В статье С. П. Хижняка [Хижняк, 2016] есть важный тезис, имеющий отношение к нашему сплошному анализу юридического текста, к классификации речевых единиц. «Исследование лексического уровня для терминологии предполагает также необходимость характеристики и классификации терминологических единиц. Например, существует таксономия, основанная на

учете происхождения единиц. В соответствии с ней выделяются: 1) основные термины (собственно термины); 2) слова, неизвестные в общем употреблении (herein, herewith, aforesaid), а также идиомы-архаизмы (by virtue of one's duty, to keep in repair); 3) слова, не имеющие юридического значения, но используемые в юридической речи или письменных текстах» [URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/khizhnyak.html>]. Данная таксономия пересекается с предлагаемой нами классификацией лексических единиц текста закона по степени их «юридизированности». Схему классификации образуют следующие разделы:

- *Служебные слова;*
- *Местоименные слова;*
- *Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания* (эту группу составляют предикативные и полупредикативные комплексы слов, словосочетаний, в которых содержатся отдельные элементы юридических смыслов);
 - *Слова и связки общенародного употребления* (эту группу составляют лексемы общенародного языка, а также модальные слова, сохраняющие свою семантику в юридическом контексте);
 - *Околоюридические лексемы* (эту группу составляют лексемы «промежуточного» использования юридического значения);
 - *Предтерминологические лексемы и словосочетания* (эту группу составляют лексемы, представленные в юридической литературе, но не нашедшие в ней однозначного определения);
 - *Собственно юридические лексемы и словосочетания* (эту группу составляют лексемы с устойчивым комплексом юридических значений);
 - *Юридизированные собственные имена* (номенклатурная лексика).

Такие разряды напрямую связаны с типологией процесса юридизации. Основание типологии – разная степень приближения семантики общенародного слова к статусу юридического термина как вершинной точке процесса юридизации. Важно отметить, что представленная классификация относится к

числу существенных классификаций (терминология С. С. Розовой [Розова, 1986]), поскольку в ней не только констатируется факт существования данных классов исследуемого объекта, а также обусловленность многообразия форм некоторым фактором (юридизированность значения слова), но и дано объяснение каждой лексической единицы с позиции её вовлеченности в процесс эволютивной юридизации, выявляются закономерности образования этих классов, которые включают в себя целый ряд закономерных связей между единицами её составляющими [Розова, 1986]. «Предъюридический статус общенародного слова позволяет квалифицировать его содержание как полутерминологическое значение. Так, различные типы процесса юридизации раскрывают этапы его достижения. Внутри каждого типа дискурсы выстроены по хронологии от ранних этапов юридизации до современного использования юридического значения слова» [Голев, Иркова, 2018, с. 212].

«Для решения нашей задачи предлагается рассмотрение трёх этапов функционирования указанных лексем. Условно, в рабочем порядке (для целей настоящего исследования) их можно обозначить следующим образом: «Предыстория» становления юридизации (до XIX в.); с двумя подпериодами – XI-XVI вв. и XVII-XVIII вв.; «Новая история» юридизации (XIX-XX вв.)» [Там же].

«При характеристике русского языка XX века для целей исследования можно разграничить два хронологических периода: **1 период** – с октября 1917г. – по апрель 1985г. **2 период** – с апреля 1985г. – по настоящее время» [Там же]. Октябрьская революция 1917 года приводит к ломке всего старого, происходят радикальные изменения в государственном и экономическом устройстве страны. Это связано с двумя процессами в русском языке. С одной стороны, многие слова, которые вчера обозначали значимые и важные понятия, теперь становятся ненужными, поскольку их обозначения и понятия исчезают или становятся неуместными. Отделение Церкви от государства, разрушение церквей и отмена преподавания Закона Божия в учебных заведениях также ведут к забвению церковной и литургической лексики. С другой стороны, появление новых органов

власти, создание новых общественных организаций, изменения в экономике и культуре – все это сопровождается рождением новых слов, которые активно пополняют словарный запас русского языка. «Русский язык этого периода часто называют наводнением официальными сокращениями слов и словосочетаний» [Русский язык и культура речи ..., 2005, с. 55].

Принцип такой хронологии продиктован этапами развития русского юридического языка, которые подробно описаны в работе М. О. Акишина [Акишин, 2016]. В его концепции существенным моментом для нас является отражение в юридическом языке не только конкретной практики развития государства, но и «сохранение преемственности с предшествующими этапами его истории» [Акишин, 2016, с. 205].

1 тип, «околоюридизированный/недоюридизированный» смысл, относится к периферийному использованию юридического значения в кругу разнообразных смыслов. Хронологические рамки «Предыстории» становления юридизации – (до XIX в.) – связаны с двумя подпериодами – XI-XVI вв. и XVII-XVIII вв. Этап начала становления юридической семантики открывается разнообразными дискурсивными практиками, в которых юридический смысл находится или вообще в потенции, или только намечает пути своей реализации. Ему соответствует 1 степень юридизации, которая характеризуется тем, что общенародное слово попадает в юридический контекст;

2 тип, «предъюридизированный» смысл, относится к этапу «промежуточного» использования юридического значения. Хронологические рамки «Нового периода» юридизации – XIX в. – начало XX в. «Переходный» этап использования юридического значения среди других значений слова связан с новым витком в развитии юридизации, с укреплением и выходом на первый план смыслового содержания слова правовых значимостей. Ему соответствует 2 степень юридизации, которая начинается с того, что в юридическом контексте появляются «околоюридические» и «предъюридические» лексемы.

3 тип, «собственно юридизированный» смысл, относится к этапу «ядерного» использования юридического значения лексемы «гражданин». Хронологические рамки «Новейшего периода» – конец XX в. – начало XXI в. – связаны с одной из ступеней эволютивной юридизации. Ему соответствует 3 степень, связанная с постоянным фигурированием в текстах закона юридических лексем с устойчивым правовым значением. Этап «ядерного» использования юридического значения не указывает на то, что другие смыслы лексемы «гражданин» исчезают, однако на первый план содержания слова выходит собственно «юридизированная» составляющая, реализующаяся в различных публицистических, прозаических, поэтических дискурсах.

На основе результатов данного исследования можно сделать вывод о том, что в диахронно-генетическом плане неэнтропийные тенденции и энтропийное существенным образом переплетены: утрата общенародным словом исходных дискретных смыслов, качественной определенности семантики, вследствие употребления их в разных дискурсах, сопровождается формированием новых дискретных смыслов, в том числе юридического.

Таким образом, представленная концепция «эволютивной» юридизации общенародной лексики, классификация речевых единиц текста закона по степени их юридизированности необходимо и, вероятно, определяют особенности диахронного дискурсивно-семантического анализа лексем с корнями *чест-*, *гражд-* и их дериватов, раскрывающегося в исследовательской главе.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Функционально-динамический аспект процесса юридизации полноправно можно обозначить одним из центральных проблемных вопросов современной лингвистики. В этом направлении выполнен анализ отечественной и зарубежной, языковедческой и правоведческой литературы, раскрывающей представление о многогранности феномена юридизации как процесса, охватывающего не только определенные стороны человеческой жизни, но и имеющего особые лексико-семантические свойства и возможности приобщения слов общей лексики в юридическую сферу.

В этом ключе нами апробировалась идея о смыслопорождающей роли дискурса в формировании различных смыслов слова. Множество различных дискурсов, в которые попадают однокоренные лексемы лексического гнезда слов, предопределяют возникновение тех или иных смыслов слова. Внутри многообразия дискурсов и смыслов, взаимодействующих с динамической семантикой деривата, происходит становление семантики юридического слова-термина.

Процесс «эволютивной» юридизации слов общенародного языка имеет свои стадии, обусловленные развитием русского юридического языка. Предложенная в работе периодизация «эволютивной» юридизации и классификация речевых единиц, входящих в текст закона, основаны, во-первых, на признании стихийной когнитивно-дискурсивной природы юридического термина, демонстрирующей пограничные этапы бытия слова естественного языка; во-вторых, на признании семантической неопределенности общенародных слов одним из важных факторов создания смысловой и социально-правовой напряженности текста закона. Модель формирования русской юридической терминологии представляет собой схему анализа выделенных нами лексических единиц, организованных по шкале «юридизация лексического значения» и соответствует стадиям формирования юридического значения слова. Введена в

историческую юрислингвистику категория «эволютивной юридизации общенародного слова» как процесса постепенного обретения последним своего юридического статуса.

Также нами определена недостаточно полная степень изученности проблемы взаимодействия естественного и специального статуса слова-термина в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания и юрислингвистики. Значимо, что в современном отечественном языкознании исследователи подходят с разных точек зрения к рассмотрению функционирования юридической терминологии в правовом дискурсе, пытаясь определить те смысловые координаты, опираясь на которые можно было бы выстроить классификацию лексического состава текста закона. Однако единого мнения по этим вопросам в многоголосии ученых не устанавливается. Подводя итог, ещё раз подчеркнём, что малоизученное состояние проблемы обуславливает необходимость для её более полного и глубокого решения, а также диктует важность учёта диахронного аспекта в реализации юридической семантики гнезда слов и её развития.

ГЛАВА 2. ДИАХРОННЫЙ ДИСКУРСИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮТИВНОЙ ЮРИДИЗАЦИИ ЛЕКСЕМ С КОРНЯМИ *ЧЕСТ-*, *ГРАЖД-* И ИХ ДЕРИВАТОВ

«Продолжением изучения процесса эволютивной юридизации общенародного слова является вектор рассмотрения «пульсирующих» моментов взаимодействия предъюридического и юридического полюсов реализации семантики корней *чест*, *гражд*- и их дериватов в контексте общественно-политического дискурса» [Иркова, 2019, с. 215]. В соответствии с этапами обнаружения юридического смысла выстраиваются параграфы от начального этапа, характеризующегося «недоюридизированным» смыслом слова до финального этапа реализации собственно юридического его значения.

На каждом из них прослеживаются общие и различные моменты в формировании юридического значения корневых слов «честь» и «гражданин». Их смысловая развёртка напрямую взаимосвязана со становлением гражданского общества, которое зарождается в общественной коммуникации и сначала юридизируется в текстах сугубо общеюридических, а далее – в специальных дискурсах. «В этом ключе общественно-политический дискурс рассматривается в свете коммуникативно-дискурсивной парадигмы научного знания как элемент развивающегося общенародного дискурса» [Там же].

Для того чтобы проследить, каким образом подготавливается юридический смысл будущих терминов, мы обращаемся к российским текстам разной функциональной разновидности. При таком подходе к слову и его значению они (слово и значение) неизбежно будут включены в более широкое смысловое пространство, из которого вычленяются разнообразные смыслы и контексты, в результате возникает их стихийная конкуренция.

2.1 Эволютивная юридикация лексем с корнем *чест-* и его дериватов³

2.1.1. Первая стадия («неюридизированный смысл») юридикации общенародных смыслов корневого слова «честь», его дериватов

Хронологические рамки «Предыстории» (до XIX в.) становления юридикации связаны с двумя подпериодами – XI-XVI вв. и XVII-XVIII вв. Этап начала становления юридической семантики корневого слова «честь», его дериватов, а также синонимов открывается разнообразными дискурсами, в которых юридический смысл находится или вообще в потенции, или только намечается. Одно из направлений эволюции – концептуализация слов. Слова типа *ЧЕСТЬ*, *ДОБРОЕ ИМЯ* концептуализируются: становятся русскими и/или российскими культурными символами. Так, данные лексем на каждом из синхронных срезов функционируют в юридических контекстах, однако статус полноценных юридических терминов не получили, до настоящего времени они используются в полутерминологическом статусе.

«Предыстория» отражает начало становления и развития предъюридической семантики слов с корнями *чест-* и *добр-*. «Основной разницей на данном этапе юридикации и последующих является неодинаковая смысловая развертка данных корней: корень *чест-* более богат по количеству лексем, чем корень *добр-*» [Голев, Иркова, 2018, с. 218]. «Лексемы «честь», «честность», «честный», «почет», «почести», «чествовать», «добрый», «доброта» представляют собой базовые категории человеческого сознания, мировой культуры, литературы, связанные с морально-нравственными основами человеческой жизни, с многообразием общенародных смыслов» [Там же].

Этимологически значение слова *честь* восходит к «др.-рус. и ст.-сл. слову *чьсть* – “честь”; “почёт”; “благоговение”; “прославление”; “честь” при

³ Данный раздел написан с использованием материалов, ранее изложенных в статьях [Иркова, 2017, 2018; Голев, Иркова, 2018].

обозначении совокупности морально-этических принципов, которыми руководствуется человек в своем поведении и которые дают ему право на уважение со стороны других людей» [Черных, 1994, с. 385].

Особым пространством осмысления понятий «честь», «добро» является народная культура, о чем свидетельствуют многочисленные пословицы, поговорки, сказки и другие произведения устного народного творчества, сохранившееся до наших дней, см. контексты: «Здравствуй, Честная Масленица... Старые люди так и приговаривают, соблюдая обычай... Честные наши родители!»; «Честность всего дороже», «Честные глаза вбок не глядят»; «В ком честь, в том и правда»; «Доброе дело – правду говорить смело»; «Доброе слово в жемчугах ходит, а злое слово пуще стрелы разит» [Даль, 1879] и т.п. Пословица «Береги платье снову, а честь смолоду» стала в своё время эпитафией к повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836), где она раскрывается в контексте темы справедливости, чести, долга, достоинства, а также оказывается связана с одним из главных персонажей повести Петром Гринёвым.

XI-XVI вв.

В коммуникативных сферах Древней Руси активно функционирование лексем «честь», «честной», «благочестивый», «благочестие», «честнейший», «нечестивый», «нечестно», «бесчестие», «добрый», «доброта», «добро». Они встречаются в религиозном дискурсе и отражают высокие, сакральные смыслы, связанные с соблюдением правил религиозной морали, см. контексты: «*с честными отрокы*» (Житие Андрея Юродивого), «*Честное, яко въ истину, добролюбное ваше стечение — вина добрейших повестий подвиговъ изрядное пречестную новую страдальцу*» (Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 20 сентября. Слово похвальное Филолога черноризца о святых великомучениках черниговских, славном Михаиле великом князе и Феодоре его советнике); «*Святый же, взем честный крестъ, течяше тамо, идъ же келна горяше*» (Житие Кирилла Белозерского); «*Въдяху бо и сна мріина, чка живуща слними въ миръ, показа имъ на горъ, яку той есть снъ бжій и*

бгъ. Ведяху его, якв ядаяше и пияше и труждашеся, и почиваше и усypаше, и бояшеся и потяшеся, яже естеству бжества егв не подобяхуся, но токми члчеству и сегв ради возводитъ ихъ на гору, да оць пригласитъ сна, и явитъ имъ якв снъ егв есть во истину и бгъ возведе я на гору, и показа имъ црствіе свое прежде смрти своея и силу свою и славу свою, прежде хулы егв и честь свою, прежде бесчестія своего» (Пролог – август. 6 августа: Слово на Преображение преподобного отца нашего Ефрема Сирина. Святое Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Поучение святого Климента на Преображение Господне). В этих контекстах выделенные слова и словосочетания раскрывают представление о духовной стороне человеческой жизни, связанной с верой, праведностью, благочестием.

«В религиозных контекстах древнерусской словесности данные лексемы приоткрывают глубокие духовно-нравственные ценности честности, добра, правды, истины как категорий, которые влияли на ответственное отношение людей к своим поступкам, действиям, жизни, сказанным словам. Самые частотные контексты связаны с жанрами жития святых, праведников, великих князей. Сохраняются базовые значения концепта «благочестия», как высшей ценности духовной чистоты, нравственных ориентиров в земной правильной жизни людей, которая служит прообразом мира небесного» [Иркова, 2017, с. 38].

Летописный дискурс Древней Руси открывает функционирование лексем «добро», «честь», «почет», «почести» и демонстрирует влияние внутренних закономерностей этой сферы, так как на первый план начинает выходить смысловой аспект ценностей материальной культуры, связанной с правящим сословием. Религиозные же контексты, нравственные смыслы остаются, но отходят на периферию см. контексты: *«Пріемше от князя (...) своего честь ли дары ти мыслать о главъ князя своего на погубленье. Горьше суть бесовъ таковин, якоже Блудъ преда князя своего и примъ от него чьти многи, се бо бѣс повиненъ крови той»* (Повесть временных лет); *«У Спаса на Мирожн*

все граждане града Пскова с великою велепною честью, а служилъ в тот день, пришед во Псков, самъ архиепископъ Макарии литургию в соборе ꙗ живоначальная Троица» (Псковская 3я летопись: Архивский 2й список). Смысл слова «честь» предстает как неотъемлемый знак достоинства князя, его особого положения в обществе.

Отметим также как переходный момент в начале формирования правового смыслового комплекса, образуемого словом честь и однокоренных ему лексем, в летописном дискурсе см. контексты: *«отпустили его с честью великою, давши ему старейшинство во всей братьи его»* (Лаврентьевская летопись). *«О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати: но не честно одолесте, не честно бо кровь поганую пролиясте»* (Слово о полку Игореве) – реализация выделенных лексем также работает на создание их юридической значимости, ведь поступить «не честно» («без чести») означает здесь неправильным путем преступить границы чужой земли, нарушить закон, развязав войну, а обвинить кого-либо в бесчестии – унижить его в общественном мнении и, как следствие, нанести ему моральный ущерб.

Отсюда такие смысловые оттенки этого понятия, как осмысление чести в качестве важной, неотделимой части человеческой личности, которую необходимо защищать. Данные контексты начинают демонстрировать формирование такого понятия, как честь княжеская, которая заявляла об особом социальном статусе князя, его положении в обществе.

О соотношении понятий «чести» и «славы», их со и противопоставленности, об их особом статусе в феодальную эпоху пишет в своих работах Ю. М. Лотман [Лотман, 1967a,b]. Автор рассматривает их как разные знаки того времени: данные категории «являются атрибутом социальной категории в определенном социальном контексте и противостоят их отсутствию у других социальных групп» [Лотман, 1967a, с. 110]. Однако «честь» является не только знаком достоинства, но и знаком определенного социального отношения,

требующим материального выражения, дающих право на уважение и общественную ценность [Лотман, 1967а, с. 123]. По словам Ю. М. Лотмана, «честь» включает в себя такие значения, как «почёт», «статус», «репутация» и тем самым максимально приближается к понятию «слава». Неудивительно, что слова «бесчестие» и «бесславию» употребляются почти как синонимы [Лотман, 1967б, с. 125]. Так, в юридическом контексте «Русской правды» встречается лексема «бесчестие» (вариант: «бешестие»), а также словосочетание «людин городский»: «О муже кровавом»: *«Аще приидеть кровавь муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за **БЕЩЕСТИЕ**, каков будетъ ѿ Аще ли пхнеть муж мужа любо к себе любо от себя, ли по лицу ударить, или жръдию ударить, а без зънаменья, а видок будетъ, **БЕЩЕСТИЕ** ему платити; аже будетъ болярин великихъ боляр или меншихъ боляр, или людин городский, или селянин, то по его пути платити **БЕЩЕСТИЕ**»* (Русская правда). Другая статья из Троицкого IV списка «Русской Правды», носящая собственно название «О бесчестии», дает следующие урегулирования конфликта, связанного с данным понятием: *«А за **БЕЩЕСТНЮ** гривну золота, аже будетъ баба была в золоте и мати, взяти ему 50 гривен за гривну золота; оже будетъ баба не была в золоте, а по матере ему не взяти золота, взяти гривна серебра, а за гривну серебра пол 8 гривны»* (Русская правда). В рамках нормативно-правового акта Древней Руси «бесчестие» оказывается связано с определенным кругом действий, которые были довольно конкретно обозначены в тексте данных статей, с указанием иерархии при начислении штрафов за оскорбление прежде всего поступком. В этих контекстах появляются устойчивые смысловые комплексы «иметь право» («не иметь право»), «правосудие» в значении «правильного» = «честного» суда за те или иные действия; а также интересен юридический смысл слова «оправдание» в значении «добиться правосудия», «установления правды».

Представленные контексты отражают начало функционирования лексем с корнем *чест* – в нормативно-правовой сфере, где выстраиваются отношения между разными сторонами на основе соблюдения правил закона, клятвы.

Как отмечает П. С. Стефанович, благодаря постоянному сближению, сначала в религиозных текстах, а затем и в светских, понятий «честь» и «слава», в некоторых случаях первоначальное значение «почёт» все чаще приобретало значение «репутация», «известность», и тогда слова «честь» и «слава» могли быть взаимозаменяемы " [<http://www.historia.ru/2003/02/stefan.htmhttp>].

В Киевском летописном своде конца XII в. и в Галицко-Волынской летописи в некоторых случаях прослеживается обозначение словом «честь» княжеского сана, достоинства и содержания княжеской власти. «Честь» относится к княжеским «столам», обладанию «волостью», внешним атрибутам власти.

В средневековом сознании власть сливалась в неразрывное целое со своим носителем, и оскорбление княжеского достоинства рассматривалось как личное оскорбление самого князя, и наоборот [Стефанович, 2003]. Здесь мы видим зародыш системы компенсации оскорблений «бесчестьем».

Однако, как пишет П. С. Стефанович, нельзя сравнивать понятие «честь» (или «бесчестие») русской правовой системы, которое было принято в Древней Руси, так как согласно нормам Русской Правды: «обида» и «сором» Русской Правды и других правовых памятников до XV в. может означать личное оскорбление, не имеющее ничего общего с понятиями «честь» и «бесчестье», связанными со статусом, достоинством, «званием» человека [<http://www.historia.ru/2003/02/stefan.htmhttp>].

Обращаясь к собственно правовой сфере этого времени, необходимо рассмотреть «Поучение Владимира Мономаха», как один из первых законодательных памятников. В данном произведении реализуются лексемы «благочестие», «читать», «честь».

*«**Научися, вѣрный челоувѣче, быти благочестию дѣлатель, научися, по евангельскомуу словеси, очима управленьє, языку удержаньє, уму смѣреньє, тѣлу порабощеньє, гнѣву погубленьє, помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ – не мьсти, ненавидимъ – любн, гонимъ – терпи, хулимъ – моли, умертви грѣхъ. Научись, верующий***

*человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради» (Поучение Владимира Мономаха). Данный контекст открывает значение благочестия как свойства верующего человека, умеющего управлять собой, своими действиями. «*Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите чужина; и боле же читите гость, откуда же к вам придет, или простъ, или добръ, или солъ; аще не можете даромъ – брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ» (Поучение Владимира Мономаха). В данном контексте на первый план выходит устойчивое значение «читать/почитать» гостя как одного из главных свойств гостеприимства, уважительного отношения к другому человеку вне зависимости от его социального статуса. «*Егоже чужючи, того не забываютъ доброго, а егоже не чужючи, а тому ся чите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от нихъ земля» (Поучение Владимира Мономаха). Представленный контекст усиливает значение чести как почета и уважения к знаниям, уму князя со стороны других стран.***

В «Русско-византийском договоре» (911) из «Повести временных лет» находим продолжение функционирования лексем «честь», «почет», «почести» в следующих контекстах: «*И когда приходим [мы, русские] в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то [мы, греки] пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из нас, русских, прибывших с ладьей, быть убиту или что-нибудь будет взято из ладьи, то пусть будут виновники присуждены к вышесказанному наказанию. В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях – Царя вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею*

единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и договор положили между Греческою землею и Русскою и установили не преступать клятвы – ни грекам, ни руси» (Повесть временных лет).

В XVI веке в «Грамоте об утверждении Московского патриархата» (1590) встречаем следующие контексты функционирования лексемы «честь» и ее сочетания с лексемами «достоинство», «имя»: *«И приняв разум его патриарха поставили на Москве господина Иева именем и благодатию святого Духа и грамоту ему патриаршескую (на полях: златопечать) дали и по той грамоте произволил и оставил да он архиепископ Московский (на полях: господин Иев) властвует пятый патриарх и будет (на полях: иметь) патриаршеское достоинство и честь именоватись и почитатись с ыными патриархи во веки всегда тако там сотворихом по месту (на полях: на сие сотвориша там по мест...)*» (Грамота об утверждении Московского патриархата); *«И то дарованное патриаршескую честь и имя да не токмо патриарху Московскому господину Иеву дано ноне утверждено непоколебимо произволили но и по нем поставляти Московским собором начальных властей в патриархи да именуется сыскав по правилу зачато от патриарха сего Московского господина Иева о Святом Дусе возлюбленному брату и сослужебнику нашего смирения и для того ся уложеная грамота утверждена для памяти во веки и укрепена лета 7098го, месяца мая»* (Русский перевод с греческого оригинала из Греческого статейного списка №3). Во многих правовых системах такого рода посягательство на честь и достоинство «юридизируется» в соответствующих законодательных актах.

О том, что выделенные комплексы смыслов слова «честь» и однокоренных ему лексем становятся наиболее значимыми, свидетельствует их закрепление в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского [URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html>]. В словарной дефиниции лексемы «честь» находим следующий признаковый состав: «честь»,

«почет», «уважение», «почитание», «чествование», «прославление», «благоговение», «преимущество», «достоинство» [URL: <http://oldrusdict.ru/dict.htm>]. Кроме того, «Старославянский словарь» [Старославянский словарь, 1994] содержит такие устойчивые выражения, как «по дльгоу и по чьсти», «без чьсти» и другие [Старославянский словарь, 1994, с. 786], позволяющие говорить о начальной стадии юридизации термина в книжно-славянском типе литературного языка (но пока не в деловом и народно-литературном типах языка). Интересным нам представляется то, что лексема «чьсть» в старославянских текстах употреблялась на месте греческой лексемы «τιςή» со значением ‘чин, звание, должность, достоинство’ [Старославянский словарь, 1994, с. 786].

Таким образом, основной разницей в юридизации этого периода является неодинаковая смысловая развертка корня *чест* – более богата по количеству лексем с общенародными смыслами.

XVII-XVIII вв.

Продолжение формирования собственно правового «спектра» лексем с корнем *чест* – представлено и в документах XVII века, а именно лексема «безчестье»; словосочетание «государственная честь» в «Статьях Богдана Хмельницкого», утвержденных Царем и Боярской думой 21 марта 1654 года (21.03.1654): *«А что с их королевские стороны царского величества отцу, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси самодержцу и многих государств государю и обладателю, и деду его государеву, блаженные памяти великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Руси, и великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичи всеа Руси самодержцу его царскому величеству учинились многие безчестья и укоризны»; «А гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское хотел с королем польским помирить через своих государевых великих послов тем способом: буде Ян Казимер король учинит с ними мир по Зборовскому договору, и*

на православную христианскую веру гонения чинить не учнет, и униятов всех выведет, и царское величество винным людем, которые за его государскую честь довелись смертные казни, вины их хотел отдать» (Статьи Богдана Хмельницкого (21.03.1654)). В указанных контекстах лексема «бесчестье» оказывается в смысловой близости с семантикой слова «укоризны», что открывает смыслы неодобрения, выражения общественного порицания.

Атрибутивный комплекс слов «государская честь» реализует значения определенного высокого сана, звания, за который «довелись смертные казни». Наиболее полно понятие чести раскрывается в XVIII веке за счет многообразного характера представленности слов с корнем *чест*– в контексте различных словосочетаний: «всякого честного человека», «бесчестье всенародное», «пристойные правила честности», «честь подданных», «противные чести», а также предикативные конструкции: «бесчестие, в претерпении наказания заключающееся»; «честь зависит от...»; «имение и честь во уважении принимается»; «не отъемлют ни у кого чести» и т.п.

В «Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения» встречаются следующие контексты: «2. *Полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного кроме сего сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видеть все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия. 102. В самодержавном государстве отправление правосудия, от приговоров которого не только жизнь и имение, но и честь зависит, многотрудных требует испытаний. 114. А в государствах, умеренность наблюдающих, где и самого меньшего гражданина жизнь, имение и честь во уважение принимается, не отъемлют ни у кого чести, ниже имения прежде, нежели учинено будет долгое и строгое изыскание истины; не лишают никого жизни, разве когда само отечество против оные восстанет; но и отечество ни на чью жизнь не восстает инако, как дозволив ему прежде все возможные*

*способы защищать оную. 218. **Бесчестие** и посмеяние суть одни наказания, кои употреблять должно противу притворно вдохновенных и лжесвятош; ибо сии гордость их притупить могут. 233. Обиды личные, противные **чести**, то есть клонящиеся отнять у гражданина ту справедливую часть **почтения**, которую он имеет право требовать от других. 360. Дворянство есть нарицание в **чести**, различающее от прочих тех, кои оным украшены. 372. Одним словом, всякий обман, противный **чести**, а наипаче те действия, кои за собою влекут уничижение» (Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения)). Выделенные слова и словосочетания продолжают раскрывать значимость и важность поступков, характеризующих деятельность честного человека, чистота нравов которого служит основой для благополучной жизни общества и государства, а также возможность гражданина государства требовать справедливую часть почтения к себе от других.*

Лексемы «почитать» и «почести» встречаются в «Акте о престолонаследии»: *«За сим должны обязаться свято наблюдать сей закон о наследства при вступлении и помазании, если наследовать будет женское лицо, и таковая Особа будет замужем или выйдет, тогда мужа **не почитать Государем**, отдавать однако ж **почести** наравне с Супругами Государей и пользоваться прочими преимуществами таковых, кроме Титула»* (Акт о престолонаследии). Предикативная конструкция «не почитать Государем» открывает не только значение уважительного отношения к царской власти, но и почтения государя как юридического действия: признания/не признания человека Государем.

Другая предикативная конструкция «отдавать почести» в данном контексте означает внешнее выражение своего уважительного отношения к царственным особам. Представленная конструкция в конце XVIII – начале XIX века войдет в воинское приветствие Русской Императорской армии, которое будет называться «отданием чести». Этот ритуал включает в себя поднесение

руки к головному убору, разнообразные поклоны, реверансы и прочие элементы, в зависимости от чина, встреченного/вошедшего в помещение.

В XVIII веке текст «Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией» открывает реализацию словосочетаний «честный вассал», а также предикативных конструкций: «охранять один другого честь, безопасность, пользу»: «...не вступать, но паче верную дружбу и соседство и истинный мир между собой содержать, один другого честь, пользу и безопасность верно охранять и споспешествовать, убыток и вред, елико им возможно, по крайней мере остерегать и отвращать хотя и имеют, дабы восстановленный мир и постоянная тишина к пользе и приращению обоих государств и подданных ненарушимо содержаны были.

И в прочем к нему так, как честным вассалам и подданным надлежит, поступать, против того ж им, когда они обыкновенную присягу учинят, беспрекословно допущено и позволено будет из земли выезжать, в чужих с Российским государством в союзе и дружбе пребывающих землях жить и у нейтральных держав в службу вступать или, ежели они уже в той обретаются, по своему произволу и впредь в оной пребывать.» (Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией 30.08.1721). Предикативная конструкция «охранять честь» в указанном контексте оборачивается содействием по восстановлению мира, созидания пользы и безопасности людей.

Словосочетание «честный вассал» перекликается в смысловом плане с званием владельца земельной собственности, с которым надлежит поступать согласно его статусу, «честность» которого проявляется в сохранении союза с чужими государствами. Реализованные смыслы фиксируются в словарном определении лексемы «честь» такими признаками, как «внутреннее», «нравственное», «достоинство человека», «доблесть», «честность», «благородство души», «чистая совесть», «внешнее», «светское», «житейское», «благородство», «высокое званье», «чин», «должность» [URL: <http://febweb.ru/feb/mas/MASabc/default.asp>].

Таким образом, слово «честь» в контексте дискурсов «Предыстории» юридикации раскрывают своё многоплановое смысловое наполнение от важнейших нравственных категорий и понятий до начала формирования правового комплекса смыслов, который первоначально раскрывается как семантика «границы», событие «перехода» которой знаменует собой определенного рода последствия.

Поэтому настоящая стадия характеризуется функционированием первого типа «юридикации» – «недоюридизированного смысла» – и периферийным использованием юридического значения в кругу разных смыслов слова.

2.1.2. Вторая стадия («околоюридизированный смысл») юридикации общенародных смыслов корневого слова «честь», его дериватов

Хронологические рамки «Нового периода» XIX в. – начало XX в. открывает особую культурную атмосферу XIX века. В коммуникативных сферах того времени активно начинают использоваться такие категории, как «благородство», «честь», «достоинство», «доброе имя», «гражданская честь», «почетный гражданин», «справедливость» и пр. Лексемы, выражающие данные понятия, активно встречаются в юридическом, художественном, поэтическом, и публицистическом дискурсах.

В рамках художественной литературы XIX-XX вв. находят свою реализацию как отдельные лексемы «честь», «честные», «честолюбие» и т.п., так и устойчивые выражения, к примеру, «читать память», открывающее пиететное отношение к кому-либо, чему-либо см. контексты: *«Подумайте, что счастье человека находится в ваших руках; что не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут её читать как святыню...»* (А. С. Пушкин «Пиковая дама» (1834)). Сравнение «читать как святыню» раскрывает в данном контексте дополнительный высокий смысл, связанный с хранением того, что является особо дорогим, любовно оберегаемым.

Не только в художественном дискурсе наблюдается формирование устойчивых смысловых комплексов. Появляются известные устойчивые словосочетания «дело чести», «добрый гражданин», «кодекс дворянской чести» и в публицистическом дискурсе, которые несут за собой понимание и признание названных понятий как части семейного достояния, высшей сословной добродетели. Долг любого дворянина – сохранить свою честь, защищать её и отстаивать при любых посягательствах. Отсюда и возникновение института дуэли в среде дворян. Гражданская казнь воспринимается как ужасное позорящее человека событие – это публичное лишение социального статуса (= чести). В связи с чем можно говорить о формировании комплексного понятия «честь» как этической и социальной категории, связанной с оценкой таких качеств личности, как верность, справедливость, правдивость, благородство, достоинство.

Так, жизнь русского дворянина складывалась под влиянием двух противоположных регуляторов общественного поведения. Как подданный государя, он подчинялся законам, но как человек дворянского сословия, которое одновременно было и социально господствующей корпорацией, и культурной элитой, он подчинялся законам чести.

Запятнать свою репутацию для представителя дворянства означало нарушить моральные устои, установленные своим сословием, выставить на всеобщее обозрение свои недостатки и аморальное поведение [Востриков, 2014, с. 18] см. контексты: *«Всем, считавшимся до того времени дворянами, вменялось в обязанность в полуторагодичный срок доказать, когда и от кого пожалована им дворянская честь; те, которые докажут, что их род пользовался дворянством не менее ста лет, получали дворянские гербы»* (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей); *«–Вы, мичманенок, дичь несете. А дворянская честь!.. Честь мундира!»* (К. М. Станюкович. «Берег» и море); *«Вы скажете, что такого человека найти трудно: знаю; но добрый гражданин обязан желать совершенства, по крайней мере возможного, в государе!»*. (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 11);

«Описание государственного флага дается, как правило, в конституции страны, и ему, как святыне, отдаются высшие государственные почести». (Протокол). В этих контекстах актуализируются смысловые комплексы высокого статуса потомственных дворян, их знатного происхождения, связанные с концептом «дворянская честь» как родового знака и как знака отличия на военном поприще – в значении «честь мундира».

В манифесте «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» (25.12.1812) встречается употребление лексем «злочестие», «нечестивый», «благочестивая» в следующих контекстах: «Повергнемся пред Святым Его Престолом, и видя ясно руку его, покаравшую гордость и злочестие, вместо тщеславия и кичения о победах наших, научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законов и воли его исполнителями, непохожими на сих отпадших от веры осквернителей храмов Божиих, врагов наших которых тела в несметном количестве валяются пищей псам и вранам!» (О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» (25.12.1812)). «Злочестие» в данном контексте означает неправильное поведение неприятелей, вторгшихся на чужую землю с завоевательным походом. «Здесь прилично сказать слова Священного Псалмопевца: «видех нечестиваго, превозносящаяся и высящаяся, яко кедры ливанские, и мимоидох, и се не бе, и взысках его, и не обретеса место его». По истине сие высокое изречение совершилось во всей силе смысла своего над гордым и нечестивым нашим неприятелем» (О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» (25.12.1812)). Словосочетание «нечестивые неприятели» входит в контекст рефлексии того, кто пишет и обдумывает случившиеся события.

«Дворянство, духовенство, купечество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к Отечеству, колико любовью к Богу»; «Какой пример

храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия!» (О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» (25.12.1812)). Лексема «благочестие» входит в один смысловой ряд с храбростью, мужеством, терпением, твердостью, любовью к Богу как высочайшие ценности и добродетели, которые свойственны русскому народу.

Особый вклад в понимание категорий «чести», «достоинства», «права» в правовой дискурс вносят декабристы. В документе-проекте конституции для России П. И. Пестеля активно функционирование лексем «честный», «честная», «честность», «злочестие» и т.п., см. контексты: *«Сие имя дается Столице в память Великаго Мужа введшаго в Россию христианской закон: да средоточие России свидетельствует даже именем своим о вечной Благодарности Россиян за благочестивое и благодетельное его Деяние. Нынешний же город Владимир может быть назван Клязминым стоя на реке Клязме.*

По причине же большаго их числа не может честная торговля всем доставлять достаточное пропитание; и потому нет тех обманов и фальшивых действий, коих бы они себе не позволяли; в чем им Рабины еще более способствуют, говоря, что обмануть христианина не есть преступление и основывая на своем Законе право фальшивыя даже давать присяги есть ли только может то быть Еврею полезно. Честной Человек без угрызения совести не может пользоваться трудами и пожертвованиями ближних без всякаго с своей стороны возмездия или соучастия. А потому и не может Дворянство от Податей быть освобождаемо. Оно должно со всеми прочими Россиянами разделять не только все Государственныя выгоды, но равным образом и все Государственныя тягости. Временное Вѣрховное Правление обязывается при введении новой Государственной Финансовой системы подвергнуть Дворянство податям на равне с прочими Россиянами» (Русская правда (1824)). В контекстах появляется словосочетание «честная торговля», представляющая собой торговлю без обмана и фальшивых действий основанное на законе.

«Честной человек» объявляется тем, кто не может без угрызений совести пользоваться различными выгодами, он должен разделять не только государственные выгоды, но и тягости; перед законом равны все; все несут ответственность за свои действия.

В «Конституционном проекте Н. М. Муравьева» (1826) встречается устойчивая речевая конструкция «честь имею представить» как выражение вежливости и уважения в обращении к вышестоящему субъекту см. контекст: *«В донесении моем на 16 пункт запроса сделанного мне Генваря 5го дня я изъяснился уже, что не будучи в состоянии представить писанного мною Проекта Конституции совершенно в том виде, в каком оный был написан, сохраню дух оного и содержание. В следствие сего имею честь оную здесь представить»* (Конституционном проекте Н. М. Муравьева (1826)).

Следующий контекст, в котором встречается лексема честность, описывает характеристики, которые учитываются при избрании человека в должность судьи: *«Совестный Судья может быть избран из всякого звания, лишь бы он был в совершенных летах, пользовался доверием жителей, имел постоянное пребывание в Уезде, не находился в другой какой либо службе и владел бы движимым или недвижимым имением не менее 2000 серебряных рублей, полагая умеренную собственность трудом, промышленностью и бережливостью приобретенную, вернейшим залогом честности и бескорыстия Судьи»* («Конституционный проект» (1826)). В представленном контексте образ добросовестного судьи ассоциируется не только с тем, что он может быть избран из любого ранга, пользоваться доверием жителей, но и с его «честным трудом», с его владением различными имениями, приобретенными по бережливости, где нет никакого мошенничества и воровства.

В «Высочайшем утвержденном Уставе о цензуре (10 (22).06.1826)» встречаем сочетание «честь народная и личная» как тех ценностей человеческой жизни, которые обязана была ограждать цензура от злонамеренного, преступного, а также неумышленного покушения на них: *«Обязанность Цензуры при*

рассматривании всех сих произведений состоит в ограждении Святыни, Престола, постановленных от него властей, законов Отечественных, нравов и чести народной и личной от всякого, не только злонамеренного и преступного, но и неумышленного на них покушения» («Высочайший утвержденный Устав о цензуре (1826)). В этом контексте устав цензуры прописывает обязанности цензуры при публикации тех или иных произведений для «ограждения» особо охраняемых категорий человеческой жизни и жизни общества: Святыни, Престола, законов Отечественных, нравов и чести народной и личной.

Словосочетание «честью Государей», а также сочетание лексем «почести», «преимущества» с предикатом «пользоваться» встречаются в контекстах «Туркманчайского мирного договора»: *«Государей честью превосходящих и многих Магометанских народов Повелителем: Во имя Бога Всемогущего. Его Величество Шах Персидский предоставляет России, как то было где польза торговли сего востребует и обязуется сим Консулам и Агентам, из которых каждый будет иметь в свите своей не более десяти человек, оказывать покровительство, дабы пользовались они почестями и преимуществами, публично из званью присвоенными» («Туркманчайский мирный договор» 10(22).02. 1828)). Лексемы «честь» и «почести» в контекстах раскрываются процессом пользования различных благ, которые предоставляются согласно сану Консулам и Агентам.*

В Манифесте «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (19.02.1861) встречается сочетание лексем «честь» с предикатом «воздать», а также предикативная конструкция «жить честною жизнью»: *«...и по закону христианскому всякая душа должна повиноваться властям предержащим (Рим. XIII, 1), воздавать всем должное, и в особенности кому должно, урок, дань, страх, честь (7), что законно приобретенные помещиками права не могут быть взяты от них без приличного вознаграждения или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и*

не нести за сие соответственной повинности» (Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (19.02.1861)). Контекстуальное вхождение лексемы «честь» открывается смысловым обертоном отдания чести, признания прав за теми или иными сословиями. *«Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона. Довольство приобретается и увеличивается не иначе как неослабным трудом, благоразумным употреблением сил и средств, строгою бережливостью и вообще честною в страхе Божиим жизнию»* (Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (19.02.1861)). Слово сочетание «честная жизнь» в настоящем контексте связана с жизнью в неослабном труде, с благоразумным употреблением средств и сил, строгою бережливостью по законам Божиим, в соответствии с ними.

Лексема «честь» встречается в смысловом контексте документа «Временные правила о цензуре и печати»: *«10. За всякое оглашение в печати о частном или должностном лице, или обществе, или установлении такого обстоятельства, которое может повредить их чести, достоинству или доброму имени виновный подвергается денежному взысканию не свыше пятисот рублей и заключению в тюрьме на сроки, назначенные в статье 42 т. XV ч. I, или же, по усмотрению суда, одному из сих наказаний»* («Временные правила о цензуре и печати» (1865)). В данном контексте акцент сделан на порядке взыскания денежных средств и других наказаниях виновного за раскрытие информации и возможности предоставления доступа к ней широкого круга лиц в печати о частных, должностных субъектах или обществе, которые могут повредить их чести, достоинству или доброму имени. Представленные контексты свидетельствуют об укреплении юридизированного значения и выход на первый план правового смысла как регулятора общественных отношений.

В правовых контекстах XIX – XX вв. продолжается процесс юридизации слов с корнями *чест-* и *добр-*, который, однако, не выкристаллизовывается в собственно юридическое значение «чести» и «доброго имени». В Манифесте от 20 июля (1 августа) 1914 года находим следующий контекст, в котором реализуется функционирование лексемы «честь» в одном ряду с лексемой «достоинство» и с предикатом «оградить»: *«Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную, родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение её среди Великих Держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные»* (Манифест от 20 июля 1914). В данном контексте раскрывается в самом широком смысле защита достоинства и свободы всей страны.

Словосочетание «честь геройской армии» встречается в смысловом контексте с лексемами «судьба», «Россия», «народ», «будущее» и отражает не только этическую категорию, но и её закрепление в правовом статусе: *«Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца»* (Акт отречения от престола Николая II). В настоящем контексте выделенный смысловой комплекс слов приобретает патриотические значения, связанные с необходимостью победы в войне, с призывом к защите страны.

Устойчивое словосочетание «дело чести» в значении морально-этического принципа по отношению к труду употребляется в контексте: *«Статья 12. Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест»* (Конституции СССР 1936 года). Выделенное словосочетание знаменует собой определенный догмат, согласно которому люди не должны лениться, не должна процветать безработица.

Сочетание слов «относиться честно» в одном контексте с исполнением законов, уважений правил социалистического общежития встречается в

следующем контексте: «*Статья 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития*» (Конституция СССР 1936 года). В настоящем контексте честное отношение к общественному долгу входит в сферу обязанностей каждого гражданина СССР, а также становится частью самого главного закона государства – Конституции СССР 1936 года.

Сказанное позволяет зафиксировать промежуточную стадию юридизации данных языковых единиц, связанную с ослаблением восприятия чести как морально-нравственной категории, права как правдивости, справедливости, определенных качеств личности, и с усилением правовых смыслов, входящих в признаковый состав дефиниций соответствующих словарных статей: слово «честь» вмещает следующие семантические признаки: «личность», «достоинство» («личное», «профессиональное», «военное» и т.п.), «репутация», «доброе имя», «честное имя», «почет», «уважение»; в качестве отдельного ЛСВ представлено значение «чести» как «право на почёт» [URL: <http://enc-dic.com/academic/Chest-72891.html>].

Таким образом, анализ функционирования лексем с корнями *чест-*, их дериватов и синонимов в указанном периоде связан с реализацией 2 типа юридизации, а именно «околоюридизированного» смысла, сосуществующего и находящегося «на границе» с другими смыслами, однако начинающего оформление своего собственного признакового состава и устойчивых сочетаний слов. Итак, 2 тип «околоюридизированный» смысл относится к этапу «промежуточного» использования юридического значения с появлением доминирующих элементов юридического содержания. Слова-термины «честь» являются хранилищами смыслов, отсылающих к глубинной семантике этих слов и однокоренных с ними лексем, связанных с историей становления их семантики.

2.1.3. Третья стадия («собственно юридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «честь», его дериватов

Хронологические рамки «Новейшего периода» – конец XX в. – начало XXI в. – связаны с одной из ступеней эволютивной юридизации. На этом этапе продолжается процесс юридизации слов с корнями *чест-* и *добр-*, который, однако, не выкристаллизовывается в собственно юридическое значение «чести» и «добротного имени».

Этап «ядерного» использования юридического значения не указывает на то, что другие смыслы лексем «честь», «гражданин», «право» исчезают в контексте текста закона. Семантика «границы», которая присутствует изначально, с необходимостью и вероятностью служит знаком потенциального развития юридического значения. Стоит сказать о том, что в кругу других смыслов собственно «юридический» приобретает свою самостоятельность именно в этот временной промежуток. Особое положение «юридического» смысла обусловлено несколькими причинами. Первая – оформление юридического дискурса как особой формы социального взаимодействия людей. Именно с XX века начинается активное изучение этого явления. Вторая причина состоит в том, что многие категории и понятия современной юридической науки толкуются различными юридическими словарями. В связи с чем можно говорить как об активном речевом функционировании названных лексем, так и об их закреплении в специализированных словарях.

Отдельная статья посвящена защите и охране прав и свобод граждан, в рамках которой функционирует «честь» в комплексе с лексемой «достоинство», см. контекст: *«Статья 57. Уважение личности, охрана прав и свобод граждан – обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц. Граждане СССР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество»* (Конституции СССР 1977). В представленном контексте выделенное

сочетание слов «защита от посягательств на честь и достоинство...» начинает раскрывать современное эфемерное смысловое наполнение лексем «честь» и «достоинство», обладающих широким содержанием.

Добросовестный труд как «дело чести», как соблюдение трудовой дисциплины, уклонение от которой несет соответствующие последствия, рассматривается в следующем контексте: *«Статья 60. Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР – добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества»* (Конституция СССР 1977). Словосочетание «дело чести» в данном контексте оборачивается значением обязанности каждого гражданина СССР к добросовестному труду.

Словосочетание лексемы «честь» с предикатом «должна быть восстановлена» актуализирует правоохранительную функцию государства по отношению к чести каждого гражданина см. контекст: *«Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме»* (Обращение Государственного комитета по Чрезвычайному положению (ГКЧП) к советскому народу» (18.08.1991)). Представленный контекст продолжает развитие семантики лексемы «честь» в сторону её современного значения, входящего в связь с правовыми категориями, которые подлежат защите и восстановлению в случае их утраты.

Стадия «ядерного» использования юридического значения характеризуется также сосуществованием различных дискурсивных практик, в которых встречаются лексемы с корнем *чест-* и их дериваты в следующих контекстах:

- **художественного дискурса:** *Шептала вьюга: «Утихомирь / пустые надежды, друг». / Блистала тьма, раздавалась вишь, / звенела, пела вокруг, / и понял я, что мои следы, / и сумрачный дар, и честь / ушли в метель... У любой звезды / заветная флейта есть* (Б. Ш. Кенжеев. Баллада прощания (1977-1981));

«Честь моя – в моем молчанье. / В честном слове чести нет, / Если распрям окончанье / Не приходит столько лет» (А. Е. Адалис. «Честь моя – в моем молчанье...») (1960-1969));

- **контекстах газетного дискурса:** *«Думаю, и для меня как для специалиста, и для девочек сотрудничество с Грушиным станет неоценимым опытом. Даже скажу так: для меня это – большая честь. – У кого в вашем тандеме будет решающее слово? Например, кто будет принимать решения по эстафетам, составу на чемпионат мира и т. д.?» (РБК Daily. Даниил Акимов: «Задача российских лыжниц – бороться за медали» // РБК Дейли, 2014.04.29); «Высокие гости с Туманного Альбиона посетили пригород Аделаиды, столицы австралийского штата Южная Австралия. Конечно, они заехали в Элизабет, пригород Аделаиды, названный в честь британской королевы, побывавшей там полвека назад в 1963 году. Программа, как всегда, была очень насыщенной, но наибольший интерес, по крайней мере, у молодежи вызвало посещение ими молодежного музыкального центра Northern Sound System. Там принц в лишний раз убедился в том, что особы королевских кровей обязаны уметь делать все» (Захар РАДОВ. Принц Уильям и герцогиня Кэтрин переквалифицировались в диск-жокеев // Комсомольская правда, 2014.04.23); «Это просто выдумки. После выбора я сразу же сказал, что с удовольствием понесу знамя, так как это огромная честь, о которой мечтает каждый спортсмен. Мы с ребятами по команде сразу решили, что не будем обращать на это внимание и будем работать независимо от этого. Конечно, это большая честь, но золотая медаль была для нас главной целью. – Впереди еще заезды четверок. Насколько велика мотивация после такой блестящей победы?» (Георгий Маковецкий. Александр Зубков: «Нам нельзя было допускать ни единой помарки» // Известия, 2014.02.17);*

- **контексты бытового дискурса:** *«[57, научный сотрудник, № 10, жен] Правда? Удивительное дело. Ну / это делает им честь. Спасибо вам / желаю вам успеха / и хочу / чтобы вы знали / что у вас единомышленников еще больше / чем вы даже можете предположить. Всего вам самого хорошего»*

(Беседа И. Рыбкина со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» (2003-2004)); «[1892, актриса, Александра Вениаминовна Азарх-Грановская, жен] Арагон как писательницу. Великолепно! С кем он только ее не сравнивал! Ведь он же ее делает классиком французской литературы. Честь ему и слава / так любить. Мне это чрезвычайно нравится. Я вообще уважаю большие страсти / так что... мне это очень нравится». (А.В. Азарх-Грановская, В.Д.Дувакин. Беседы с А.В. Азарх-Грановской: Беседы 1-3 (1968)); «"Ника" в номинации "За вклад в кинематографические науки, критику и образование" – Марку Заку. "Ника" в номинации "Честь и Достоинство" – Петру Тодоровскому. "Пройдут дожди, сойдут снега... ". "И тает лёд, и сердце тает» (Весенний призыв // «Экран и сцена», 2004.05.06).

Представленные контексты раскрывают разнообразные смысловые обертоны лексем с корнем *чест-* и их синонимов от художественного осмысления чести, честного слова как ответственного действия до понимания чести в одном комплексе со славой и достоинством как именованная высшей награды за определенный род деятельности.

В современном официально-правовом дискурсе слово-термин «честь» встречается в контексте защиты чести, достоинства и доброго имени. В нем перечисляются категории морально-этических качеств, присущих каждому человеку и охраняемых государством.

Исследователи в области права отмечают, что понятия чести, достоинства и доброго имени очень близки друг другу. В то же время в юридических текстах первые два понятия обычно используются в составе одной фразы: "защита чести и достоинства, унижение чести и достоинства". Они возникают не из-за рождения и существования человека, а из-за его поведения и отношения к нему в гражданском обществе.

Сущность и смысловое содержание понятий «честь», «достоинство», «доброе имя» не совпадают. Термин «доброе имя», который был закреплен в ст. 23 Конституции РФ, находится в прямой связи с понятием «честь» и перечислен

наряду с нематериальными благами в ст. 150 ГК РФ, как отмечает О. Ю. Черников, это «общественная оценка индивидуального поведения», и если «честь» используется для оценки этического образа всей личности, то «доброе имя» – термин, используемый для характеристики конкретного поведения человека, его личностных, профессиональных и иных качеств, проявляющихся в общественной жизни, формирующихся по результатам публично доступной, открытой деятельности человека [URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0803/6>]. Мы согласны с мнением исследователя о существующей неопределенности в трактовке понятия «деловая репутация», а также его отсутствию в Конституции РФ.

На официальном сайте «Гражданский кодекс РФ. Последняя действующая редакция с Комментариями» [URL: <http://stgkrf.ru/152>] представлена статья 152. «Защита чести, достоинства и деловой репутации». В ней лексема «честь» реализуется в комплексе «честь, достоинство, деловая репутация», сочетается по преимуществу с предикатами «защита» и с признаковыми словами «порочащие сведения». В комментариях к статье находим следующий контекст: «1. Гражданское законодательство не определяет понятий «честь», «достоинство», «деловая репутация». Эти нематериальные блага защищаются в порядке, установленном ст. 152 ГК РФ, хотя следует иметь в виду, что ст. 150 Кодекса упоминает в числе защищаемых благ также и доброе имя».

В науке принято рассматривать честь как общественную оценку личности, меру духовных и социальных качеств гражданина, достоинство – как самооценку собственных качеств и способностей, а деловую репутацию – как такое качество, которое проявляется в профессиональной деятельности. Вместе с тем в судебной практике перечисленные понятия почти не разделяются, во всяком случае честь и достоинство охраняются фактически как единое нематериальное благо.

Деловая репутация рассматривается как свойство, присущее не только гражданам, но и юридическим лицам. Иски о защите деловой репутации

юридических лиц весьма распространены (см. информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. N 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации») [URL: <http://stgkrf.ru/152>].

Посягательства, унижение чести, достоинства и деловой репутации раскрываются в следующем контексте: «Комментируемая статья рассматривает в качестве посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию исключительно распространение определенных сведений, не упоминая о таком правонарушении, как оскорбление. Между тем зачастую в адрес граждан и юридических лиц высказываются оценочные суждения, мнения, убеждения, являющиеся выражением взглядов того, кто высказывается.

Такие суждения могут касаться не только профессиональных, но и личностных, морально-нравственных качеств того или иного гражданина. В соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции РФ каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, в связи с чем такие высказывания в принципе не запрещены» [http://stgkrf.ru/152].

Так, общенародное слово получает юридический статус, функционируя в юридической сфере языка. Слово вступает во внутренние отношения и связи, характерные для правового пространства.

Некоторые смысловые аспекты «чести» входят в словарную статью «Большого юридического словаря»: «мораль», «оценка», «человек», «общество», «самооценка», «нематериальное благо», «принадлежность от рождения», «непередаваемое», «ответственность», «распространение», «ложные сведения» [URL: <https://juridical.slovaronline.com/6579-CHEST>].

Итак, завершающий этап «ядерного» использования юридического значения характеризуется выдвиганием на первый план собственно «юридизированного» значения слова «честь» и однокоренных с ней лексем, активно функционирующих в законодательных текстах. Однако появление этих

слов в различных смысловых, синонимических блоках свидетельствует о присутствии стихийного начала в контексте юридического дискурса.

2.2. Эволютивная юридизация лексем с корнем *гражд-* и его дериватов⁴

2.2.1. Первая стадия («недоюридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «гражданин», его дериватов

Хронологические рамки «Предыстории» становления юридизации (до XIX в.) связаны с двумя подпериодами – XI-XVI вв. и XVII-XVIII вв. 1 тип, «предьюридизированный» смысл, относится к периферийному использованию юридического значения корневого слова «гражданин», его дериватов и синонимов в кругу разнообразных смыслов. Этап начала становления юридической семантики лексемы «гражданин» открывается разнообразными дискурсами, в которых юридический смысл только намечает пути своей реализации.

XI-XVI вв.

«Предьюридическая стадия раскрытия семантики лексемы «гражданин» характеризуется наличием различных вариантов этого слова «горожанинь», «градникъ» «гражанин / граженин» в ед. ч.; «граждане», «гражане» в мн.ч., которые объединены значением «жителя / жителей города». Эта связь выражается в функционировании указанных лексем в различных религиозных, летописных, правовых не только оригинальных, но и переводных контекстах Древнерусской словесности см. например, контексты **религиозного дискурса**: «*Радѣиѣста, граждане несиѣи, и дрѣзи бгѣ и стыма єго прсиѣи*» (Акафист преподобным Зосиме, Савватию и Герману, соловецким чудотворцам); «*Стратотерпцы*

⁴ Данный раздел написан с использованием материалов, ранее изложенных в статье [Иркова, 2019].

мѹченицы, и небіиіи граждане, на земли пострадавшіи...» (Триодь цветная. Троицкая родительская суббота, поминовение усопших); *«Граждане же побѣдиша емѹ мѣсто достойно молчанію быти и отстояцѹ емѹ от града того поприць Пиктоже тѹ от живѹщихъ обрѣтахѹста, но мѣсто гладко и ровно, красотою цвѣтѹща, по краіи езера близъ рець Уньжи. Блаженный же тѹ водворивъ себѣ въ пѹстыню, благослови мѣсто то»* (Житие Макария Желтоводского и Унженского); *«Видѣвше же граждане прѣслабнаго его чюдеса и возрадовашася радостію великою зѣло. И создаша емѹ церковь прѣслабнѹ, и великѹ, и краснѹ сѹщѹ въ имя святаго и преподобнаго отца Пиколь»* (Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 9 мая. Перенесение мощей святого и преподобного отца Николы чудотворца архиепископа Мирской Ликии в Бар град (1530-1554));

- контексты летописного дискурса: *«Князю же Новгородцкомѹ не бысть силы стати противѹ ихъ на бои, но побеже в Гүздаль, а люди горожане разбегошася вси по Волзѣ в сүдѹхъ»* (Вологодско-Пермская летопись); *«Даниль со вои со Холма. и бывшю емоу третии дѣнь оу Галичи. любахуоть же и граждане подѣхавшоу же емоу подѣ городѣ. и р(ч)е имь ѡ моужи градѣстин доколь»* (Галицкая летопись); *«близ стѣн градныхъ, тогда граждане стрегүцини града»* (Пискаревский летописец); *«Ти гради добрѣ стоятъ, въ нихъ же граждане князя слүшаютъ, а князь закона»* (Пчела, не позднее XIII в.); *«Князин же всадиша в порүб, граждане же, разметавше порүбъ и емше, ослѣпиша Мстислава и Яроплѣка, а Глѣбъ тѹ үмре, а тѣхъ отпүстиша в Рүсь. Ведома же има и гниющама очима, придоша к Смоленскѹ, внидоша в церковь святүю Бориса и Глѣба на Гмядино, и тѹ прозрѣста септября 5, на үбьение Глѣбово. А на зимѹ придоша в Новгород, и посадиша ү себе Мстислава на столѣ, а брата своего Ярополка на Новемь Торгѹ, а Ярослава на Ламскомь*

Волоцъ» (Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка (1400-1450));
«Гражане же създаша пакы и другын град около святѣи Богородици, наутриа же придоша на нь, и бысть брань межи ими велика» (Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка (1400-1450));

- контексты правового дискурса: *«<...> къ епископу и къ мѣстерюи къ всемъ вельневицем и ратьманом, всемъ горожаном»* (Договорная грамота полоцкого князя Изяслава с магистром Ливонского ордена и Ригой (ок. 1265 г.); *«Аже оубиеть кто моужа, то мьстити братоу брата, любо отець, или сыну, любо братъчадоу, ли братню сыновн; оже не бѣдеть кто его мьстян, то положить за голову 80 гривень аще ли боѣдеть княжь; аци ли боѣдеть роусин, горожанинъ, или гридъ»* (Правда Роуская пространная редакция XII в. Списокъ Карамзинсѣй); 96. А се закладаюче город1); *«Аще ли пхнеть муж мужа любо к себе любо от себя, ли по лицу ударить или жрѣдию ударить, а без зънаменния, а видок бѣдеть, бещестие ему платити; аже бѣдеть болярин великых боляр или менших боляр, или людин городскыи, или селянин, то по его пути платити бещестие; а оже бѣдеть варяг или колобязг, крещенния не имея, а бѣдеть има бон, а видок не бѣдеть, ити има роте по своей вере, а любо на жребни, а виноватый в продажи, в что и обложать»* (Правда Руская, с. 231).

Во всех представленных контекстах актуальным значением выделенных лексем в различных дискурсах становится смысл «жителя города» от сакрального звучания (религиозный дискурс «Небесного Града Граждане») до правового осмысления принадлежности того, о ком говорится в тексте, к населению определенного города, в котором уже есть сложившаяся социальная иерархия.

В словаре древнерусского языка [URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html>] есть закрепления этих лексем и их семантических признаков («житель города», «городской» и т.п.) в соответствующих словарных статьях. Об отсутствии значения «гражданина» как участника правовых отношений в древнерусских

дискурсивных практиках также пишет в своих работах Г. В. Дуринова [Дуринова, 2015]. Исследовательская традиция даёт многогранное осмысление взаимосвязи истории слова «гражданин» и концепта «город» в диахроническом аспекте [Кондаурова, 1967; Живов, 2002; Марасинова, 2008; Улуханов, 2012; Лукин, 2014; Дуринова, 2015]. Появление той или иной лексемы с корнем *гражд-* учёные связывают с переводным или оригинальным характером старославянских или древнерусских памятников [Живов, 2002; Лукин, 2014; Дуринова, 2015].

В дискурсах Древней Руси раскрывается «предъюридизированное» значение слова «гражданин» как жителя города и однокоренные с ним лексемы поддерживают такую семантику. Дополнительные компоненты значения лексемы, связанные с политической или государственной семантикой, на этом этапе ещё не проявили себя.

XVII-XVIII вв.

Переходным моментом в юридической семантизации лексемы «гражданин» становится появление словосочетания «городовые / городские посадские люди» как лиц, устанавливающих отношения с государством и имеющих определенные права и обязанности, в тексте «Соборного уложения» от 29 января 1649 г. см. контекст: *«и на тех патриарших и митрополичих, и на архиепископных, и на епископных, и на монастырских, и на боярских, и всяких чинов людей, на прикащиков, и на людей их, и на крестьянке городех всяких чинов городовым людям и всяких чинов московских людей прикащиком, и крестьяном давать суд по дватцеть рублей»* (Соборное уложение 1649 г.). Так, в представленном контексте словосочетание «городовые люди» означает участников диалога «народа» и «власти».

На первом плане семантики лексемы «гражданин» оказываются смыслы «участника правовой ситуации», «правового субъекта», а также начинают появляться связанные с ними понятия – «гражданская честь», «согражданин», «именитый гражданин» и т.п. Ключевой момент в возникновении новых смысловых аспектов семантического содержания лексемы «гражданин» также

фиксируют исследователи М.В. Живов и Г.В. Дуринова, связывая его с особым культурным значением документов «Соборного уложения» [Живов, 2002; Дуринова, 2015].

При этом значимо, что не исчезают связи семантики слова «гражданин» с его первоначальным значением «горожанин» как житель города. В этом подпериоде сохраняется функционирование лексемы «гражданин» и её признаковых характеристик («добрый», «честный» и т.п.) и в неюридических дискурсах см. контексты **поэтического дискурса**: «*Будь мужествен ты в ратном поле, / В дни мирны добрый гражданин; / Не чином украшайся боле, / Собою украшай свой чин*» (М. М. Херасков. Знатная порода (1769)); **контексты публицистического дискурса**: «*В царствование его ни один сенатор, ни один бесчестный гражданин не дерзал никогда промолвить, что государь не подчинен законам*» (Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию (1777)). Выделенные словосочетания начинают раскрывать смысловую грань «гражданина» как честного, доброго, порядочного человека, придерживающегося законов общества и государства.

«Переход» и появлении новых смысловых обертонов лексемы «гражданин» фиксируется в словаре русского языка XI–XVII вв. [Словарь ..., 1977, с. 117]. В нём актуализируются такие её семантические признаки, как «член общества, городской общины». А также в словаре присутствует однокоренная с ней лексема «гражданство» в значении ‘гражданское устройство, порядок’ (см. контекст из словаря: «*И весь чинь и гражданств узаконено, аще и естественно...*» (Арифметика Магницкого, 13 об. 1703 г.). Так, начало юридической семантизации лексемы «гражданин» свидетельствует не об абсолютной изоляции юридического значения слова и её ограниченности, а, напротив, об естественном взаимодействии этого слова с другими сферами функционирования во временном потоке развития его семантики. В «Полном церковнославянском словаре» [Полный церковнославянский словарь, 2004] отражена лексема «гражданинь» (*πολίτης*) в значении ‘городской житель,

обыватель'. Сам корень *гражд-* является славянизмом по происхождению, поскольку содержит неполногласие и южнославянский рефлекс $d+j=жд'$.

2.2.2. Вторая стадия («околоюридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «гражданин», его дериватов

Хронологические рамки «Нового периода» юридизации XIX в. – начало XX в. 2 тип, «околоюридизированный» смысл, относится к этапу «промежуточного» использования юридического значения корневого слова «гражданин», его дериватов и синонимов. «Переходный» этап использования юридического значения «лексемы «гражданин» среди других значений слова связан с новым витком в развитии юридизации, с укреплением и выходом на первый план смыслового содержания слова правовых значимостей.

В коммуникативных сферах того времени активно начинают использоваться такие категории, как «гражданственность», «гражданство», «гражданская часть» и т.п. см. контексты **правового дискурса**: *«А дабы доставить случай и способы к достижению той цели, какую Мы при учреждении сего Министерства себе предполагаем; то повелеваем с объявления сего Манифеста Нашего: 1, всем Военным, по Гражданской и Полицейской части, равно и Гражданским Губернаторам, как по личным должностям своим...»* (Манифест «Об учреждении Министерств» 08(20).09.1802); *«Главноуправляющаго Гражданскою частью в Грузии...»* (Туркманчайский мирный договор 10(22).02.1828); *«2) лишится общей гражданской правоспособности вследствие каких-либо других причин...»* (Временные правила о цензуре и печати 06.04.1865). В указанных контекстах выделенные словосочетания обозначают определенные административно-территориальные единицы, входящие в определенные Министерства.

Особый вклад в понимание категории «чести гражданина» в правовой дискурс вносят декабристы см. контексты: *«Из сего явствует что Свобода есть главная Необходимость для Народной Промышленности. Свобода же сия*

состоит в трех главных предметах: 1) Чтобы каждый Гражданин имел право и позволение заниматься тою или теми отраслями промышленности, которая он за благоразсудит избрать лишь бы честен был и к Законам исполнителен» (Русская правда (1824)). Лексема «гражданин» в этих контекстах открывает значение «честного человека», а его «следование», «исполнение закона» дают право каждому гражданину заниматься той деятельностью, которую он изберёт.

Лексемы, выражающие эти понятия, встречаются в публицистическом, прозаическом, поэтическом дискурсах (см. контексты **публицистического дискурса**: «Вы скажете, что такого человека найти трудно: знаю; но добрый гражданин обязан желать совершенства, по крайней мере возможного, в государе!»). (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 11); см. контексты **прозаического дискурса**: «Вся бодрость его возвратилась. –Прощай, почтенный гражданин!» (М. Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)); «А еще сообщаю, как я есть честный гражданин» (М. М. Зощенко. Честный гражданин); см. контексты **поэтического дискурса**: «Но цензор гражданин, и сан его священный: / Он должен ум иметь прямой и просвещенный; / Он сердцем почитать привык алтарь и трон; / Но мнений не теснит и разум терпит он. / Блюститель тишины, приличия и нравов, / Не преступает сам начертанных уставов, / Закону преданный, отечество любя, / Принять ответственность умеет на себя; / Полезной Истине пути не заграждает, / Живой поэзии резвиться не мешает. / Он друг писателю, пред знатью не труслив, / Благоразумен, тверд, свободен, справедлив» (А. С. Пушкин. Послание цензору (1822) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837-1937: В 16 т. Т.2, 1947 | 1948 | 1949); «Постой, постой; день только, день один: / И казней нет, и всем свобода, / И жив великий гражданин / Среди великого народа. 5 / Не слышат» (А. С. Пушкин. Андрей Шенье (1825) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837-1937: В 16 т. Т.2, 1947).

Для каждого из этих дискурсов характерно выдвижение на первый план в семантике слова «гражданин» своего смысла, обусловленного контекстом его

возникновения и формирования. Общим моментом для всех выделенных словосочетаний и лексем становится смысловая реализация значения доброго, честного, почтенного гражданина, жизнь которого подчинена определенным нормам приличия и морали, а также в той или иной мере связана с достижением некоего совершенства.

В поэтическом дискурсе как особой форме существования художественной мысли в рамках одного контекста можно встретить совместное употребление слов с корнями *чест-* и *гражд-* что открывает перед читателем образ настоящего порядочного гражданина, важного члена общества, также сохраняется и словесно претворяется глубинная связь семантики слов «гражданин» и «горожанин см. контексты: *«А ныне человек – ни раб, ни властелин, / Не опьянен собой – а только отуманен; / Невольно думаешь: всемирный горожанин! / А хочется сказать – всемирный гражданин! (О. Э. Мандельштам. «Когда держался Рим в союзе с естеством...» (1914)); «Не надо мудрствовать лукаво, / Но каждый честный гражданин / Всегда сказать имеет право: / Одиножды один – один» (В. С. Курочкин. Великие истины (1866)). В представленных контекстах разворачивается поэтическая семантика слов лексического гнезда с корнями *чест-*, *гражд-*, связанная с пересекающимися между собой образами «честного гражданина», его прав и свобод.*

Собственно правовой модус реализации юридических смыслов связан с функционированием словосочетаний «гражданская свобода», «гражданская государственная служба», «гражданское совершеннолетие» и т.п. см. контексты **правового дискурса:** *«1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» (Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка 17(30).10.1905); «Член Государственной Думы выбывает из её состава в случае: а) утраты русского подданства; б) утраты ценза, дающего право на участие в выборах; в) поступления на действительную военную службу, и г) назначения по*

гражданской государственной службе на должность, соединенную с определенным окладом содержания, за исключением должностей министров и главноуправляющих отдельными частями».

3. Не могут быть принимаемы на службу в Канцелярию и состоять в ней на службе: а) не достигшие гражданского совершеннолетия; б) обучающиеся в учебных заведениях; в) иностранные подданные и г) лица, не допускаемые к выборам в Государственную Думу на основании статьи 7 положения о выборах в Думу»;

11. Служащие в Канцелярии и их семьи пользуются пенсиями и единовременными пособиями из казны применительно к постановлениям общего устава о пенсиях и единовременных пособиях по гражданским ведомствам (Учреждение Государственной Думы 20.02.(05.03).1906); «приговор не подлежит утверждению, если окажется неправильным с формальной стороны, или если при составлении его не соблюдены требования, изложенные в настоящей статье, или если будет возбужден спор о праве гражданском, подлежащий разрешению суда» (Именной Высочайший указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» 09.11.1906). В представленных контекстах наблюдается усиление правового смысла слов с корнем *гражд-*, их дериватов, на первый план в значении слов выходит собственно юридический смысл, связанный с категорией гражданской свободы как действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; с созданием гражданских ведомств и отданием гражданских прав и свобод; а также с определением границ действий и возможностей лиц, не достигших гражданского совершеннолетия.

В правовых контекстах XIX – XX вв. продолжается процесс юридизации слов с корнем *гражд-*, его дериватов, который начинает выкристаллизовываться в «предтермин» *гражданин* см. следующие контексты: «Статья IX. Договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения своих военных расходов, т.е. государственных издержек на ведение войны, равно как и

от возмещения военных убытков, т.е. тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в зоне военных действий военными мероприятиями, в том числе и всеми произведенными во вражеской стране реквизициями» («Брестский мир» 03.03.1918); В данном контексте лексема «граждане» открывает значение жителей определенного государства.

«Только благодаря этим обстоятельствам удалось советским республикам отбить нападения империалистов всего мира, внутренних и внешних; только благодаря этим обстоятельствам удалось им успешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству» (Декларация и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик 30.12.1922).

В контексте понятие «гражданской войны» связано с конкретным закрепленным за ним определением боевых действий, происходящих в пределах одного государства. «о) установление основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданское и уголовное союзное законодательство; ф) основное законодательство в области союзного гражданства в отношении прав иностранцев; 21. Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство» (Декларация и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик 30.12.1922).

Представленные контексты открывают значимые понятия «гражданского и уголовного союзного законодательства», представляющие собой кодифицированные нормативные акты, задающие основы законов в этих областях. Лексемы «граждане» и «гражданство» в этом же направлении раскрывают семантику принадлежности человека, гражданина к государству СССР, с которым у него устанавливаются устойчивые правовые отношения. «Нельзя сказать, чтобы эти опасные и вредные для дела настроения имели сколько-нибудь широкое распространение в рядах нашей партии. Но они, эти настроения, всё же имеются в нашей партии, причём нет оснований утверждать, что они не будут усиливаться. И если они, эти настроения,

получат у нас права гражданства, то можно не сомневаться, что дело колхозного движения будет значительно ослаблено и опасность срыва этого движения может стать реальностью» (Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения 02.03.1930). В контексте подчеркивается важность значения словосочетания «права гражданства» применительно к опасным и вредным настроениям в рядах партии, которые знаменуют при получении такого статуса возможное негативное развитие событий.

Продолжение правового регистра семантики лексемы «гражданин» являются тексты Конституции СССР 1936 г. см. контексты: «*Статья 10. Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан – охраняются законом; Статья 12. Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест»;* (Конституция СССР 1936 года). Выделенные слова и словосочетания демонстрируют взаимосвязь лексем с корнями *чест-*, *гражд-*, *прав-*, открывающуюся в понятиях «права граждан», «честь гражданина» и т.п.

Юридическое наполнение лексем «гражданство», «гражданин», «гражданственность» раскрывается также в контекстах **поэтического дискурса**: «*Берега цветут и празднуют гражданство. / Берега светлеют и дичают вновь. / Нежась на водах, дивлюсь на их убранство: / Мимо проплывают вереницы снов*». (И. Коневской. Нараспев (1899.02.23) // И. Коневской. Стихотворения. Новая библиотека поэта. - С-Петербург: Прогресс-плеяда, 2008); «*Как в полдевятого на службу / За тысячей своих рублей, / Предав гражданство, братство, дружбу, / Пойдешь по улице своей?»* (А. А. Тарковский. Ночной звонок (1946) // А. Тарковский. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Художественная литература, 1993); «*Российский стих – гражданственность сама. / Восторг ума, сознание пользы*

высшей! / И ямбов ломоносовских грома / Закованы в броню четверостиший / А в Пушкине всё соединено – / Век чаяний и грёз и наши лета, / Свобода летописца, честь поэта, / И прозы соль, и грозное вино...» (Д. Самойлов. Стихи и проза (1957-1974) // Д. Самойлов. Стихотворения. Новая библиотека поэта. Большая серия. СПб.: Академический проект, 2006); *«Гражданственность – талант нелёгкий. / Давайте делаться умней. / Зачем тащить, как на верёвке, / надменно фыркающих – к ней?»* (Е. А. Евтушенко. «Гражданственность – талант нелегкий...» (1958)).

Лексема «гражданство» входит в один смысловой ряд с лексемами «братство», «дружба», объединенный смыслом общности интересов и увлечений людей, входящих в братство, поддерживающих дружеские отношения, основанные на взаимном уважении. При этом в одном ряду с этими человеческими ценностями появляется мотив предательства и вопроса о том, как жить после совершенных действий. Лексема «гражданственность» входит в контекст обозначения восторга ума, осознанности высшей пользы, переключаясь в смысловом плане с «честью поэта».

Сказанное позволяет зафиксировать промежуточную стадию юридизации языковых единиц, связанную с ослаблением восприятия гражданина как горожанина, жителя города и с усилением собственно правовых и морально-нравственных смыслов. Эти словосочетания и смыслы лексем запечатлеваются в словарных статьях того времени [URL: <http://www.slovorod.ru/dic-dal>] следующим признаковым составом: «порядочный / честный / добрый гражданин», «честь гражданина», «гражданская честь», «гражданство», «гражданственность», «гражданское право».

Так, анализ функционирования лексемы «гражданин» в указанном периоде связан с реализацией второго типа юридизации, «околоюридизированного» смысла. Он начинается оформление своего собственного признакового состава и устойчивых сочетаний слов.

2.2.3. Третья стадия (тип, «собственно юридизированный смысл») юридизации общенародных смыслов корневого слова «гражданин», его дериватов

Хронологические рамки «Новейшего периода» – конец XX в. – начало XXI в. – связаны с одной из ступеней эволютивной юридизации. «Новейший период» (конец XX в. – начало XXI в.) является одной из ступеней эволютивной юридизации. 3 тип, «собственно юридизированный» смысл, относится к этапу «ядерного» использования юридического значения лексемы «гражданин».

Этап «ядерного» использования юридического значения не указывает на то, что другие смыслы лексемы «гражданин» исчезают, однако на первый план содержания слова выходит собственно «юридизированная» составляющая, реализующаяся в различных публицистических, прозаических, поэтических дискурсах (например, см. контекст **прозаического дискурса**: *«Каждый гражданин имеет право разместить в своем платяном шкафу одну-две личных Вселенных» – фраза, достойная записи в Конституцию»* (Владимир Спектр. Face Control (2002)). В этом контексте лексема «гражданин» раскрывает семантику жителя страны, члена общества и государства.

В связи с чем на данном этапе, актуализируя предшествующие дискурсивные значения употребления названной лексемы, можно говорить о формировании комплексного понятия «гражданская честь», «честь доброго и порядочного гражданина» как этических и социальных категориях, связанных с оценкой таких качеств личности, как верность, справедливость, правдивость, благородство, достоинство.

Лексемы, выражающие эти понятия, встречаются в публицистическом, прозаическом, поэтическом дискурсах (см. контексты **публицистического дискурса**: *«Хочу, чтобы они квалифицировалась в плей-офф. Я говорю это как гражданин Италии, а не как тренер сборной России. – Что скажете о вылете сборной Англии, где вы проработали 4 года? – Мне не нравится говорить о*

прошлом, о командах, которые находятся в трудном положении» (Тимур Ганеев. Капелло: с Бельгией сыграет Акинфеев, он один из лучших вратарей мира // Известия, 2014.06.22); «– Уход Мингазова может быть связан с долгами. Как **законопослушный гражданин** он должен их вернуть. Считаю, что человек, имеющий такие долги, не может представлять республику в сенате, – пояснила «Известиям» лидер республиканской «Справедливой России» Рушания Бильгильдеева. По информации «Известий», занять место Мингазова может спикер Госсовета Татарстана Фарид Мухаметшин, который возглавляет орган законодательной власти республики с 1998 года» (Наталья Башлыкова. Фарид Мухаметшин может стать сенатором от Госсовета Татарстана // Известия, 2014.06.17);

см. контексты **прозаического дискурса**: «Он сказал: – Держи, **гражданин начальник!** И выложил на стол целую кучу барахла. Там были высокие чёрные сапоги, камзол, накидка, шляпа» (Сергей Довлатов. Чемодан (1986));

см. контексты **поэтического дискурса**: «**Гражданин** второсортной эпохи, гордо / признаю я товаром второго сорта / свои лучшие мысли и дням грядущим / я дарю их как опыт борьбы с удушьем. / Я сижу в темноте. И она не хуже / в комнате, чем темнота снаружи.» [И. А. Бродский. «Я всегда твердил, что судьба - игра...» (1971)]; «Везет, качаясь, — к вечеру добраться б... / Глаза бесстрастно смотрят в темноту. / Скинь шапку, **гражданин!** / Провозят ленинградца, / погибшего на боевом посту» (О. Ф. Берггольц. «А город был в дремучий убран иней...» [Февральский дневник, 2] (1942-1942) // О. Ф. Берггольц. Избранные произведения. Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1983); «Пускай электрической плотью себя одевает рябина, / пусть ночь остается на месте, а почва плывет из-под ног! / Отечество – ночь и застолье, а все остальное – чужбина. / Мы – **верные граждане ночи**, достойные выключить ток» (И. Ф. Жданов. Бар (1978-1991) // vavilon.ru). Важно отметить, что в рамках массмедийного дискурса фигурирует атрибутивный комплекс слов

«законопослушный гражданин» как человек, ведущий честную деятельность. В прозаических и поэтических контекстах лексема «гражданин» выступает в роли обращения.

В рамках современного юридического дискурса активно функционируют лексемы, входящих в синонимический комплекс «человек», «гражданин», «личность», «лицо». Неоднократно исследователями подчеркивалось отсутствие явных различий в значениях этих слов и неопределенность, вариативность интерпретации их смыслов в контексте российского права [Смирнов, 2008; Козлачкова, 2014].

Так или иначе глубинные противоречия в семантике слов «человек», «гражданин», «личность» и «лицо», возникающие в правовом контексте, обусловлены их общенародными смыслами и социокультурными особенностями тех знаний, которые они сохраняют в генетической памяти своего дискурсивного функционирования. О концепте «гражданин» подробно пишет в своей монографии И. Б. Фан, акцентируя внимание на сущностном неопределенном соотношении юридической формы «гражданин» и её онтологического содержания [Фан, 2018].

При этом юридизированный характер лексемы «гражданин» существенно отличает его по сравнению с другими общенародными словами, попадающими в текст закона. Это различие связано с правовым статусом индивида. Внутри юридического дискурса Конституции Российской Федерации [URL: www.constitution.garant.ru] происходит следующая смысловая дифференциация этих слов и понятий.

Лексема «человек» раскрывает широкий смысловой регистр представителя живого мира, представляющий собой высшую ценность общества и государства, связанный со свободой, правом на жизнь и т.д. см. контекст Ст. 20 Конституции РФ: *«1. Каждый имеет право на жизнь»* (Конституция РФ). В комментариях к этой статье указано следующее: *«1. Жизнь человека в любом цивилизованном обществе представляет собой высшую ценность и первейшее*

право индивидуума» (Конституция РФ); «Ст. 42 Конституции РФ: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» (Конституция РФ).

При этом лексема «личность» выводит на первый план в семантике высокие моральные и интеллектуальные свойства человека и входит в контекст права на защиту чести, достоинства, доброго имени личности см. контекст «Ст. 21 Конституции РФ: «1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления...» (Конституция РФ). В то время, как лексема «гражданин» оказывается связана с политическими правами, с правом на выборы см. контекст «Ст. 32 Конституции РФ: «1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. 2. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. 5. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия» (Конституция РФ).

В свою очередь лексема «лицо» (физическое или юридическое) открывает достаточно абстрактный смысл носителя различных внутренних качеств, относящихся к обществу, и входит в законы, связанные с защитой права на собственность, регулирующие экономические отношения и т.п. см. контекст «Ст. 35. Конституции РФ: «1. Право частной собственности охраняется законом. 2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами...» (Конституция РФ).

Такого рода вариативность в контексте юридического дискурса свидетельствует о присутствии в нём стихийного начала, а синонимия предстает как один из функционально-смысловых центров взаимодействия естественного и юридического языка. Следующие семантические признаки лексем «гражданин»

– «лицо», «принадлежащее», «постоянное население данного государства», «пользующееся», «всеми правами», «обеспеченными», «законами этого государства», «исполняющее», «установленные», «обязанности» – закрепляются в её словарном толковании Малого академического словаря [URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Применительно к проблематике диссертации результативно реализован диахронный дискурсивно-семантический анализ различных дискурсивных практик, содержащих лексические единицы с корнями *чест-*, *гражд-* и их дериватов. Установлено, что вхождение общенародного слова в юридический язык определяют дискурсивно-семантические факторы. «Представленная типология предъюридического содержания слов, входящих в юридические тексты, позволяет квалифицировать их полутерминологический статус» [Иркова, 2019, с. 216]. Исследование доказало наличие дискурсивно-семантических закономерностей в механизме эволютивной юридизации общенародных слов, становящихся единицами официальной юридической коммуникации.

«Юридическая терминосистема, как и любая терминосистема, формируется не только из терминов, но и из нетерминологической лексики – неюридических сфер коммуникации, экономическая из неэкономической, биологическая из небиологической и т.д. В этом процессе формирования юридической терминологии, представляющей юридизацию лексических и – шире – номинативных элементов из различных неюридических дискурсов и коммуникативных сфер в юридическую сферу, значимой является юридизация моральных категорий и понятий» [Голев, Иркова, 2018, с. 213].

«Факт официального принятия закона с использованием нового термина впервые – вершинная точка юридизации. Но эта точка часто всего лишь момент на длинном пути становления термина. И до официального принятия термина может происходить долгое, поэтапное вхождение его в правовую сферу, когда следует говорить о «предтерминах», «недотерминах», «полутерминах». Все указанные моменты составляют перспективу развития очерченного направления в изучении темы сосуществования естественного и юридического языков на их лексическом уровне» [Там же].

Внесен вклад в методологию дискурс-анализа, в методологию диахронной семасиологии и юрислингвистики. Доказана и апробирована идея детерминированности значения слова, с одной стороны, его дискурсивным пространством в диахронном плане и, с другой стороны, заданности определенного дискурса семантикой самого слова в синхронном плане. На всех этапах процесса эволютивной юридизации лексемы не теряют общенародных смыслов своей дискурсивной реализации. Первый полюс сближения реализации семантики разных корневых слов «честь», «гражданин» и их дериватов связан с присутствием в общественно-политической сфере синонимическими комплексами слов.

Лексическое гнездо однокоренных слов с заглавным словом «честь», используются в смысловых комплексах текста закона о защите «чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации личности». Такое «комплексное» функционирование слов подтверждает наличие стихийной конкуренции между ними. Частотное возникновение в суде исков с данными понятиями также подтверждают это. В истоках своих эти лексемы связаны с высокими сакральными смыслами таких слов и концептов, как «правда», «справедливость», «праведность», «благочестивость», «доброта» и т.п. Конечно, сложность разграничения значения указанных лексем свидетельствует о том, что их стоит «юридизировать», но делать это необходимо в соответствии с общенародным шлейфом смыслов, которые эти моральные категории несут за собой.

Так, лексемы «честь», «достоинство», «деловая репутация» получают своё полутерминологическое значение, при этом слово «честь» имеет глубокую и многогранную морально-нравственную семантику, перерастающую в сильный концепт. Слово «честь» вбирает в себя полноту общенародных смыслов от значения, связанного с земной жизнью людей (честность как качество порядочного человека) до смысловых обертонов небесной жизни праведников,

святых (см. например, контекст религиозного дискурса: «Честнейшая Херувим»). В то время как лексема «доброе имя» не получает конкретной терминологизированности, встречаясь в единичных контекстах. Такое положение может быть продиктовано тем, что в ряду с лексемами «честь», «достоинство», «деловая репутация», лексема «доброе имя» раскрывает достаточно широкое смысловое поле, вбирающее в себя значения «чести», «достоинства», так как затронув каким-либо образом честь и достоинство человека, нельзя не коснуться его доброго имени. Эти смысловые грани хорошо актуализируются носителями языка в их высказываниях относительно этого концепта.

Лексическое гнездо однокоренных слов с заглавным словом «гражданин», используются в смысловом комплексе «человек», «гражданин», «личность», «лицо», который раскрывается в современных текстах закона и представляет собой центр взаимодействия предъюримических и юридических смыслов указанных слов.

Такое взаимодействие общенародной и юридической сторон семантики слова «гражданин» является синхронным следствием диахронного раскрытия различных его смыслов. Лексема «человек» раскрывает широкий смысловой регистр представителя живого мира, представляющий собой высшую ценность общества и государства, связанный со свободой, правом на жизнь. Лексема «личность» выводит на первый план в семантике высокие моральные и интеллектуальные свойства человека и входит в контекст права на защиту чести, достоинства, доброго имени личности. Лексема «гражданин» оказывается связана с политическими правами, с правом на выборы. Лексема «лицо» (физическое или юридическое) открывает достаточно абстрактный смысл носителя различных внутренних качеств, относящихся к обществу, и входит в законы, связанные с защитой права на собственность, регулирующие экономические отношения и т.п.

ГЛАВА 3. СИСТЕМНЫЙ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ТЕКСТА ЗАКОНА⁵

Направление исследования эволютивной юридикации русской общенародной лексики органично связано с синхронным аспектом становления юридического смысла слова. В главе отражаются результаты апробации методики системного семасиологического анализа лексического состава текста закона. Специфика анализа заключается в рассмотрении современного функционального статуса и смыслового содержания слов и словосочетаний правового текста, обусловленного их эволютивной юридикацией с привлечением дискурсивных смыслов семантики потенциальных терминов («предтерминов», «полутерминов»).

Обосновывается положение о семантической неопределенности «предтерминов», которая является фактором создания множественности интерпретаций и напряженности в социально-правовой сфере, что трактуется как коррупциогенный показатель развития правовых рисков. Определяются главные причины семантической неопределенности: такие проявления естественного языка, как дискурсивное функционирование лексики, приводящее к расщеплению значений слов (полисемия) и синонимия [Голев, Иркова, 2020, с. 23].

Значимость решения вопроса о сущностных признаках языка права, его лексики вытекает из необходимости решения проблемы семантизации юридического языка как смыслового движения (синхронного состояния) от неопределенной (зыбкой, диффузной) семантики естественного языка к жесткой семантизации юридического языка. В настоящее время на проблему трудностей семантизации юридического языка обращают внимание ученые [Голев, Ким, 2007]. Она определяет семантическую напряженность юридического текста и его понимание, в практическом плане – неопределенность семантики и множественность интерпретации (неоднозначность) подобных текстов. Сейчас

⁵ Данная глава написана с использованием материалов, ранее изложенных в статьях [Голев, Иркова, 2019; Иркова, 2020; Голев, Иркова, 2020].

специалисты на лексическом уровне решают её за счет жёсткой семантизации исключительно терминов или приближающихся к ним лексем.

Материалом для апробации методики послужили пять текстов юридической дискурсивной практики:

- статья 131 УК РФ «Изнасилование» [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699];
- статья 3 законопроекта РФ «О профилактике семейно-бытового насилия» (28.09.2016) [URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6>.];
- статья 152 ГК РФ [URL: <http://stgkrf.ru>.];
- раздел 1. Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области «Порядок использования изображений и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области, а также слов, производных от них» (от 10 марта 2010 г. № 101) [URL: <http://docs.cntd.ru/document/990309924>];
- статья 32 ЛК РФ «Заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов» [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299]. Принципом отбора стали дискуссионность, общественная резонансность данных законодательных актов.

3.1. Системный семасиологический анализ текста статьи 131.

«Изнасилование» УК РФ

Системный семасиологический анализ юридического текста предполагает в рамках концепции исследования рассмотрение его лексического состава в диапазоне «общенародное слово – юридический термин», и на этой основе моделирование процесса формирования терминосистемы, представляющей собой соответствующую лексическую отрасль юридического языка, с целью верификации анализа, выявления степени его универсальности. Материалом изучения выступает текст законодательной статьи 131. «Изнасилование» УК РФ»

[URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699]. Подробно описан компонентный состав семантики словосочетания «беспомощное состояние» и возможности его дискурсивного функционирования.

Лексический массив данного текста представлен следующим образом:

Служебные слова: «с»; «или»; «на»; «до»; «от»; «к»; «по»; «и»; «либо»; «также»; «без»; «не»; «в»; «то есть»; «а»; «за»; «ранее»; «против»; «под»; «поскольку»;

Местоименные слова: «определенные»; «определенной»; «такового»; «другим»; «его»; «её»; «иные»; «такое»; «ним»;

Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания: «совершенное группой лиц»; «угроза убийством», «причинение тяжкого вреда здоровью»; «применение насилия», «угроза применения насилия»; «использование беспомощного состояния потерпевшей»; «наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет»; «изнасилование, совершенное с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам»; «повлекшее заражение потерпевшей венерическим заболеванием»; «наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового»; «изнасилование несовершеннолетней, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия»; «наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет»; «с лишением права занимать определенные должности»; «заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового»; «с ограничением свободы на срок до двух лет»; «изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей»; «изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста»; «наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет»; «лишение права занимать определенные должности»; «заниматься определенной деятельностью», «срок до двадцати лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет»; «деяние, предусмотренное пунктом "б" части

четвертой настоящей статьи»; «совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего»; «наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет»; «с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет»; «пожизненное лишение свободы»; «деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей - пятой статьи 134 и частями второй - четвертой статьи 135 настоящего Кодекса»; «совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста», «такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии», «не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

Слова и связки общеправового употребления: «соединенное»; «понимать»; «характер»; «значение»; «действий»; «заражение»; «здоровье»;

Околоюридические лексемы: «угроза»; «совершенное»; «повлекшее»;

Предтерминологические лексемы и словосочетания (эту группу составляют лексемы, представленные в юридической литературе, но не нашедшие в ней однозначного определения): «беспомощное состояние»; «группа»; «угроза»; «по предварительному сговору»; «жестокость»; «последствия»; «лицо»;

Собственно юридические лексемы и словосочетания: «неосторожность»; «лишение свободы»; «потерпевшая»; «статья»; «изнасилование»; «кодекс»; «права»; «должности»; «преступление»; «деяние»; «насилие»; «убийство»; «пожизненное лишение свободы»; «примечание»;

Термины из других сфер: «венерическое заболевание»; «ВИЧ-инфекция»;

Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика): «Уголовный кодекс»; «Российская Федерация»; «ФЗ»; «УК»; «РФ»; «Федеральным законом» и др.

Лингвистический комментарий:

Задействованный в тексте статьи лексический континуум соответствует нормам современного русского языка с учётом функционально-стилистических особенностей законодательного текста, а именно: соблюдается стилистическая нейтральность терминов; в тексте нет просторечных слов, жаргонизмов, отсутствуют метафоры, сравнения, эпитеты и иные образные средства; не используются термины-аббревиатуры, неизвестные носителям русского языка; неоправданно сложных терминологических структур нет.

Хронотопом настоящей статьи 131 «Изнасилование» в ред. Федерального закона от 27.07.2009 N 215-ФЗ является её расположение в УК РФ главе 18. «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» ("Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020)). Цель статьи устанавливается конституционным законом, согласно которому людям предоставляется возможность пользоваться личной (гражданской), политической, экономической, духовной и культурной свободой, создавая тем самым условия, необходимые для всестороннего развития личности, обеспечения функционирования демократического общества в целом [URL: <http://konstrf.ru/22>]. Тематика законодательного акта связана с правами совершеннолетней женщины на половую свободу, а также с половой неприкосновенностью малолетней, несовершеннолетней или беспомощной женщины.

Значимо, что одним из «предтерминов» указанной статьи является атрибутивный комплекс «беспомощное состояние», а также лексема «беспомощность». В связи с чем необходимо обращение к общенародным смыслам лексемы «беспомощность» и словосочетания «беспомощное состояние» с целью ответа на вопрос о статусе этого атрибутивного комплекса слов, а именно: является ли словосочетание «беспомощное состояние» юридическим

термином или «предтермином», или же термином из другой неюридической сферы.

Общепородные смыслы лексемы словосочетания «беспомощное состояние», лексемы «беспомощность».

Многообразные общепородные смыслы словосочетания «беспомощное состояние», лексем «беспомощный», «беспомощность» раскрываются в контекстах **поэтического дискурса**: «*Пред стихийной вражьей силой / Молча, руки опустя, / Человек стоит уныло – / Беспомощное дитя*» (Ф. И. Тютчев. Пожары (1868)); «*Ты, пчела в граммофонных цветах, / мой читатель, душевную лень / источая, как мёд, – удержи на минуту / между слипшихся пальцев, на сладких устах / пустоту и беспомощность, горечь и смуту / и чужих облаков пролетевшую тень* (В. Б. Кривулин. Послесловие (1973))»; «*И старость, и немощи, и беспомощность положения – все, казалось, призывало ее к смерти, как к единственному примиряющему исходу...*» (М. Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы);

- контекстах **художественного дискурса**: «*Видно, помирать... Многого забудется, уйдет из памяти, но тот детски беспомощный жест, слова, грубостью которых брат хотел пришибить свою беспомощность, унижить болезнь, – останутся. И чувство вины останется, на этот раз особенно острое оттого, что брат моложе меня на десяток лет, я прошел войну и уцелел, в жизни видел много худого, но еще больше хорошего. А что видел он?» (Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)); «*Впрочем, два минуса, как известно, дают плюс. Можно предположить, что Олаф был сначала отравлен, приведен в беспомощное состояние каким-то ядом, после чего его и прикончили таким злодейским способом, который, между прочим, сам по себе тоже требует немалой силы. Да, такое предположение кое-что объясняет, хотя сразу же возникают новые вопросы. Зачем было добивать ослабевшего таким зверским и трудным способом?» (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста» (1970));**

- контекстах **газетного дискурса**: *«Например, здесь есть эпизод, когда огромные потоки воды накатывают на Тауэрский мост и смывают едущие по нему машины, а затем захлестывают знаменитое колесо обозрения London Eye. Но в картине не хватает накала, нерва, с помощью которых обычно передается беспомощность человека перед бушующей стихией. Здесь все прописано слишком схематично — и действия властей, и реакция людей, терпящих бедствие, и работа спасателей, и даже выкладывание камешками слов SOS и Help на незатопленных поверхностях. Фильм получается почти документальным, что неудивительно: до сих пор режиссер Тони Митчелл снимал картины только телевизионного формата, и все прелести ТВ-эстетики принес на большой экран»* (Лондонский разлив // РБК Daily, 2007.11.26);

- контекстах **устного дискурса**: *«...А работорговля предполагает как раз вопреки воле / зачастую вводя в заблуждение / используя шантаж / насилие / угрозы / беспомощное состояние»* (Беседа о противодействии торговле людьми в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003-2004)). В представленных контекстах общим моментов в раскрытии семантики слов «беспомощность», словосочетаний «беспомощное состояние/положение» является значение человеческого бессилия в условиях возникающих внешних обстоятельств или же физическую немощность. При этом важно отметить, что в контекстуальной близости оказываются лексемы, связанные с семантикой воздействия на человека: «шантаж / насилие / угрозы / беспомощное состояние».

Специальные смыслы словосочетания «беспомощное состояние», лексемы «беспомощность».

«Беспомощность» как медицинский термин.

Лексема «беспомощность» реализуется в медицинских дискурсах, среди которых встречается следующий контекст: *«Беспомощность – это такое состояние человека, его физических и умственных сил, когда он не может ни защитить себя, ни принимать самых обычных мер к сохранению своей жизни и здоровья и часто нуждается в посторонней помощи, чтобы удовлетворить*

основные свои жизненные потребности. **Беспомощность** бывает **физиологическая** (напр., беспомощны новорожденные, маленькие дети и престарелые; в известной степени беспомощны спящие). Часто **беспомощность** является последствием болезни – **Беспомощность патологическая**.

По характеру **беспомощность** может быть **скоропреходящей** или **длительной** или **постоянной**. Особого внимания заслуживает здесь **беспомощность** на короткое время (напр., при эпилептических припадках, истерических, даже при простом обмороке и т. п.). Наконец, есть **патологическая беспомощность**, вызываемая извне, искусственно; к ней ведет ряд внешних моментов, при чем характерной чертой здесь тоже является болезнь или, может, глубокое расстройство сознания. Сюда нужно отнести **беспомощность** от опьянения, наркотиков и снотворных, гипноза, а также **беспомощность** как последствие механических повреждений (напр., сотрясения мозга, глубокой асфиксии и т. д.).

Состояние **беспомощности** очень важно в судебной медицине. Беспомощные могут быть объектами всякого рода насилий над ними. В ряде случаев даже простое оставление таких лиц без помощи ведет уже к их смерти (напр., оставление без ухода новорожденных); лица, виновные в неоказании помощи в таких случаях, караются по Уголовному кодексу. Иногда совершается насилие над **беспомощными тяжело-больными**; но чаще с указанной целью пользуются **скоропреходящей беспомощностью**, особенно, вызывая ее искусственно.

Сплошь и рядом грабеж и убийство начинаются с оглушения, т. е. приведения жертвы в **беспомощное состояние** ударами по голове, сдавливанием шеи и т. п. Тому же служат алкоголь и наркотики. Особенно богата в судебной медицине казуистика использования **беспомощности женщин** при изнасиловании.

Патологическая беспомощность, даже скоропреходящая (редкие припадки эпилепсии), всегда понижает трудоспособность. **Беспомощность** же

постоянная и непрерывная (напр., при тяжелых соматических и психических заболеваниях, слепоте, потере конечностей и т. п.) обуславливает утрату трудоспособности на 100% и требует посторонней помощи» [URL: <http://med.niv.ru/doc/encyclopedia/med/fc/slovar-193-6.htm#zag->].

В представленных контекстах выделенные лексемы связаны с описанием различных видов беспомощности с медицинской точки зрения, имеющих разные основания, а именно: «беспомощность физиологическая»; «беспомощность патологическая»; «беспомощность скоропроходящая»; «беспомощность длительная»; «искусственно вызываемая беспомощность»; «беспомощность от опьянения, наркотиков и снотворных, гипноза»; «беспомощность как следствие механических повреждений» «беспомощность женщин» и т.п.

В словаре терминов учебника по судебной медицине [Пиголкин, 2012, с. 225] встречается следующее определение лексемы: *«**Беспомощность** – состояние, при котором человек лишен возможности самостоятельно и активно создавать для себя условия, обеспечивающие существование и предохраняющие его жизнь и здоровье от опасных внешних воздействий; умышленное оставление без помощи или неоказание медицинской помощи лицам в **беспомощном состоянии** является преступным действием»* [Там же].

В настоящем контексте акцентируется внимание на умышленном характере оставления без помощи или неоказания медицинской помощи лицам в беспомощном состоянии, которое является преступным действием. В связи с чем актуализируется предъюрисдикционный смысл словосочетания «беспомощное состояние».

Юридические смыслы лексемы «беспомощность».

В соответствии с п.1. ст. 131 УК РФ, изнасилование, то есть половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей, – наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет [URL: <http://www.consultant.ru/document/cons>].

В контексте юридической литературы подчеркивается отсутствие однозначного понятия «беспомощного состояния», уместяющего собственно уголовно-правовой смысл. И. Р. Шикула отмечает, что «в целях единообразного понимания беспомощного состояния потерпевшего необходимо внести в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» следующие изменения, указав, что “беспомощное состояние потерпевшего в уголовно-правовом смысле следует рассматривать как физическое, психическое или психофизиологическое состояние человека, при котором он лишен способности принимать меры, необходимые для самосохранения, в момент преступного посягательства на его жизнь, что обусловлено тяжким заболеванием, психическим расстройством, возрастом, умственной неразвитостью или бессознательным состоянием, внешними факторами» [Шикула, 2016, с. 81].

А. М. Михалутина пишет о том, что среди ученых - юристов из-за нечеткой трактовки законодательства возникают различные мнения касательно беспомощного состояния, многие из которых указывают на такие категории лиц, которые могут находиться в беспомощном состоянии, а именно: малолетние, пенсионеры, психически и тяжелобольные люди. У каждого автора своя трактовка перечня лиц, которые подпадают под беспомощное состояние, что приводит к разногласиям и мешает установлению единой правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства» [Михалутина, 2019, с. 110].

В самом юридическом дискурсе, в комментариях к статье 131 УК РФ, находим следующую характеристику объекта преступления, среди которых оказывается лексема «беспомощность» / словосочетание «беспомощное состояние»: *«Основным объектом преступления являются при изнасиловании взрослой (совершеннолетней женщины) ее половая свобода (право женщины на самостоятельное принятие решения о вступлении в половое сношение с мужчиной, о выборе полового партнера, форм, без физического или психического*

принуждения), а при изнасиловании малолетней, несовершеннолетней или **находившейся в беспомощном состоянии** – половая неприкосновенность (защита от насильственного сексуального посягательства). При этом нарушение половой неприкосновенности всегда означает и нарушение половой свободы как составляющей части. Дополнительным объектом является здоровье потерпевшей, ее честь и достоинство, а при изнасиловании малолетних или несовершеннолетних – их нормальное физическое, психическое, нравственное, половое развитие».

Обращаясь к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/], встречаем следующие контексты с фигурированием словосочетания «беспомощное состояние: «5. *Изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием **беспомощного состояния** потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что **потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии**. (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности")».*

6. При квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшего лица, которое находилось в состоянии опьянения, суды должны исходить из того, что **беспомощным**

состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, которая лишила это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу. При этом не имеет значения, было ли потерпевшее лицо приведено в такое состояние виновным или находилось в беспомощном состоянии независимо от его действий (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 "О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности").

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» находим следующий контекст в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии): «...надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893].

В контексте атрибутивный комплекс «беспомощное состояние» связан со значением неспособности оказывать сопротивление виновному и в силу различных обстоятельств (психических или физических) неспособность осознавать характер и значение совершаемых над человеком действий.

Значение словосочетания «беспомощное состояние» раскрывается таким признаковым составом, как «состояние человека», «физические и умственные силы», «не может ни защитить себя», «не может принимать самых обычных мер к сохранению своей жизни и здоровья», «нуждается в посторонней помощи»,

«удовлетворить основные свои жизненные потребности», «оставление без помощи»; «физиологическая беспомощность», «патологическая беспомощность», «беспомощность скоропроходящая», «беспомощность продолжительная», «беспомощность как объект судебной медицины», «беспомощность, вызываемая извне» (медицинские дискурсы, дискурсы судебной медицины); «ощущение своей бессильности при какой-либо ситуации» (психологические дискурсы); «неспособность», «потерпевшая», «в силу своего психического или физического состояния», «осознавать характер и значение», «совершаемых с нею действий» или «неспособность оказывать сопротивление виновному» (юридические дискурсы).

Таким образом, лексема «беспомощность» и словосочетание «беспомощное состояние» являются «предтерминами» в силу «особости» своей семантики, реализующейся сразу в нескольких смысловых актуальных аспектах и смысловых признаках: «физические или психологические ограничения» (медицинские дискурсы; юридические дискурсы); «физически и психологически здоровый человек, который в силу возраста (детского или преклонного) не может оказать сопротивления (юридические смыслы)».

3.2. Системный семасиологический анализ текста статьи 3. Законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» РФ

Системный семасиологический анализ юридического текста предполагает в рамках концепции исследования рассмотрение его лексического состава в диапазоне «общенародное слово – юридический термин», и на этой основе моделирование процесса формирования терминосистемы, представляющей собой соответствующую лексическую отрасль юридического языка, с целью верификации анализа, выявления степени его универсальности.

Материалом изучения выступает статья 3. «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» законопроекта РФ «О профилактике семейно-бытового насилия» [URL:

<https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6>]. Подробно описан признаковый состав значения слова «преследование» и возможности его дискурсивного функционирования.

Лексический массив данного текста представлен следующим образом:

Служебные слова: «и»; «или»; «в»; «а»; «также»; «и (или)»; «на»; «либо»; «к»; «с»; «по»; «между»; «для»; «о»; «если»; «может»; «не»; «равно»; «посредством»; «ранее»; «от»; «что»; «через»; «у»; «за»; «то есть»;

Местоименные слова: «его»; «иной»; «который»; «том»; «любые»; «любое»; «другого»; «ему»; «общим»; «общего»; «одного»; «других»; «другое»; «такого»; «себя»; «он»; «подобные»; «их»; «него»; «свою»; «ним».

Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания: «нарушены его права»; «причинен моральный, физический и (или) имущественный вред»; «совершенное в сфере семейно-бытовых отношений»; «может совершаться в форме физического, психологического, сексуального и экономического насилия»; «не является семейно-бытовым насилием»; «реализация права на необходимую оборону»; «круг отношений между лицами, находящимися в семейных отношениях»; «лица, проживающие совместно либо ранее проживавшие совместно в пределах индивидуального жилого дома, квартиры или иного жилого помещения»; «ведущими (ведшими ранее) совместное хозяйство»; «между лицами, прекратившими семейные отношения»; «умышленные насильственные действия, причинившие вред здоровью и (или) физическую боль»; «любое иное использование физической силы (лишение свободы, понуждение к употреблению психо-активных веществ и другое)»; «попытки насилия, а также умышленный противоправный отказ в удовлетворении основных потребностей в уходе, заботе о здоровье и личной безопасности пострадавшего»; «неспособный в силу возраста, болезни, инвалидности, материальной зависимости либо по иной причине»; «защитить себя от насилия»; «может привести к смерти»; «причинить вред физическому или психическому

здоровью, физическую боль»; «нанести ущерб чести и достоинству личности, а также психическому, физическому или личностному развитию»;

Слова и связки общенародного употребления: «страх»; «боль»; «находящиеся»; «сфера»; «интересы»; «круг»; «отношения»; «болезнь»; «личностное развитие»; «высказывание»; «социальные»; «организационные»; «оказание»;

Околоюридические лексемы: «профилактика»; «супруг»; «жильё»; «честь»; «достоинство»; «личность»; «преследование»; «документ»; «психо-активные вещества»; «инвалидности»; «зависимость»; «бывшие»; «свойственники»; «защита»; «имущество»;

Предтерминологические лексемы и словосочетания (эту группу составляют лексемы, представленные в юридической литературе, но не нашедшие в ней однозначного определения): «семейно-бытовое»; «нецензурная брань»; «безопасность»; «гражданин»; «граждане»; «негативные последствия»; «комплекс»; «социально-правовая»; «граждане»; «нарушитель» «насилие», «пострадавший»; «шантаж»;

Собственно юридические лексемы и словосочетания: «законные права»; «угрозы»; «принуждение»; «субъекты»; «органы»; «предписание»; «судебный»; «Статья»; «насильственные действия»; «противоправный»; «оскорбления»; «клевета»; «преступление»; «правонарушение»; «иждивении»; «конституционные»; «государственные»; «местное самоуправление»; «организация»; «выданный»; «орган внутренних дел»; «акт»;

Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика): «Федеральный закон»; «ФЗ».

Лингвистический комментарий:

Задействованный в тексте статьи лексический континуум соответствует нормам современного русского языка с учётом функционально-стилистических особенностей законодательного текста, а именно: соблюдается стилистическая

нейтральность терминов; в тексте нет просторечных слов, жаргонизмов, отсутствуют метафоры, сравнения, эпитеты и иные образные средства; не используются термины-аббревиатуры, неизвестные носителям русского языка; неоправданно сложных терминологических структур нет.

Впервые текст закона появился ещё в 2016 году в качестве проекта Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия». **Хронотопом** его возникновения является 28. 09. 2016 года [[https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6.](https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6)]. В то время проект был отклонен.

29 ноября 2019 года Совет Федерации опубликовал для общественного обсуждения законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», в который было введено новое понятие «преследование», ставшее предметом размышлений среди широкой общественности [URL: [http://pk-semya.ru/novosti/item/7669-o-profilaktike-semejno-bytovogo-nasiliya-v-rossijskoj-federatsii.](http://pk-semya.ru/novosti/item/7669-o-profilaktike-semejno-bytovogo-nasiliya-v-rossijskoj-federatsii)].

В Статье 3. Раскрываются «Основные понятия, используемые в Федеральном законе» законопроекта РФ «О профилактике семейно-бытового насилия» [URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6.](https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6)]. Его **цель** связана с профилактикой семейно-бытового насилия в Российской Федерации. Семейная **тематика** законопроекта касается основ человеческой жизни. В связи с чем после опубликования законопроекта в СМИ появились критические публикации относительно его содержания, затрагивающего универсальные общечеловеческие ценности, основы духовно-нравственной жизни.

Более детально рассмотрим понятие преследования Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» от 28.09.2016, которое составляет содержание соответствующей лексемы. Необходимо отметить, что слово «преследование» относится к классу «предтерминов» – слов и словосочетаний, представленных в юридической литературе, но не нашедших в ней однозначного определения.

Общепонятные смыслы лексемы «преследование».

Лексема «преследование» в Новом объяснительном словаре русского языка входит в один синонимический ряд с глаголами «досаждать, докучать, донимать, преследовать 2.1» [Новый объяснительный словарь ..., 2004, с. 28]. Синонимы различаются по семантическим признакам, связанным с намеренным воздействием на объект («преследование»); с мотивами субъекта в случае намеренного воздействия (в случае преследования, как правило, желание удовлетворить собственный интерес); с тем, какое состояние возникает у объекта в результате воздействия (в случае преследования, страх).

Описанные семантические грани раскрываются многообразием общенародных смыслов лексемы «преследование», которые выражаются в функционировании этого слова в различных контекстах газетных, поэтических, прозаических дискурсов (см. контексты **газетного дискурса**: *«В ночь с 5 на 6 ноября в результате спецоперации были задержаны члены вооруженной преступной группировки. Так началось преследование членов «банды ГТА» – группы преступников, которые за полгода убили на трассах Подмосковья 14 водителей. Аресты продолжаются до сих пор. Впрочем, в громком уголовном деле остается много неясностей»* (Вехи года // «Русский репортер», 2014]; контексты **прозаического дискурса**: *«И разрешал не впервые. Застенчивый и взыскательный, живя всегда в гору, тратя все свои силы на преследование бесчисленных существ, мелькавших в нем, словно на заре в мифологической роще, он уже не мог принуждать себя к общению с людьми для заработка или забавы, а потому был беден и одинок...»* (В. В. Набоков. Дар (1935-1937)); контексты **поэтического дискурса**: *«Мы настигали неприятеля. / Он отходил. И в те же числа, / Что мы бегущих колошматили, / Шли ливни и земля раскисла»* Б. Л. Пастернак. **Преследование** (1944)). В представленных контекстах лексема «преследование» раскрывает семантику движения, погони за кем-либо.

Специальные смыслы лексемы «преследование».

«Преследование» как военный термин.

Словарь военных терминов трактует понятие «преследования» следующим образом: *«Преследование – это наступление на отходящего противника в целях завершения его разгрома. Сущность преследования заключается в нанесении огневых ударов, стремительном продвижении войск для выхода на фланги и в тыл отходящего противника и последующего окружения, расчленения и уничтожения (пленения) его группировок. Преследование может быть параллельным или фронтальным, а обычно ведётся путём их сочетания. Преследующие войска двигаются в предбоевых порядках, батальонных и полковых колоннах»* [URL: <https://www.endic.ru/military/Presledovanie-928.html>]. Военное значение слова «преследование» напрямую взаимосвязано со стремительным продвижением войск, с выделением различных его видов (фронтальное, параллельное, а также их сочетание).

Лексема «преследование» с пометой «воен.» встречается также в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: *«Преследование – (воен.) движение войск вслед за противником, отступающим после проигранного боя; оно возлагается на кавалерию, к которой присоединяется конная артиллерия для обстреливания отступающих колонн; пехота с пешей артиллерией должны поддерживать кавалерию, если противник остановится или перейдет в наступление. Преследование должно быть энергичным и решительным, чтобы окончательно расстроить разбитые войска противника, не дать им отдохнуть и вновь перейти в наступление»* [URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/index.htm>].

В настоящем определении лексема «преследование» реализует также военную семантику, в которой в рамках одного контекста встречается важный смысловой комплекс слов, характеризующий «преследование», а именно: «движение войск вслед за противником». При этом словосочетание «преследование судебное» имеет следующее значение: *«Преследование судебное – деятельность по розыску, задержанию и привлечению к ответственности перед судебной властью предполагаемого нарушителя закона в видах изобличения*

его в определенном преступлении и применения к нему положенного за него наказания. Право уголовного Преследования, как один из составных элементов карательной власти, по общему правилу, принадлежит государству» [<http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/207/presledovanie-sudebnoe.htm>].

Юридический смыслы лексемы «преследование».

В юридической литературе одним из исследований развития семантики лексемы «преследование» является работа А. В. Синельникова [Синельников, 2003]. Анализируя различные этапы бытия слова, ученый подчеркивает, что «преследование» всегда обладало широким смысловым содержанием, пересекающимся с другими терминами и понятиями: собственно «преследование», «уголовное преследование», «судебное преследование» [Синельникова, 2003, с. 118].

О корреляции трех названных терминов в законодательстве пишет также Р. В. Мазюк [Мазюк, 2014]. Ученый раскрывает их особенности и отличительные друг от друга черты, делая вывод о том, что «понятие «уголовное преследование» в новом УПК РФ получило сразу несколько значений: и как синоним названия функции обвинения (п. 45 ст. 5 УПК РФ), и как синоним понятия «производство по уголовному делу» (гл. 3 УПК РФ), и как название процессуальной деятельности в отношении конкретного лица – подозреваемого, обвиняемого (п. 55 ст. 5 УПК РФ)» [Мазюк, 2014, с. 2284].

Такое многоаспектное понимание термина «уголовное преследование» свидетельствует о том, что современное уголовно-процессуальное право, сохраняя традиции и преемственность отечественного законодательства, не стоит на месте, наполняя хорошо забытые старые понятия новым содержанием. В этой связи важно обратиться к семантике лексемы «преследование» в самом юридическом дискурсе.

В резонансном на сегодняшний день ФЗ «О профилактике семейно-бытового насилия» Статьи 3. Пункта 13. Находим следующую дефиницию этого слова:

«преследование - неоднократные угрожающие действия, направленные на пострадавшего вопреки его воле, выражающееся в поиске пострадавшего, ведении устных, телефонных переговоров, вступлении с пострадавшим в контакт через третьих лиц либо иными способами, посещении места работы, учебы пострадавшего, а также места его проживания, в том случае, если пострадавший находится не по месту совместного проживания с нарушителем, а также любые иные действия, направленные на пострадавшего, вызывающие у него страх за свою безопасность» [URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6>].

В юридической плоскости, как было отмечено выше, оно пересекается с семантикой словосочетания «уголовное преследование»: *«Обязанность осуществления уголовного преследования. 1. Уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель»* [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/78b5ba80090569beee206dac703e1e32d21e9a3c/]. Во всех представленных контекстах выделенные лексемы и словосочетания пересекаются в своих семантических гранях, имея при этом свои специфические особенности. Уголовное преследование осуществляется от имени государства по уголовным делам прокурором, следователем и дознавателем; «судебное преследование», связанное с деятельностью по расследованию, задержанию и преследованию перед судебными органами предполагаемого преступника, встречается в близких по месту нахождения контекстах со словосочетанием «право уголовного преследования»; лексема «преследование» как неоднократные угрожающие действия, направленные на пострадавшего вопреки его воле, имеет достаточно широкое смысловое значение.

Смысловое наполнение лексемы «преследование» раскрывается таким признаковым составом, как «действие», «преследовать», «притеснения», «гонения», «намеренное воздействие на объект», «желание удовлетворить свой собственный интерес», «боязнь как состояние, возникающее у объекта в результате воздействия» (общенародные дискурсы); «наступление на отходящего

противника в целях завершения его разгрома» стремительном продвижении войск для выхода на фланги и в тыл отходящего противника и последующего окружения, расчленения и уничтожения (пленения) его группировок (военный дискурс); «уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения», «осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель».

В контексте нового законопроекта актуализируются следующие смысловые признаки лексемы «преследование»: «неоднократные угрожающие действия», «направленные на пострадавшего вопреки его воле», «выражающееся в поиске пострадавшего», «ведении устных, телефонных переговоров», «вступлении с пострадавшим в контакт через третьих лиц либо иными способами», «посещении места работы, учебы пострадавшего», «места его проживания», «любые иные действия, направленные на пострадавшего, вызывающие у него страх за свою безопасность».

Таким образом, лексема «преследование» является предтермином в силу особенности своей семантики, реализующейся сразу в нескольких смысловых актуальных аспектах: преследование как некое движение вперед, наступление (как военный термин); преследование как уголовный процесс, связанный с возбуждением судебного дела (сугубо юридический термин); преследование как намеренное воздействие субъекта, действие в собственных интересах (пограничные смыслы общенародного и юридического дискурсов).

3.3. Системный семасиологический анализ статьи 152. «Защита чести, достоинства, деловой репутации» ГК РФ и текста 1-го раздела Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области

Системный семасиологический анализ юридического текста предполагает в рамках концепции исследования рассмотрение его лексического состава в диапазоне «общенародное слово – юридический термин», и на этой основе моделирование процесса формирования терминосистемы, представляющей собой

соответствующую лексическую отрасль юридического языка, с целью верификации анализа, выявления степени его универсальности. Материалом изучения выступают тексты федеральных и региональных законодательных актов. Проведен комплекс объективных исследовательских процедур, который направлен на наблюдение за современным языковым статусом всех лексем текста закона и на описание компонентного состава семантического поля синонимических рядов.

Тематика статей связана с центральными категориями диссертации «честь», «достоинство», «деловая репутация», «доброе имя», контекстуальная реализация которых была более подробно рассмотрена в главе 2 настоящей работы*.

152 статья Гражданского кодекса Российской Федерации

«Защита чести, достоинства и деловой репутации»

Лексический массив рассматриваемого текста состоит из следующих разрядов лексем и словосочетаний:

Служебные слова: «в», «по», «о», «и/или», «если», «от», «на», «с», «также», «тоже»;

Местоименные слова: «его», «другим», «этим», «их», «иных», «таких»;

Предикативные комплексы и связи с элементами юридического содержания: «вправе требовать», «не докажет», «соответствовать действительности / не соответствовать действительности», «распространять порочащие сведения», «должны быть опровергнуты», «иметь право требовать опровергнуть порочащие сведения», «опубликовать свой ответ», «устанавливается судом порядок опровержения сведений», «не освобождает от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие», «вправе обратиться в суд», «заявление о признании распространённых сведений не соответствующими действительности», «вправе требовать возмещения убытков и

* См. главу 2, с. 49-71.

компенсации морального вреда», «правила могут быть применены судом», «доказать несоответствие указанных сведений действительности», «правила статьи применяются к защите деловой репутации юридического лица», «должны быть опровергнуты в средствах массовой информации», «оказались доступными в сети «Интернет», «обязанность совершить действие»;

Модальные слова и связки общенародного употребления:

«используемые», «порочащие», «распространивший», «указанные», «соответствующие», «исходящие», «изготовленных», «содержащие», «оказались», «обеспечивающим»; «действительность», «удаление»;

Околоюридические лексемы: «защита», «честь», «достоинство»,

«деловая репутация», «сведения», «опровержение», «информация», «пресечение», «средства массовой информации»;

Предтерминологические лексемы и словосочетания (эту группу составляют лексемы, представленные в юридической литературе, но не нашедшие в ней однозначного определения): «гражданин», «юридическое лицо», «порочащие сведения», «порядок опровержения сведений»;

Собственно юридические лексемы и словосочетания: «суд», «судебное решение», «гражданский оборот», «действие, предусмотренное решением суда», «возмещение убытков», «компенсация морального вреда», «срок исковой давности», «правила пунктов настоящей статьи»;

Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика): «Гражданский кодекс», «редакция Федерального закона от 02.07. 2013 № 142-ФЗ» и др.

Лингвистический комментарий:

Задействованный в тексте статьи лексический континуум соответствует нормам современного русского языка с учётом функционально-стилистических особенностей законодательного текста, а именно: соблюдается стилистическая нейтральность терминов; в тексте нет просторечных слов, жаргонизмов, отсутствуют метафоры, сравнения, эпитеты и иные образные средства; не

используются термины-аббревиатуры, неизвестные носителям русского языка; неоправданно сложных терминологических структур нет.

Хронотопом настоящей статьи 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» является её расположение в главе 8. «Нематериальные блага и их защита», входящей в «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ. Её цель – регулирование гражданских правоотношений, осуществление гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав и их судебной защиты.

Понятия честь, достоинство, деловая репутация, доброе имя, составляющие содержание соответствующих терминов, традиционно рассматриваются как морально-этические качества личности, присущие каждому человеку, охраняемые и защищаемые государством. Отсутствие чётких определений и различий, а также их недотерминологизированные значения, общенародные смыслы нередко становятся предметом спорных толкований, интерпретаций.

«Стать юридическим термином в контексте закона оказывается не так легко и это удаётся не каждому слову общенародного языка. Одними из таких «предтерминов» являются слова, входящие в синонимический комплекс рассматриваемой нами законодательной статьи «защита чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени» [Голев, Иркова, 2019, с. 426].

В контексте наивной этики эти понятия описаны в исследованиях Московской семантической школы интегрального описания языка [Апресян, 2004; Санников, 2006]. В настоящей работе мы опираемся на существующие результаты в области рассмотрения синонимов и привлекаем к анализу признакового состава семантической структуры названных слов семы, извлекаемые из контекстов различных дискурсивных практик Национального корпуса русского языка.

Предъюридические и юридические смыслы «застывшей диахронии» юридикации синонимов «честь, достоинство, деловая репутация, доброе имя»

Лексемы «честь», «достоинство», «деловая репутация», «доброе имя», по справедливому замечанию А. В. Санникова, относятся к лексике, «описывающей общественное мнение о человеке, включают в ситуацию социальную роль обладателя» [Санников, 2006, с. 410]. Общие моменты в их семантике связаны с атрибутивными признаками, присущими словам престиж, имидж, репутация, честь, достоинство, имя (доброе), слава (дурная), реноме (нетрудно заметить синонимический и антонимический принцип организации данного ряда неопределенных лексем и его диффузность).

К атрибутивным признакам названных лексем А. В. Санников [Санников, 2006, с. 411] относит:

1. приписывание понятий человеку как личности, включенной в ту или иную социальную роль в обществе, а не как исключительной, индивидуальной особенности. Как указывает А. В. Санников, «все эти слова двухактантны: кроме валентности субъекта (обладателя) они управляют валентностью социальной роли» [Там же];

2. соотнесение и соответствие человека как обладателя этих качеств с его жизнью, поступками, сказанными словами;

3. способность влиять на эти качества со стороны их обладателя, а также со стороны других людей. У них есть специальный словарь причинения вреда и ущерба этим атрибутам, некоторые слова из него также попадают в юридический дискурс (см., например, оскорбление).

К смысловым признакам, по которым эти синонимы различаются, относятся следующие:

1. способность выражать оценку по умолчанию и тип оценки (общая, положительная или отрицательная оценка, самооценка). Например, (доброе) имя всегда выражает положительную оценку);

2. «тип оцениваемого объекта (репутация может быть у человека и организации; имя – преимущественно у человека; слава – у человека, организации или любого места, посещаемого людьми);

3. аспект, по которому объект оценивается (имя употребляется, прежде всего, когда речь идет о профессиональных качествах человека)» [Там же].

Лексема «достоинство» актуализирует такие смысловые комплексы, как «нематериальное благо человека»; «принадлежность гражданину от рождения или в силу закона»; «неотчуждаемость и непередаваемость иным способом»; «критерий отношения государства к личности»; «правовой статус личности»; «охраняется государством» (юридические дискурсы); «высшая социальная ценность»; самооценка собственных качеств и способностей»; «уважение и самоуважение человеческой личности»; «определенное поведение, чтобы эта самооценка не стала ниже»; «осознание собственной высокой ценности как личности или как члена социальной группы других людей» (художественные дискурсы, публицистические дискурсы, юридические дискурсы и др.).

В свою очередь значение лексемы «честь» сохраняет книжную стилистику и открывается следующими смысловыми признаками: «нематериальное благо человека»; «общественная оценка личности»; «мера духовных и социальных качеств гражданина»; «личность»; «достоинство» («личное», «профессиональное», «военное» и т.п.); «принадлежность от рождения»; «нередаваемое» (юридические дискурсы); «честное имя»; «почет»; «уважение»; «сознание себя членом социальной группы других людей»; «репутация»; «доброе имя»; «соблюдение определённых, принятых той или иной социальной группой морально-этических правил»; «соответствие поведения правилам, чтобы самооценка человека или его оценка со стороны других людей этого социума не стала ниже» (публицистические дискурсы, художественные дискурсы, поэтические дискурсы и т.п.).

Смыслы словосочетания «деловая репутация» раскрываются таким признаковым составом, как «нематериальное благо»; «устоявшаяся общая оценка различной деятельности человека или организации»; «профессиональный, социальный и моральный аспект реализации различной деятельности человека»; «оценка со стороны группы лиц»; «гражданин, занимающийся

предпринимательской деятельностью»; «юридическое лицо»; «коммерческая и некоммерческая организация»; «государственные и муниципальные предприятия», «учреждения» (юридические, публицистические, художественные дискурсы).

Словосочетание «доброе имя» обладает наиболее широким спектром лингвокультурных, символических значений, поскольку невозможно, задев честь, достоинство или деловую репутацию, не коснуться так или иначе доброго имени человека. Признаковый состав атрибутивного словосочетания «доброе имени» включает в себя семы «нематериальное благо», «человек», «организация», «принадлежит гражданину от рождения или в силу закона», «неотчуждаемо», «непередаваемо другим лицам» (юридические дискурсы); «личность», «достоинство», «честь», «честное имя», «доброе дело», «правильное дело» (художественные, публицистические, поэтические, юридические дискурсы).

Атрибутивный комплекс слов «доброе имя» предполагает, преимущественно, «положительную оценку людей», при чём оцениваются их «профессиональные» и «моральные качества», «нравственная сторона того или иного действия или дела» (интернет-дискурс, юридический, публицистический, художественный дискурсы).

«Так, результатом поступательного движения семантики названных лексем в сторону их становления юридическими терминами являются смысловые комплексы «застывшей диахронии» развития юридического содержания этих слов, закреплённые в соответствующих словарях. Юридический смысл, как и другие смыслы слова, формируется в потоке различных дискурсов» [Голев, Иркова, 2020, с. 25].

Раздел 1. «Порядок использования изображений и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области, а также слов, производных от них» Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области (от 10 марта 2010 г. № 101)

Процесс юридизации лексем «честь», «достоинство» раскрывается также и в региональных законодательных актах. Так, сплошному анализу были подвергнуты название и раздел 1. «Общие положения» Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области «Порядок использования изображений и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области, а также слов, производных от них» [URL: <http://docs.cntd.ru/document/990309924>].

Лексический массив статьи представлен разнородными словами и словосочетаниями общенародного и юридического языков, а именно:

Служебные слова: «а», «во», «либо», «об», «в», «по», «о», «и/или», «и», «также», «не», «с».

Местоименные слова: «его», «них»;

Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания: «разработан во исполнение Закона Кемеровской области»; «не распространяется»; «в целях урегулирования использования»; «не допускается использование»; «не отвечающий настоящему Порядку»; «нарушающие права человека»; «затрагивающие»; «противоречащие государственным или общественным интересам»; «оскорбляющие национальные и религиозные чувства граждан»; «способные нанести ущерб репутации органов государственной власти Кемеровской области»; «оскорбляющие патриотические чувства жителей Кемеровской области»; «нарушение настоящего Порядка влечет административную ответственность»;

Слова и связки общенародного употребления: «способные», «настоящий», «использование», «наименование», «архитектурно-исторические сооружения»; «художественное оформление»; «праздничные»; «памятные» и т.д.

Околоюридические лексемы: «честь»; «достоинство»; «репутация»;

Предтерминологические лексемы и словосочетания (эту группу составляют лексемы, представленные в юридической литературе, но не

нашедшие в ней однозначного определения): «граждане», «административный порядок»; «исполнение»; «права»;

Собственно юридические лексемы и словосочетания: «исполнительная власть», «правонарушения», «нарушение», «государственные органы»;

Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика): «Постановление»; «Администрация»; «закон»; «закона» и др.

Лингвистический комментарий:

Задействованный в тексте статьи лексический континуум соответствует нормам современного русского языка с учётом функционально-стилистических особенностей законодательного текста, а именно: соблюдается стилистическая нейтральность терминов; в тексте нет просторечных слов, жаргонизмов, отсутствуют метафоры, сравнения, эпитеты и иные образные средства; не используются термины-аббревиатуры, неизвестные носителям русского языка; неоправданно сложных терминологических структур нет.

Необходимо отметить, что **хронотоп** существования этого раздела связан с выходом Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области от 10 марта 2010 г. № 101, частью которого он является. Раздел «Общие положения» занимает в структуре Постановления первое место после заглавия, следовательно, задаёт его тематику. Цель – регламентировать использование образов и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области, а также слов, производных от них. Как и в приведенной выше статье 152 ГК РФ «пульсирующей точкой» соприкосновения юридического и общенародного языков является предтерминологическая лексика.

Лексемы «честь» и «достоинство» встречаются в подразделе 1.3. В нём даётся детальное описание ситуаций, при которых не допускается использование названных изображений и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области, а именно: в интерпретированном виде, не отвечающем настоящему Порядку; в

сочетании с изображением и текстом, нарушающими права человека, затрагивающими его честь и достоинство, а также противоречащими государственным или общественным интересам и оскорбляющими национальные и религиозные чувства граждан; на предметах, способных нанести ущерб репутации органов государственной власти Кемеровской области либо оскорбляющих патриотические чувства жителей Кемеровской области. Семантика слов «честь», «достоинство» сохраняет в этом тексте дискурсивные характеристики своего предшествующего функционирования как в общенародных дискурсах, так и в специальных, и в сугубо юридических.

Вместе с тем нельзя не отметить, что названные лексемы входят в новый контекст, а именно: *«Не допускается использование изображений и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области: в интерпретированном виде, не отвечающем настоящему Порядку; в сочетании с изображением и текстом, нарушающими права человека, затрагивающими его честь и достоинство...»* [URL: <http://docs.cntd.ru/document/990309924>]. В контексте реализуется смысл возможного нанесения ущерба репутации органов государственной власти Кемеровской области либо оскорбляющих патриотические чувства жителей Кемеровской области.

Лексема «достоинство» актуализирует такие смысловые комплексы, как «нематериальное благо человека»; «принадлежность гражданину от рождения или в силу закона»; «неотчуждаемость и непередаваемость иным способом»; «критерий отношения государства к личности»; «правовой статус личности»; «охраняется государством» (юридические дискурсы); «высшая социальная ценность»; самооценка собственных качеств и способностей»; «уважение и самоуважение человеческой личности»; «определенное поведение, чтобы эта самооценка не стала ниже»; «осознание собственной высокой ценности как личности или как члена социальной группы других людей» (художественные дискурсы, публицистические дискурсы, юридические дискурсы и др.).

В свою очередь смысловое наполнение лексемы «честь» и в региональном законодательном акте формирует книжную стилистику и открывается следующими смысловыми признаками: «нематериальное благо человека»; «общественная оценка личности»; «мера духовных и социальных качеств гражданина»; «личность»; «достоинство» («личное», «профессиональное», «военное» и т.п.); «принадлежность от рождения»; «непередаваемое» (юридические дискурсы); «честное имя»; «почет»; «уважение»; «сознание себя членом социальной группы других людей»; «репутация»; «доброе имя»; «соблюдение определённых, принятых той или иной социальной группой морально-этических правил»; «соответствие поведения правилам, чтобы самооценка человека или его оценка со стороны других людей этого социума не стала ниже» (публицистические дискурсы, художественные дискурсы, поэтические дискурсы и т.п.).

При этом дополнительными смыслами оказываются семы «использование», «изображений и (или) наименований», «архитектурно-исторических символов», «Кемеровской области», «репутация жителей Кемеровской области».

Таким образом, проанализировав федеральные и региональные законодательные акты, можно сделать вывод о том, что синонимический комплекс слов «честь, достоинство, деловая репутация, доброе имя» связан с охраной и защитой нематериальных благ человеческой личности каждого гражданина Российской Федерации, что явлено в статье 152 ГК РФ. В свою очередь лексемы «честь» и «достоинство» как права человека в рамках Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области связаны с использованием изображений и (или) наименований архитектурно-исторических и словесных символов Кемеровской области в интерпретированном виде.

3.4. Системный семасиологический анализ текста статьи 32. «Заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов» ЛК РФ

Системный семасиологический анализ юридического текста предполагает в рамках концепции исследования рассмотрение его лексического состава в диапазоне «общенародное слово – юридический термин», и на этой основе моделирование процесса формирования терминосистемы, представляющей собой соответствующую лексическую отрасль юридического языка, с целью верификации анализа, выявления степени его универсальности.

Материалом изучения выступает текст статьи 32 ЛК РФ «Заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов». Проведен комплекс объективных исследовательских процедур, который направлен на наблюдение за современным языковым статусом всех лексем текста закона и на описание компонентного состава семантического поля лексемы «валежник».

Лексический массив данного текста представлен следующим образом:

Служебные слова: «и»; «от»; «на»; «с»; «в»; «для»; «из»; «к»; «или»; «и (или)»; «без»;

Местоименные слова: «других», «другие», «которых», «им»;

Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания: «осуществляются в соответствии с настоящим Кодексом»; «осуществляющие заготовку и сбор недревесных лесных ресурсов»; «вправе возводить навесы и другие некапитальные строения»; «на предоставленных им лесных участках»; «осуществляют заготовку и сбор недревесных лесных ресурсов на основании договоров аренды лесных участков»; «осуществляют заготовку и сбор недревесных лесных ресурсов на основании договоров аренды лесных участков»; «допускается осуществление заготовки елей и (или) деревьев других хвойных пород»;

Слова и связки общенародного употребления: «соответствующих лесных ресурсов из леса»; «пни»; «береста»; «кора деревьев и кустарников»;

«хворост»; «веточный корм»; «еловая»; «пихтовая»; «сосновая»; «ели или деревья других хвойных пород для новогодних праздников»; «мох»; «лесная подстилка»; «камыш»; «тростник и подобные лесные ресурсы»;

Околоюридические лексемы: «изъятие»; «хранение»; «вывоз»;

Предтерминологические лексемы и словосочетания (эту группу составляют лексемы, представленные в юридической литературе, но не нашедшие в ней однозначного определения): «граждане»; «юридические лица»; «аренда»; «предпринимательская деятельность»;

Собственно юридические лексемы и словосочетания: «кодекс»; «договоры»; «субъекты»; «купля-продажа»;

Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика): «Российская Федерация»; «Лесной Кодекс»; «ФЗ»; «ЛК»; «РФ»; «Статья»; «ФЗ».

Лингвистический комментарий:

«Задействованный в тексте статьи лексический континуум соответствует нормам современного русского языка с учётом функционально-стилистических особенностей законодательного текста, а именно: соблюдается стилистическая нейтральность терминов; в тексте нет просторечных слов, жаргонизмов, отсутствуют метафоры, сравнения, эпитеты и иные образные средства; не используются термины-аббревиатуры, неизвестные носителям русского языка; неоправданно сложных терминологических структур нет» [Иркова, 2020, с. 243].

«**Хронотопом** статьи 32 является её расположение в ЛК РФ Главе 2. «Использование лесов» ("Лесной кодекс Российской Федерации" от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Федеральным законом от 18.04.2018 N 77-ФЗ "О внесении изменения в статью 32 Лесного кодекса Российской Федерации" часть 2 статьи 32 Лесного кодекса дополняется понятиями «валежник» и «древесная зелень», что дает возможность их заготовки и сбора как недревесного лесного ресурса гражданами для собственных нужд. **Цель** статьи определяется правилами заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов, устанавливаемыми уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. **Тематика**

статьи связана с отношениями в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, лесоразведения (лесные отношения), которые регулируются Лесным законодательством» [Иркова, 2020, с. 243].

Неоднократно была подчеркнута резонансность этого закона, поскольку в тексте статьи и в комментариях к ней отсутствует однозначное определение валежника: «...закон не содержит понятия «валежник», и его отсутствие может создать сложности в правоприменительной практике, об этом говорили при принятии этого документа в Совете Федерации» [URL: <https://www.pnp.ru/social/chto-takoe-valezchnik-yuristy-utochnyayut-slovari>].

Эти статьи значимы в рамках исследования в силу того, что в 32 статье ЛК РФ фигурирует недавно появившееся в ней диалектное слово «валежник». В связи с чем возникают два логичных вопроса: каков онтологический статус этого слова, является ли оно общенародным, так как корнями уходит в диалектный язык, или же является отраслевым термином лесного законодательства.

Общенародные смыслы лексемы «валежник».

Описанные семантические грани раскрываются многообразием общенародных смыслов лексемы «преследование», которые выражаются в функционировании этого слова в различных контекстах газетных, поэтических, прозаических дискурсов (см. контексты **лексикографического дискурса**: из «Вершининского диалектного словаря» [Вершининский словарь, 2002, с. 315], в котором дано не только определение *ВАЛЕЖНИКА*, но и однокоренной с ним лексемы «валёжина»: «**Валёжник**», а, или у, м. ВАЛЕЖНИК. – “Собир. Сухие деревья и сучья, упавшие на землю”. Контекст – «Сводится, так бурелом называются, валежник, если сломило; Валежник – нападает осина, вот такие лежат осины, непогода – валятся сами; Колодник – старый валежник гниёт. ДО 13 / ОЗ.»; «**Валёжина**», ы, ж. – “Дерево, срубленное или упавшее на землю”. Контекст: «Упала, лежит валежина; Кругляш лесина, а упал – валежина»;

«Валёжник – лежащие на земле деревья или их части. Валежник образуется при естественном отмирании дерева, ветровале, буреломе, навале

снега, неполной уборке порубочных остатков и др. Накопление Валежника в лесу значительно понижает санитарное состояние древостоя, увеличивает пожарную опасность и создаёт условия для размножения вредных насекомых и грибов. Поэтому Валежник следует убирать из насаждений. Древесина Валежника по качеству ниже древесины свежесрубленных деревьев. Из свежего Валежника заготавливают деловую древесину; мелкие части пережигают в уголь, используют на дрова» (Толковый словарь живого великорусского языка); «Валежник -а (-у), м., – собир. «Сухие деревья и сучья, упавшие на землю» (Малый академический словарь);

- контексты современного газетного дискурса: «Однако тушение пожаров в их обязанности не входит. – Арендаторы должны делать противопожарные полосы в лесах, убирать сухой валежник. Оборудовать водоемы. У них должна быть тяжелая техника, которую можно использовать для тушения огня, – поясняет Филимохина» (Герман Петелин. Льву Лещенко припомнили лесной пожар // Известия, 2011.09.01); «Углубляемся дальше – выше нормы уже в 8 раз. Всюду в лесу сухой валежник, земля завалена многолетней опавшей хвоей. И при этом пропитана радиоактивными соединениями радия и цезия. Ханаев называет еще одну, не очевидную на первый взгляд причину лесных пожаров – это разруха в сельском хозяйстве» (Дмитрий Иванов, Брянская Область. Брянские леса никто не охраняет // Труд-7, 2010.08.18); «Они и сейчас хороши. Так прорубался, задыхаясь, спотыкаясь, проваливаясь в трясины, сквозь чащобу замшелых и иссохших, как валежник, слов к той заветной опушке, где растут слова крепкие и чистые, как подберезовики...» (Евтушенко Евгений. 'В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО' // Труд-7, 2003.02.13); «Несколько утешает пожарных, правда, что на Пасху ожидается снег. КСТАТИ Сухая травка и валежник – отличная «затравка» для пожара. Прошлым летом душистые травы вытянулись до 2 метров и легли затем под снегом, образовав «подстилочный» слой. Со дня на день его начнут повсеместно и бесконтрольно поджигать не

только крестьяне, но и дачники, ребяташки» (Андрей РОДКИН. Красный петух нацелился на Подмоскowie // Комсомольская правда, 2002.04.22);

- контексты **поэтического дискурса**, которые актуализируют концептный слой содержания слова «валежник»: *«Нагроможденьем пней, колод / Лежит валежник. / В воде и холоде болот / Цветет подснежник»* (Б. Л. Пастернак. За поворотом (1958)); *«Хрустит под сапогом валежник: / «Еще недавно здесь был куст. / В моей душе – ведь я элeжник! – / Отдался грустью этот хруст»* (И. Северянин. Любят только душой (1928)); *«Уже надвинулась зима, / Колючей стужей веет, / Ей нипочем румяный плод / И пестрых листьев веер. / Умолкла песнь, молчит певец, / Трещит сухой валежник. / Рождественские бубенцы / Поют о доле прежней»* (О. Э. Мандельштам. Военная песня (1925)); *«Валите валежник. / Не полнитесь, / «Лейте бензин, – золотом затопить / Последнюю царскую ставку – поленницу / Дров, огневеющих ночью в степи»* (М. А. Зенкевич. Царская ставка (1916-1924));

- контексты **прозаического дискурса**: *«Кроме того, что мы вместе купались в озере, я считал, что никто ничего не знает. Вскоре валежник затрещал под ногами проводника, и он вышел на тропу с веткой лавровишни, густо усеянной гроздьями ягод. – Покушай, – сказал он, – лавровишня успокаивает. Он с таким видом протянул ей эту ветку, как будто вручил перо жар-птицы, добытое в тяжёлом бою»* (Фазиль Искандер. Случай в горах (1980-1990)). В многообразных контекстах общенародных дискурсивных практик лексема «валежник» раскрывает семантику своей принадлежности к природному миру, обозначая конкретную реалию «сухие деревья и сучья, упавшие на землю».

Специальные смыслы лексемы «валежник».

Определение значения лексемы «валежник» содержится в Правилах заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов, утвержденных Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 16 июля 2018 г. № 325 «Об утверждении Правил заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов» (далее – Правила) [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/].

В соответствии с п. 17 Правил, «при заготовке валежника осуществляется сбор лежащих на поверхности земли остатков стволов деревьев, сучьев, не являющихся порубочными остатками в местах проведения лесосечных работ, и (или) образовавшихся вследствие естественного отмирания деревьев, при их повреждении вредными организмами, буреломе, снеговале» [Там же]. В настоящем контексте природная семантика слова «валежник» детализируется пространством своего расположения (поверхность земли), конкретизируется сама реалья мира природы (валежника как остатки стволов, сучьев, не являющихся порубочными остатками в местах проведения лесосечных работ), а также подчеркивается естественность отмирания деревьев, связанная в повреждениями вредными организмами или же явлениями природной стихии (бурелом, снеговал).

Если же обращаться к отраслевому значению лексемы «валежник», то можно найти следующее его определение: «3.2.61 Валежник – стволы отмерших деревьев или их части, лежащие на земле» [URL: https://allgosts.ru/01/040/gost_18486-87]. Представленная дефиниция также описывает само понятие, закрепленное за лесоводческим термином «валежник», и его сущностные характеристики.

«Таким образом, исходя из анализа федерального законодательного акта, посвященного особенностям заготовки сбора недревесных лесных ресурсов, значимо отметить, что диалектное по своему происхождению слово «валежник», попадая в контекст юридического текста, является помехой для реализации правильной правовой коммуникации, так как реализует в тексте свою семантическую неопределенность. Лексема «валежник» актуализирует следующие смысловые признаки: «Сухие деревья»; «сучья, упавшие на землю» (лексикографические дискурсы, диалектные смыслы); «сухая трава»; «лежащая на земле» (поэтические, прозаические, газетные дискурсы); «Стволы отмерших деревьев или их части», «лежащие на земле» (специальные дискурсы)» [Иркова, 2020, с. 246].

3.5. Количественные представления результатов исследования

Системный семасиологический анализ юридического текста включает в себя описание количественных представлений результатов исследования, связанных с принципами построения таблиц и диаграмм, репрезентирующих эти данные. При актуализации метода количественного подсчета всех лексем, входящих в тот или иной текст законодательной статьи, использовались элементы компьютерной программы *Стемминг текста online* [URL: <https://gsgen.ru/tools/dlina-seo-text/>]. Полученные данные были помещены в таблицы с двумя колонками «слова» и «статистика» для каждого из пяти анализируемых законодательных текстов.

Далее был произведен подсчёт лексем для каждого разряда классификации слов по типам их юридизированности – от общенародных до сугубо юридических, а также было подсчитано процентное соотношение к общему количеству слов, использованных в тексте. Все лексемы были сгруппированы в «*Лексемо-словарную статистику*» (подсчёт общего количества слов без повторов) и «*Лексемо-текстовую статистику*» (подсчёт общего количества слов с учётом повторов), которые в тексте диссертационного сочинения представлены в виде рисунков с легендами, описывающими группы слов по признаку их юридизированности. Завершающим принципом построения диаграмм является интерпретация количественных результатов исследования.

Текст 1.

Статья 131 Уголовного кодекса Российской Федерации «ИЗНАСИЛОВАНИЕ».

В общем виде гетерогенное содержание лексики ст. 131 УК РФ (Изнасилование) представлено в Таблице 1 и в Таблице 2.

Таблица 1 – Лексемо-словарная статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	23	16%
Местоименные слова	24	17%
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	37	26%
Слова и связки общенародного употребления	3	2%
Околоюридические лексемы	9	6%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	8	6%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	28	19%
Термины из других сфер	6	4%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	6	4%
итого	144	100%

Таблица 2 – Лексемо-текстовая статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	97	30%
Местоименные слова	41	13%
Предикативные комплексы и связки с элементами	76	24%

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	97	30%
юридического содержания		
Слова и связки общенародного употребления	5	2%
Околоюридические лексемы	11	3%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	14	4%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	66	20%
Термины из других сфер	6	2%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	7	2%
Итого	323	100%

При построении Таблицы 3, связанной с количественным подсчётом лексем, учитывалась частота текстуальной встречаемости каждого слова в тексте закона.

Таблица 3 – Лексико-квантитативный подсчёт встречаемости лексем в тексте закона

Слова	Статистика	Слова	Статистика	Слова	Статистика	Слова	Статистика
с	12	кодекс	1	состоянии	1	десяти	1
или	11	либо	3	причинение	1	её	1
на	11	а)	3	причинением	1	ВИЧ-инфекцией	1
срок	11	группой	3	вреда	2	ные	1
до	11	б)	3	здоровью	2	последствия	1
лет	11	тяжкие	1	а	2	восемь	1
лишением свободы	9	тяжкого	2	отношению	1	смерть	1
от	8	также	3	отношении	1	четырнадцать летнего	1
потерпевшей	7	повлекшее	3	заражение	2	двенадцати	1
лицам	2	ограничением	3	несовершеннолет него	1	имеющим судимость	1
лиц	2	двух	3	несовершеннолетней	1	за	1
лицом	1	без	3	неосторожности	2	ранее	1
лицо	1	такового	3	пятнадцати	2	против	1
лица	4	права	3	достигшей	1	неприкосновенности	1
статья	1	должности	3	Деяние	1	пожизненным	1
статьи	5	деятельностью	3	достигшего	1	Примечание	2
занимать	3	не	3	деяния	1	относятся	1
заниматься	3	возраста	3	Уголовный	1	подпадающие	1
определенные	3	предусмотренное	1	Российской Федерации	1	под	1
определенной	3	предусмотренных	1	ФЗ	2	признаки	1
Изнасилование	5	предусмотренным	1	УК	1	третьей	1
к	4	пунктом	3	РФ	1	пятой	1
К	1	преступление	1	сношение	1	второй	1
наказывается	5	преступлений	1	насилия	1	двенадцатилетнего	1
совершенное	4	преступлениям	1	его	1	поскольку	1
совершенные	1	в	4	использованием	1	такое	1
двадцати	5	то есть	2	трех	1	силу	1
частями	2	половой	1	шести	1	находится	1
части	3	половое	1	предварительном у	1	может	1
по	4	применением	1	сговору	1	понимать	1
и	4	применения	1	организованной	1	характер	1
настоящей	2	угрозой	2	соединенное	1	значение	1
четвертой	4	другим	2	убийством	1	совершаемых	1
настоящего	2	беспомощного	1	жестокостью	1	ним	1
Кодекса	2	беспомощном	1	венерическим заболеванием	1	действий	1
Федеральным законом	1	состояния	1	четырёх	1	введено	1

Ниже приведены диаграммы (Рисунок 1 и Рисунок 2) с легендами, описывающими частоту встречаемости групп слов по признаку их «юридизированности». В центре обозначено общее количество слов для каждой из представленных статистик.

Рисунок 1 – Лексеμο-словарная статистика

Рисунок 2 – Лексеμο-текстовая статистика

Интерпретация количественных данных.

Анализ лексико-квантитативных данных в направлении каждого разряда классификации слов по типам их юридизированности – от общенародных до сугубо юридических, а также подсчет их процентного соотношения к общему количеству слов, использованных в тексте закона, показывает следующие закономерности:

1) на уровне *«Лексемо-словарной статистики»* при подсчете общего количества слов без повторов доминирующей группой слов являются «Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания» (26%), далее располагаются «Собственно юридические лексемы и словосочетания» (19%), «Местоименные слова» (17%) и т.д.;

2) на уровне *«Лексемо-текстовой статистики»* при подсчёте общего количества слов с учётом повторов наиболее частотно встречаются слова, входящие в группу «Служебные слова» (30%), далее представлена по частоте употребления группа слов «Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания» (24 %) и т.д.

2 текст.

Статья 3 законопроекта Российской Федерации

«О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ»

В общем виде гетерогенное содержание лексики ст. 3 законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» представлено в Таблице 4 и в Таблице 5.

Таблица 4 – Лексемо-словарная статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	27	7%
Местоименные слова	30	8%

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	27	7%
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	119	31%
Слова и связки общенародного употребления	52	14%
Околоюридические лексемы	48	13%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	45	12%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	59	15%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	3	1%
Итого	383	100%

Таблица 5 – Лексемотекстовая статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	149	23%
Местоименные слова	48	7%
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	152	23%
Слова и связки общенародного употребления	67	10%
Околоюридические лексемы	60	9%

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	149	23%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	72	12%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	99	15%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	5	1%
Итого	652	100%

При построении Таблицы 6, связанной с количественным подсчётом лексем, учитывалась частота текстуальной встречаемости каждого слова в тексте закона.

Таблица 6 – Лексико-квантитативный подсчёт встречаемости лексем в тексте закона

Слова	Статистика	Слова	Статистика	Слова	Статистика	Слова	Статистика
и	24	том	4	несовершеннолетним	4	правонарушений	1
насилием	2	Федеральном законе	2	членов	1	аморальному	1
насилия	1	Федеральный закон	1	члена	1	поведению	1
насилие	7	основных	1	семьи	2	представляющим	1
насилия	9	основные	2	вызывающие	2	опасность	1
или	18	имущественного	1	нарушителем	1	жизни	1
семейно-бытового	7	имущественный	2	нарушитель	1	нарушению	1
семейно-бытовым	2	деяние	3	осуществляющие	1	целостности	1
семейно-бытовые	1	человека	3	осуществляемых	1	удержание	1
Семейно-бытовые	1	причиняет	3	субъекты	1	посягающее	1
семейно-бытовых	2	боль	3	субъектами	1	неприкосновенность	1
семейно-бытовой	1	психологической	1	гражданина	2	характера	1
семейно-бытовое	3	психологическое	1	органы	2	лишение	1
в	16	психологического	1	защитное	2	пищи	1
В	1	шумом	1	предписание	2	одежды	1
пострадавшим	1	сопровождающиеся	1	определяет	2	лекарственных	1
пострадавший	2	ненатурной	1	судебный	1	препаратов	1
пострадавшего	11	бранью	1	судебное	1	медицинских	1
пострадавшему	1	сексуального	2	проживания	2	изделий	1
отношению	2	сексуальное	1	Статья	1	предметов	1
отношениям	1	экономических	1	используемые	1	первой	1
отношений	3	экономическое	1	используются	1	денежных	1
отношения	3	экономического	1	следующие	1	средств	1
отношениях	2	между	3	моральный	1	он	1
отношении	1	супругу	1	нарушены	1	имеет	1
а	12	супруга	2	действие	1	предусмотренное	1
физическому	2	проживающих	1	бездействие	1	причинение	1
физической	1	проживающими	1	одного	1	запрет	1
физического	1	проживавшими	1	других	1	создание	1
физическую	3	жилья	1	это	1	препятствий	1
физический	1	жилого	2	вносит	1	во	1
физическое	2	любые	2	нравственные	1	владении	1
лицами	3	любое	1	страдания	1	пользовании	1
лиц	4	силу	1	совершаться	1	содержать	1
лица	1	силы	2	форме	1	нетрудоспособных	1
лицо	2	психической	1	является	1	владении	1
также	10	психическому	2	реализация	1	тяжелому	1
и (или)	9	честь	1	оборону	1	вредному	1
его	9	чести	2	круг	1	труду	1
на	9	достоинство	1	отношения	1	подобные	1
иньми	1	достоинства	1	супруга	1	негативные	1
иньх	1	достоинству	1	имеющих	1	последствия	1
инье	3	угроз	3	ребенка	1	нарушитель	1
иной	1	принуждение	3	детей	1	совершившее	1
иное	2	для	3	пределах	1	комплекс	1
иного	1	уничтожением	1	индивидуального	1	правовых	1
либо	8	уничтожение	2	дома	1	социальных	1
к	8	повреждением	1	квартиры	1	организационных	1
умышленный	1	повреждение	2	помещения	1	конституционных	1
умышленные	1	половым	1	ведшими	1	оказание	1
умышленное	5	половую	2	ранее	2	социально-правовой	1
здоровья	2	числе	3	хозяйство	1	предупреждение	1
здоровье	2	меры	2	прекратившими	1	пресечение	1
здоровью	3	мер	1	наследственные	1	выявление	1
действиям	1	направленные	2	использование	1	устранение	1
действия	6	направленных	1	лишение	1	условий	1
законных	1	месту	1	понуждение	1	способствующих	1
законом	1	места	2	употреблен	1	их	1
законные	1	о	2	психо-активных	1	государственные	1
вреда	1	понятия	2	веществ	1	местного	1
вред	5	настоящем	2	другое	1	самоуправления	1
прав	1	интересов	1	попытки	1	организации	1
право	1	интересы	1	такого	1	граждане	1
права	4	другого	2	противоправный	1	выданный	1
профилактику	1	сфере	2	удовлетворении	1	органом	1
профилактики	2	если	2	потребностей	1	внутренних	1
профилактика	1	нарушающие	1	уходе	1	дел	1
Профилактике	1	нарушает	1	заботе	1	акт	1
причин	1	ему	2	личной	1	неоднократные	1
причинить	1	может	2	неспособного	1	угрожающие	1
причине	1	не	2	возраста	1	вопреки	1
причинившие	1	необходимости	1	болезни	1	воле	1
причинен	1	необходимую	1	инвалидности	1	выражающееся	1
свобод	1	находящихся	1	зависимости	1	в поиске	1
свободу	1	находящимися	1	себя	1	ведении	1
свободы	3	семейные	1	от	1	устных	1
родственников	1	семейных	1	что	1	телефонных	1
родственникам	2	свойства	2	привести	1	переговоров	1
родственниками	2	равно	2	смерти	1	вступлении	1
совместного	1	общим	1	нанести	1	контакт	1
совместное	1	общего	1	ущерб	1	через	1
защиты	3	ведущим	1	личностному	1	третьих	1
совместно	3	ведущими	1	развитию	1	способами	1
защиту	1	отказ	2	унижение	1	посещении	1
защитить	1	безопасность	1	путем	1	работы	1
имуществом	1	безопасности	1	оскорбления	1	учебы	1
имуществва	4	материальные	1	клеветы	1	случае	1
который	2	материальной	1	высказывания	1	находится	1
которые	1	личность	1	бывшим	1	у	1
которому	1	личности	1	своёвладельцам	1	него	1
совершению	2	преследование	2	знакомым	1	страх	1
совершения	1	документ	1	домашним	1	за	1
совершенное	1	документов	1	животным	1	свою	1
с	4	посредством	2	изъятие	1	дебошничество	1
по	4	шантажа	2	удостоверяющих	1	то есть	1
		несовершеннолетнего	1	преступлений	1	ним	1

Ниже приведены диаграммы (Рисунок 3 и Рисунок 4) с легендами, описывающими частоту встречаемости групп слов по признаку их «юридизированности». В центре обозначено общее количество слов для каждой из представленных статистик.

Рисунок 3 – Лексемо-словарная статистика

Рисунок 4 – Лексемо-текстовая статистика

Интерпретация количественных данных.

Анализ лексико-квантитативных данных в направлении каждого разряда классификации слов по типам их юридизированности – от общенародных до сугубо юридических, а также подсчет их процентного соотношения к общему количеству слов, использованных в тексте закона, показывает следующие закономерности:

1) на уровне *«Лексемо-словарной статистики»* при подсчёте общего количества слов без повторов доминирующей группой слов являются «Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания» (31%), далее располагаются «Собственно юридические лексемы и словосочетания» (15%) и т.д. ;

2) на уровне *«Лексемо-текстовой статистики»* при подсчёте общего количества слов с учетом повторов наиболее частотно встречаются слова, входящие в группу «Служебные слова» (23%), группа слов «Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания» (23%); далее представлена по частоте употребления группа слов «Собственно юридические лексемы и словосочетания» (15%) и т.д.

3 текст.

Статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации

«ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ».

В общем виде гетерогенное содержание лексики ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации) представлено в Таблице 7 и в Таблице 8.

Таблица 7 – Лексемо-словарная статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	21	10%
Местоименные слова	13	6%
Предикативные комплексы и	39	19%

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	21	10%
связки с элементами юридического содержания		
Слова и связки общенародного употребления	25	12%
Околоюридические лексемы	46	22%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	27	13%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	24	11%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	15	7%
итого	210	100%

Таблица 8 – Лексемотекстовая статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	92	21%
Местоименные слова	25	6%
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	62	14%
Слова и связки общенародного употребления	55	12%
Околоюридические лексемы	109	24%

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	21	10%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	55	12%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	33	7%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	16	4%
Итого	447	100%

При построении Таблицы 9, связанной с количественным подсчётом лексем, учитывалась частота текстуальной встречаемости каждого слова в тексте закона.

Таблица 9 – Лексико-квантитативный подсчёт встречаемости лексем в тексте закона

Слова	Статистика	Слова	Статистика	Слова	Статистика	Слова	Статистика
если	6	доведение	1	предыдущей	1	достоинство	2
гражданин	6	порядок	1	ред.	1	деловую	8
гражданский	2	пользователей	1	предъявляемы	1	репутацию	8
гражданина	9	возмещения	1	Федерации	1	деловой	4
гражданине	2	опубликованием	1	закон	1	репутации	4
Российской	1	один	1	морального	3	защите	2
Федеральный	1	срок	1	вреда	3	отношении	3
в	20	устанавливается	1	убытков	1	такой	2
по	3	защита	2	кодекс	1	опровергнуты	1
о	8	документе	1	оборот	1	тех	2
до	4	документ	1	текст	1	то	1
или	12	подлежит	1	редакции	1	ни	1
и	8	замене	1	закона	1	было	1
ни	1	отзыву	1	доступными	1	материальных	2
от	4	требовать	4	требовать	5	носителей	2
наряду	2	потребовать	1	обратиться	1	возмещения	1
с	5	без	2	были	1	суду	1
также	4	удаления	2	запрещение	1	решения	1
его	4	какой	1	дальнейшего	1	совершить	1
другим	1	невозможно	3	лицо	1	решением	1
этим	1	экземплов	2	связи	2	суда	1
их	1	уничтожения	2	случаям	1	суд	1
иных	1	целях	1	любых	1	заявлением	1
таких	4	введения	1	должны	1	применены	1
вправе	5	смерть	1	средствах	6	пунктов	1
не	2	мер (меры)	1	массовой	6	настоящей	3
действительности	2	неисполнение	1	сети	1	статьи	3
докажет	2	судебного	1	опровержение	2	нарушение	1
соответственно	1	обязанности	1	должно	1	ответственности	1
соответствующими	1	действие	1	сделано	1	право	1
соответствующей	3	могут	1	тем	1	имеет	1
соответствующих	3	Правила	2	же	3	лица	1
соответствуют	1	применение	1	образом	1	требованию	1
сведения	16	к	3	опровержением	2	заинтересованны	1
после	1	применяются	1	своего	2	лиц	1
распространивший	1	юридического	1	ответа	2	известны	1
распространившее	1	порочащие	6	довести	1	путем	1
распространения	3	указанные	2	всеобщего	1	изъятия	1
распространены	2	указанных	5	опровержения	1	случаях	2
распространенные	1	исходящем	1	компенсации	4	кроме	1
пресечение	1	изготовленных	1	год	1	часть	1
сведений	5	содержащих	1	со	1	первая	1
устранившее	1	оказались	1	дня	1	ФЗ	2
распространением	1	обеспечивающим	1	таких	4	ГК	1
быть	3	действительности	4	исковой	1	РФ	1
распространенных	1	действие	1	давности	1	статья	1
опровергнуты	1	удаление	1	требованиям	1	широко	1
информации	9	удаления	2	судом	1		
"Интернет"	1	судебное	1	чести	2		
опровержения	2	возмещение	1	достоинства	2		
опубликования	2	компенсация	4	содержатся	1		
исключением	2	решение	1	честь	8		
положений	2	несоответствие	1				

Ниже приведены диаграммы (Рисунок 5 и Рисунок 6) с легендами, описывающими частоту встречаемости групп слов по признаку их «юридизированности». В центре обозначено общее количество слов для каждой из представленных статистик.

Рисунок 5 – Лексеμο-словарная статистика

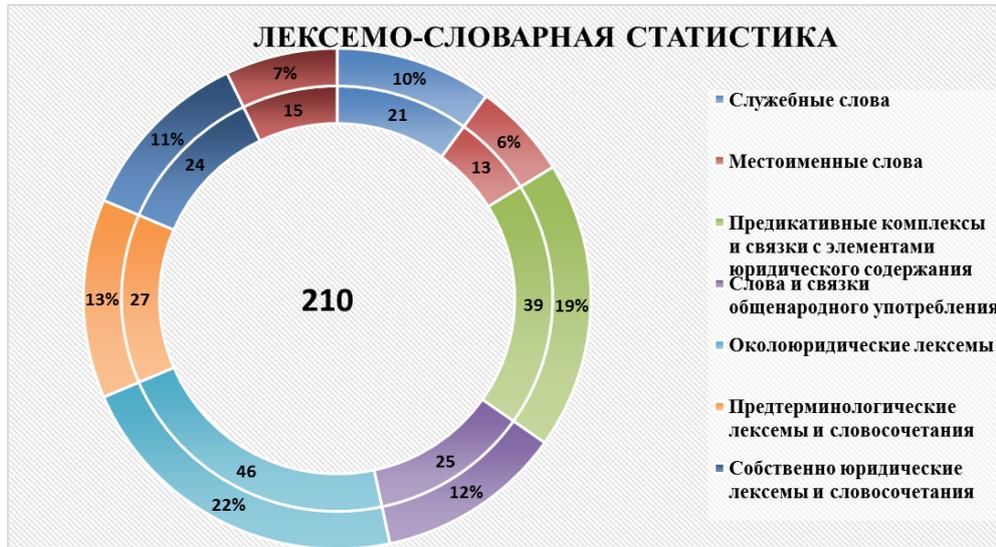

Рисунок 6 – Лексеμο-текстовая статистика

Интерпретация количественных данных.

Анализ лексико-квантитативных данных в направлении каждого разряда классификации слов по типам их юридизированности – от общенародных до сугубо юридических, а также подсчёт их процентного соотношения к общему

количеству слов, использованных в тексте закона, показывает следующие закономерности:

1) на уровне *«Лексемо-словарной статистики»* при подсчёте общего количества слов без повторов доминирующей группой слов являются «Околоюридические лексемы» (22%), далее располагаются «Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания» (19%) и т.д. ;

2) на уровне *«Лексемо-текстовой статистики»* при подсчёте общего количества слов с учетом повторов наиболее частотно встречаются слова, входящие в группу «Околоюридические лексемы» (24%), далее представлена по частоте употребления группа слов «Служебные слова» (21%) и т.д.

4 текст.

Пункт 1. «Общие положения» Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области

«Порядок использования изображений и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области, а также слов, производных от них».

В общем виде гетерогенное содержание лексики п.1. «Общие положения» Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области (Порядок использования изображений и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области, а также слов, производных от них) представлено в Таблице 10 и в Таблице 11.

Таблица 10 – Лексемо-словарная статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	13	13%
Местоименные слова	2	2%
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	16	16%
Слова и связки общенародного употребления	35	35%
Околоюридические лексемы	6	6%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	17	17%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	3	3%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	9	9%
Итого	101	100%

Таблица 11 – Лексемо-текстовая статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	47	24%
Местоименные слова	3	1%
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	17	8%
Слова и связки	61	31%

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	47	24%
Местоименные слова	3	1%
общенародного употребления		
Околоюридические лексемы	6	3%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	18	9%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	3	1%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	46	23%
Итого	201	100%

При построении Таблицы 12, связанной с количественным подсчётом лексем, учитывалась частота текстуальной встречаемости каждого слова в тексте закона.

Таблица 12 – Лексико-квантитативный подсчёт встречаемости лексем в тексте закона

Слова	Статистика	Слова	Статистика	Слова	Статистика	Слова	Статистика
в	6	производных	2	урегулирования	1	честь	1
и (или)	5	них	2	далее	1	достоинство	1
и	16	закона	1	архитектурно	1	противоречащими	1
наименований	4	законом	2	исторических	1	общественным	1
наименования	1	области	2	распространяется	1	интересам	1
словесных	5	с	2	местного	1	национальные	1
порядка	1	чувства	2	самоуправления	1	религиозные	1
архитектурно-исторических	4	административную	1	художественного	1	предметах	1
а	4	административных	1	оформления	1	способных	1
также	4	Кемеровской	18	праздничных	1	нанести	1
Настоящий	2	области	15	памятных	1	ущерб	1
настоящему	1	символов	10	событий	1	репутации	1
настоящего	1	доведение	1	областного	1	власти	1
не	3	порядок	1	значения	1	либо	1
государственными	1	изображений	4	допускается	1	патриотические	1
государственным	1	изображения	1	интерпретированном	1	жителей	1
государственной	1	изображением	1	виде	1	Нарушение	1
органами	2	утвержден	1	отвечающем	1	влечет	1
органом	1	В	1	сочетании	1	ответственность	1
постановлением	1	редакции	1	текстом	1	соответствии	1
Постановления	1	общие положения	1	нарушающими	1	Об	1
Коллегии	2	разработан	1	права	1	правонарушениях	1
Администрации	2	во	1	человека	1	на	2
слов	2	исполнение	1	затрагивающими	1	Порядку	1
символике	1	о	1	его	1		
		граждан	1				

Ниже приведены диаграммы (Рисунок 7 и Рисунок 8) с легендами, описывающими частоту встречаемости групп слов по признаку их «юридизированности». В центре обозначено общее количество слов для каждой из представленных статистик.

Рисунок 7 – Лексеμο-словарная статистика

Рисунок 8 – Лексеμο-текстовая статистика

Интерпретация количественных данных.

Анализ лексико-квантитативных данных в направлении каждого разряда классификации слов по типам их юридизированности – от общенародных до

сугубо юридических, а также подсчёт их процентного соотношения к общему количеству слов, использованных в тексте закона, показывает следующие закономерности:

1) на уровне *«Лексемо-словарной статистики»* при подсчёте общего количества слов без повторов доминирующей группой слов являются «Слова и связки общенародного употребления» (35%), далее располагаются «Предтерминологические лексемы и словосочетания» (17%) и т.д.;

2) на уровне *«Лексемо-текстовой статистики»* при подсчете общего количества слов с учетом повторов наиболее частотно встречаются слова, входящие в группу «Слова и связки общенародного употребления» (31%), далее представлена по частоте употребления группа слов «Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)» (23%) и т.д.

5 текст.

Статья 32 Лесного Кодекса Российской Федерации

«ЗАГОТОВКА И СБОР НЕДРЕВЕСНЫХ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ»

В общем виде гетерогенное содержание лексики ст. 32 ЛК РФ (Заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов) представлено в Таблице 13 и в Таблице 14.

Таблица 13 – Лексемо-словарная статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	13	11%
Местоименные слова	4	3%
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	20	17%
Слова и связки	46	39%

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов без учёта повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	13	11%
общенародного употребления		
Околоюридические лексемы	5	4%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	11	9%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	7	6%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	12	10%
Итого	118	100%

Таблица 14 – Лексемотекстовая статистика

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	34	19%
Местоименные слова	5	3%
Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания	21	12%
Слова и связки общенародного употребления	77	43%
Околоюридические лексемы	7	4%
Предтерминологические лексемы и словосочетания	13	7%
Собственно юридические лексемы и словосочетания	8	4%

Группы слов по степени юридизированности	Общее количество слов с учётом повторов	Процентное соотношение
Служебные слова	34	19%
Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика)	14	8%
Итого	179	100%

При построении Таблицы 15, связанной с количественным подсчётом лексем, учитывалась частота текстуальной встречаемости каждого слова в тексте закона.

Таблица 15 – Лексико-квантитативный подсчёт встречаемости лексем в тексте закона

Слова	Стати стика	Слова	Стати стика	Слова	Стати стика	Слова	Стати стика
лесных	10	осуществляются	1	предоставленных	1	корм	1
лесным	1	деревья	1	предоставления	1	еловая	1
лесная	1	деревьев	2	основании	2	пихтовая	1
лесные	1	других	2	договоров	2	сосновая	1
и	11	другие	1	Лесной Кодекс	1	лапы	1
ресурсов	6	Граждане	2	ФЗ	1	или	1
ресурсам	1	гражданами	1	ЛК	1	мох	1
ресурсы	1	юридические	2	РФ	1	постилка	1
заготовка	1	юридическими	1	Статья	1	камыш	1
Заготовка	2	лица	2	представляют	1	тростник	1
заготовки	2	лицами	1	собой	1	подобные	1
заготовку	2	на	3	предпринимательскую	1	ФЗ	2
сбор	5	участках	1	деятельность	1	вправе	1
от	6	участков	2	связанную	1	возводить	1
древесных	5	кодекс	1	изъятием	1	навесы	1
сбора	1	Кодексом	1	хранением	1	некапитальные	1
недревесным	1	Российской	2	вывозом	1	строения	1
Федеральных	1	Федерации	2	из	1	сооружения	1
Федеральным	1	с	1	леса	1	им	1
Федерального	1	соответствующих	1	к	1	аренда	1
Федеральным	1	соответствии	1	которых	1	исключительных	1
законов	1	в	3	настоящим	1	случаях	1
закона	1	В	1	относятся	1	предусмотренных	1
законом	1	ели	1	валежник	1	субъектов	1
законами	1	елей	2	пни	1	Федерации	1
осуществляющие	1	хвойных	2	береста	1	допускается	1
осуществляют	1	пород	2	кора	1	осуществление	1
осуществляются	1	для	2	кустарников	1	и (или)	1
без	1	новогодних	2	хворост	1	купли-продажи	1
		праздников	2	веточный	1	насаждений	1
		ред.	2				

Ниже приведены диаграммы (Рисунок 9 и Рисунок 10) с легендами, описывающими частоту встречаемости групп слов по признаку их «юридизированности». В центре обозначено общее количество слов для каждой из представленных статистик.

Рисунок 9 – Лексемо-словарная статистика

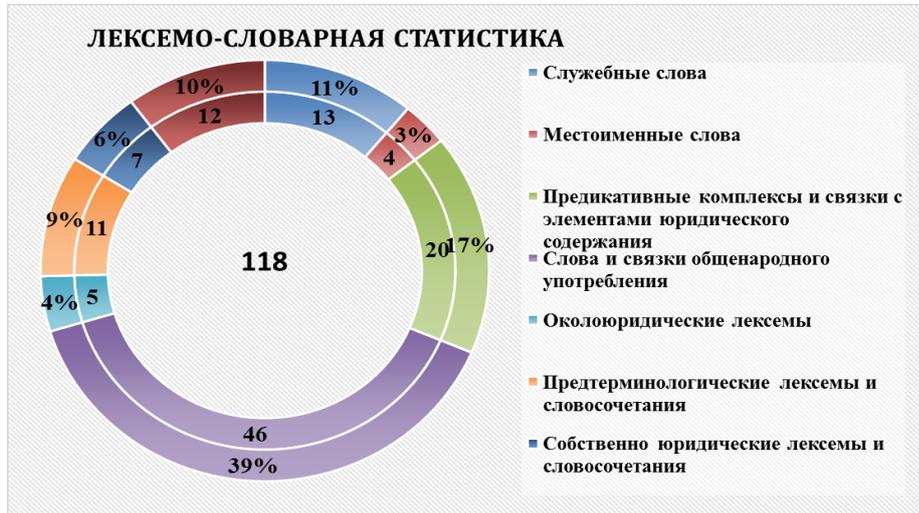
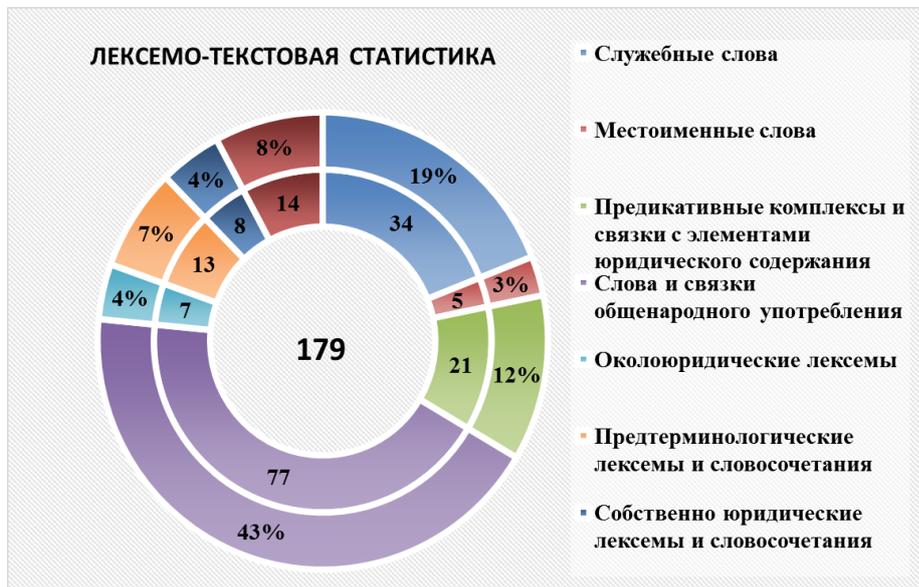

Рисунок 10 – Лексемо-текстовая статистика

Интерпретация количественных данных.

Анализ лексико-квантитативных данных в направлении каждого разряда классификации слов по типам их «юридизированности» – от общенародных до сугубо юридических, а также подсчёт их процентного соотношения к общему

количеству слов, использованных в тексте закона, показывает следующие закономерности:

1) на уровне *«Лексемо-словарной статистики»* при подсчёте общего количества слов без повторов доминирующей группой слов являются «Слова и связки общенародного употребления» (39%), далее располагаются «Предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания» (17%) и т.д.;

2) на уровне *«Лексемо-текстовой статистики»* при подсчёте общего количества слов с учётом повторов наиболее частотно встречаются слова, входящие в группу «Слова и связки общенародного употребления» (43%), далее представлена по частоте употребления группа «Служебные слова» (19%) и т.д.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Наличие устойчивого соотношения длительного взаимодействия терминологических и общенародных лексических единиц нашло отражение в синхронно-градуальной типологии лексем, организованной по признаку степенью юридизированности значения лексемы. Доказана гипотеза об универсальности системного семасиологического анализа текста закона.

Лексикологический анализ юридических текстов позволил продемонстрировать классификацию типов речевых единиц его составляющих, а также установить признаковый состав некоторых «предтерминов»: «беспомощное состояние»; «преследование»; «честь», «достоинство», «деловая репутация», «доброе имя»; «валежник». При таком формате анализа выясняется, что модель жёсткой семантизации и чёткой определенности противостоит моделированию семантики слова как полевой организации лексикологической модели текста закона. В её центре находится оппозиция общенародных лексем с диффузностью их значений, нечёткими границами и строго юридических лексем, которые характеризуются наличием жёсткой семантики.

Выявлено, что семантическая неопределённость «предтерминов» является показателем создания множественности интерпретаций и напряжённости в социально-правовой сфере, что трактуется как коррупциогенный показатель развития правовых рисков. Доказано, что основными причинами семантической неопределённости являются дискурсивное функционирование лексики, приводящее к расщеплению значений слов (полисемия) и синонимии.

Последовательно в каждом из текстов сохранялось преобладание общенародной лексики над юридической, что подтверждает предположение о гетерогенности содержания лексического состава текста закона с преобладанием в нём общенародного и предъюридического классов лексики.

Так, в статье 131 УК РФ («Изнасилование») обнаруживается следующее соотношение общенародных и юридических смыслов: **72 %** (общенародный пласт

лексики) и **28 %** (юридический пласт лексики). Предтерминологический пласт лексики представлен атрибутивным комплексом слов «беспомощное состояние», раскрывающим значение неспособности оказывать сопротивление виновному и в силу различных обстоятельств (психических или физических) неспособность осознавать характер и значение совершаемых над человеком действий.

В статье 3 законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» обнаруживается следующее соотношение общенародных и юридических смыслов: **72 %** (общенародный пласт лексики) и **28 %** (юридический пласт лексики). Предтерминологический пласт лексики представлен лексемой «преследование», раскрывающей несколько значений: движения вперед, наступления (военный термин); уголовного процесса, связанного с возбуждением судебного дела (юридический термин); намеренного воздействия субъекта, действия в собственных интересах (пограничные смыслы общенародного и юридического дискурсов).

В статье 152 ГК РФ («Защита чести, достоинства, деловой репутации личности») обнаруживается следующее соотношение общенародных и юридических смыслов: **77 %** (общенародный пласт лексики) и **23 %** (юридический пласт лексики). Предтерминологический пласт лексики представлен синонимическим комплексом слов «честь, достоинство, деловая репутация, доброе имя», раскрывающих значение защиты нематериальных благ человеческой личности каждого гражданина Российской Федерации.

В разделе 1. «Общие положения» Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области (от 10 марта 2010 г. № 101) обнаруживается следующее соотношение общенародных и юридических смыслов: **67 %** (общенародный пласт лексики) и **33 %** (юридический пласт лексики). Предтерминологический пласт лексики представлен лексемами «честь» и «достоинство», раскрывающими значение прав человека в рамках Постановления Коллегии Администрации Кемеровской области, связанного с

использованием изображений и (или) наименований архитектурно-исторических и словесных символов Кемеровской области в интерпретированном виде.

В статье 32 ЛК РФ «Заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов» обнаруживается следующее соотношение общенародных и юридических смыслов: **81 %** (общенародный пласт лексики) и **19 %** (юридический пласт лексики). Предтерминологический пласт лексики представлен лексемой «валежник», раскрывающей значения – «сухие деревья», «сучья, упавшие на землю», «сухая трава, лежащая на земле»; «стволы отмерших деревьев или их части, лежащие на земле».

Юридизация происходит при трансформации неопределённого в определённое. Анализом юридического текста, который состоит из того и из другого, выявляются и показываются столкновения внутри текста закона элементов общенародного языка и языка юридического, что позволяет описать различные смыслы в рамках синхронной динамики – от ядерных, сугубо «юридизированных», смыслов до периферийных смыслов, «недотерминов», и собственно общенародных слов – и наоборот.

Подводя итог, необходимо отметить, что слово с широким спектром морально-этических смыслов становится юридическим термином в ситуации, когда его содержание приближается к необходимости его рассмотрения как элемента той или иной законодательной статьи и потребности вынесения судебных решений по этой статье. Это обстоятельство важно для обыденного филологического толкования текста закона, поскольку в текст закона оно попадает эволютивным путем – через преломление общенародных смыслов и, следовательно, предстает современному читателю текста закона как «застывшая диахрония», которое вполне можно трактовать как след памяти от его предыдущего функционирования в неюридических дискурсах и контекстах.

Поэтому и скорость формирования юридического значения того или иного слова может быть разной. Возможность реализации лексикологического анализа текста закона с учётом языкового статуса терминов и слов, которые в нём

находятся, позволяют моделировать процесс формирования терминосистемы, представляющей соответствующую лексическую отрасль юридического языка, и прогнозировать его результаты, а также выявлять семантические грани в содержании тех или иных юридических терминов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Междисциплинарное направление современной юридической лингвистики, когнитивного терминоведения и дискурс-анализа предполагает изучение научного объекта в разных парадигмах знания. Выполненное исследование раскрывает ряд представлений относительно специфики становления русского юридического термина как процесса юридизации общенародного слова. Выбранный подход позволяет последовательно и непротиворечиво исследовать феномен эволютивной юридизации и выявить дискурсивно-семантические закономерности юридизации общенародной лексики.

Разработанная нами модель эволютивной юридизации общенародной лексики связана с постепенным становлением юридической семантики общенародной лексики. Гипотеза о наличии в естественном языке предпосылок его стихийной юридизации нашла своё подтверждение. Установлено, что текст закона представляет собой разнородную совокупность лексических единиц языка: от слов и словосочетаний, сохраняющих общенародные смыслы, до сугубо юридических терминов и номинаций. В синхронном аспекте реализован системный семасиологический анализ лексического состава текста закона, описана юридико-лингвистическая неопределённость предтерминов. Доказана гипотеза об универсальности системного семасиологического анализа текста закона.

Юридические термины являются одновременно и специализированными языковыми единицами, и единицами языка, сохраняющими в своём «генетическом коде» его общенародные свойства: многозначность, вариативность и потенциальную динамику, несводимость к одному единственному значению. В исследовании определена ведущая роль дискурса в процессе диахронного вхождения общенародного слова в юридический лексикон. Взаимодействие различных дискурсов признаётся одним из ведущих механизмов развития и

взаимовлияния разных уровней содержания термина: понятийного, концептного и системно-языкового.

Диахронный дискурсивно-семантический анализ общенародной лексики позволил увидеть и зафиксировать разную степень терминологизации (юридизации) лексем и привлечь общенародные комплексы смыслов для интерпретации нескольких современных текстов закона. Промежуточным этапом юридизации стало явление «застывшей диахронии» слова как синхронного сосуществования предъюридических и юридических смыслов проанализированных лексем. В связи с чем в исследовании представлена стадийность процесса юридизации для возможности дифференциации терминов, которые подвержены неполной юридизации.

Апробация осуществлялась на материале дискурсивного функционирования слов с корнями *чест-*, *гражд-* и их дериватов в различных дискурсивных практиках. Методы дискурсивного и семантического; гнездового и синонимического анализов лексики, показавшие свою эффективность, основывались на принципе постепенного перехода от речевого функционирования слов к выделению семантического компонентного состава термина: от дискурса к элементам смысла. Учитывая стихийную (динамическую) сторону существования юридического термина, мы открыли его дополнительные смысловые признаки и возможности их реализации в различных контекстах.

Существование юридической терминологии и терминосистемы проявляется в сложном и нередко противоречивом взаимодействии двух процессов: явления юридизации смыслового содержания слов и явления деюридизации лексических единиц языка. Эти процессы могут протекать в алгоритме последовательности – сначала терминологизация общенародного слова, а затем – детерминологизация (в нашем случае – деюридизация), но могут протекать и в параллельном формате. Тем не менее, они оба являются аспектами юридической семантизации самых разных единиц языка и требуют соответствующего анализа и интерпретации.

Исследование доказало, что слово является хранилищем смыслов своего предшествующего и современного дискурсивного функционирования и, становясь юридическим термином, оно изменяет свою содержательную структуру, в нём укрепляются правовые смыслы, но не теряются и общенародные смысловые регистры, связанные с историей и духовной жизнью русского народа. Нами была выявлена разница в смысловой развертке корневых слов «честь» и «гражданин» в аспекте диахронной юридизации.

В каждом синхронном срезе эти корневые слова реализуют неодинаковое соотношение своего предъюридического и юридического статуса. Так, в новейшем периоде юридизации не все лексемы, а только отдельные ЛСВ и лексемы корневых слов «честь» и «гражданин» сформировали сугубо юридическое значение. Некоторые из них остановились, возможно, временно в развитии своей юридической семантики.

Формулируя суть эволютивной юридизации, можно обозначить несколько особых, ей присущих свойств: во-первых, диахроничность, длительность приближения общенародного слова к юридической системе терминов обнаруживается в постепенном становлении юридической семантики и связано с вбрасыванием слов общей лексики в правовые тексты различной степени юридизированности – от общеюридических до сугубо специальных юридических дискурсов. Стадиальность юридизации открывается периодами формирования юридического значения слова от древних эпох до настоящего времени. Каждый период соотносится с историей развития русского юридического языка. Попадая в правовую сферу, слово общенародного языка начинает обрастать соответствующими смыслами и вращаться в новое поле других терминов, в котором свою особую роль играет дискурс.

Во-вторых, изменения в семантике словесного значения носят градуальный характер, связанный с непрерывным нарастанием или ослаблением юридического смысла того или иного слова – он проявляется в расщеплении или сужении их исходной семантики на отдельные ЛСВ, некоторые из которых

приобретают собственно юридический статус. Процесс юридизации не всегда характеризуется достижением определенного результата и быстротой формирования терминологического значения лексем. При этом запечатление признаков состава корневых слов «честь», «гражданин», а также их дериватов в словарях древнерусского и современного русского языков позволили верифицировать те смысловые комплексы и знания, закрепленные за этими словами, которые мы выделили при анализе их дискурсивного функционирования.

В-третьих, стихийность, предполагающая естественное функционирование слова в разных дискурсах, в том числе юридическом, открывает природу возникновения специального юридического смысла слова. Он возникает не искусственно, изолированно от других значений и значимостей слова, а также стихийно, как и общенародные смыслы слов. Дальнейшая юридизация лексем в некоторых случаях приближает «предтермины» к статусу полноценных терминов, в других – именно полутерминологическое значение слова остаётся доминирующим в юридическом дискурсе.

Процесс юридизации так или иначе проходит любое слово общенародного языка, попадающее в текст закона, а перед этим функционирует в контексте с общеправовым или юридическим содержанием. Сюда относятся не только лексеммы с ярко выраженными морально-этическими смыслами такие, как «честь», «гражданственность» и т.п., но и различные служебные слова: союзы, частицы и т.д. Так, даже синтаксические конструкции и знаки пунктуации получают свою «особость» в правовом контексте.

В-четвертых, постепенное обретение юридическим термином статуса общезначимого и общеупотребительного находит своё воплощение на новом этапе юридизации. Он связан с осмыслением феномена функционирования общенародного слова как юридического термина рядовыми носителями языка, когда в едином смысловом поле аккумулируются предшествующие и

современные, актуальные для каждого интерпретирующего смыслы этих слов. Их исследование – другая задача, которую мы хотели бы поставить в дальнейшем.

Проведенный анализ многовекторного феномена эволютивной юридизации общенародного слова показал, что взаимопроникновение структур профессионального и общеязыкового знания, позволяет проследить пути развития юридической семантики. Рассмотрение когнитивных особенностей юридического термина позволяет приблизиться к тому профессиональному опыту и знанию правовой сферы человеческой деятельности, которая связана с вербализацией профессионального знания и его корреляцией со знанием обыденным.

И, наконец, расширение лексического материала является одной из перспектив заявляемого направления в исследовании терминологических процессов на стыке естественного языка и права. Значительный интерес в плане синхронно-диахронного описания юридизации общенародной лексики представляет анализ смыслового расщепления гнёзд слов с корнями *прав-*, *истин-*, *зл-*, *юр-*, *суд-* и других единиц языка.

Предполагается продолжение комплексного многопланового исследования синхронной юридизации полутерминологических лексем, входящих в современные тексты законов и законопроектов, а также изучение процесса детерминологизации лексем и юридических терминов, что непосредственно связано с написанием новых исследовательских глав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научные работы теоретического и методологического характера:

1. Абдыбаева, Г. З. Терминологизация понятия «Кредит» в экономической терминологии / Г. З. Абдыбаева, М. К. Шайжанов, А. Ж. Досанова // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2012. — № 6 (37). — С. 129-131.
2. Абишева, Н. М. Лексический компонент юридического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Абишева Нургуль Молдабаевна. — Алматы, 2007. — 24 с.
3. Абрамов, В. Е. Терминологизация и практика вендинг-бизнеса / В. Е. Абрамов, Ю. А. Хуснуллина, Е. В. Рычкова // Современные тенденции в образовании и науке: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции (Самара, 31 октября 2013 г.). — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2013. — Ч.13. — С. 9-14.
4. Акишин, М. О. Становление юридического языка в Древней Руси IX-XII вв. [Электронный ресурс] / М. О. Акишин // Genesis: исторические исследования. — 2016. — № 1. — URL:<https://nbpublish.com> (дата обращения: 06.05.2018).
5. Александров, А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородской правовой академии, 2003. — 419 с.
6. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. — 200 с.
7. Алексеев, С. С. Право – Азбука, Теория, Философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — М.: Статут, 1999. — 712 с.

8. Алексеев, С. С. Проблемы теории права. Курс лекций. В 2 т. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права / С. С. Алексеев. — Свердловск: Изд-во Свердловского юридического института, 1972. — 396 с.
9. Алексеева, Л. М. Проблемы термина и терминообразования: учебное пособие по спецкурсу / Л. М. Алексеева. — Пермь: Изд-во Пермского государственного национального университета, 1998. — 120 с.
10. Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 344 с.
11. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 2006. — 227 с.
12. Алейникова, Т. В. Терминологизация общелитературной лексики в английской этической терминологии / Т.В. Алейникова // Омский научный вестник Сер. Филологические науки. — Омск: Изд-во Омского государственного технического университета, 2008. — №5 (72). — С. 134-138.
13. Анисимова, А. Г. Особенности становления англоязычной терминологии уголовного права: лексико-семантический аспект / А. Г. Анисимова, Е. С. Капшутарь // Вестник Чувашского университета. Сер. Филологические науки. Языкознание. — Чебоксары: Изд-во Чувашского государственного университета, 2015. — № 4. — С. 215-222.
14. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / Е. Р. Россинская. — М.: Проспект, 2010. — 93 с.
15. Ануфриева, О. И. Концепт «Праведность» в религиозном и художественном дискурсах / О. И. Ануфриева, Л. Б. Карпенко // Вестник Самарского государственного университета. — Самара, 2013. — №8/1 (109). — С.78-82.
16. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — М.: Наука, 1974. — 367 с.

17. Апресян, Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 912 с.

18. Арнаутова, А. А. Методика проведения антикоррупционной экспертизы: юридико-лингвистическая неопределённость / А. А. Арнаутова // Бизнес. Образование. Право. — Волгоград: Изд-во Автономной некоммерческой организации высшего образования «Волгоградский институт бизнеса», 2017. — № 4 (41). — С. 315-318.

19. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. — М.: Наука, 1980. — С. 156-249.

20. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 338 с.

21. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.

22. Астанин, В. В. Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики / В. В. Астанин // Мониторинг правоприменения. — Москва: Изд-во Федерального бюджетного учреждения «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации», 2016. — № 3 (20). — С. 4-8.

23. Астанин, В. В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики [Электронный ресурс] / В. В. Астанин // Российская юстиция. — 2016. — № 8. — С. 5-9. — URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi> (дата обращения: 02.06.2019).

24. Афанасьева, О. М. Анализ лексической сочетаемости слова 'честь' (на материале российских СМИ) и профессиональная честь журналиста / О.М. Афанасьева // Вестник Челябинского государственного университета — Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, — 2015. — № 5 (360). — Вып. 94. — С. 357-365.

25. Ахманова, О. С. Словарь омонимов русского языка / О. С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1974. — 448 с.

26. Багиян, А. Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Багиян Александр Юрьевич. — Пятигорск, 2014. — 173 с.

27. Барабаш, О. В. Введение в юрислингвистику: учебное пособие / О. В. Барабаш. — Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2013а. — 137 с.

28. Барабаш, О. В. Концепт «Коррупция» и его репрезентации в пространстве русского языка [Электронный ресурс] / О. В. Барабаш // Политическая лингвистика. Раздел 4. Лингвистическая экспертиза: язык и право. — Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2017. — № 6. — С. 223-229. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-korruptsiya-i-ego-reprezentatsii-v-semanticheskom-prostranstve-russkogo-yazyka> (дата обращения: 06.02.2018).

29. Барабаш, О. В. Критерии выявления коррупциогенных факторов в тексте официальных документов: лингвистический аспект [Электронный ресурс] / О. В. Барабаш // Вестник Пензенского государственного университета. Сер. Гуманитарные исследования. — Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета. — 2016b. — №1 (13). — С.17-21. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-vyyavleniya-korruptsiogennyh-faktorov-v-teksteofitsialnyhdokumentovlingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 12.03.2018).

30. Барабаш, О. В. Лингво-когнитивный анализ механизмов полисемии в тексте правовых текстов: к постановке проблемы / О. В. Барабаш // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер. Гуманитарные науки. Филология. — Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2014. — № 3 (31). — С. 186-191.

31. Барабаш, О. В. Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса / О. В. Барабаш // Rhema. Рема. Сер. Языкознание. — М.:

Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2016а. — № 3. — С. 29-46.

32. Барабаш, О. В. Юридический термин: проблемы изучения [Электронный ресурс] / О. В. Барабаш // Юрислингвистика. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2013б. — № 2. — С. 5-11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-termin-problemy-izucheniya> (дата обращения: 15.05.2018).

33. Баранов, А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов // Вестник Волгоградского университета. Сер. 2. Языкознание. — Волгоград, 2017. — № 2. — С. 18-26. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-v-lingvisticheskoy-ekspertize-metod-i-istina> (дата обращения: 15.05.2018).

34. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1975. — 502 с.

35. Байрамова, Л. К. Истина и правда в аксиологическом, философском, этимологическом, лингвистическом, религиозном и художественном аспектах [Электронный ресурс] / Л. К. Байрамова, В. А. Бойчук // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2016. — №7 (389). — Вып. 101. — С. 20-27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istina-i-pravda-v-aksiologicheskom-filosofskom-etimologicheskom-lingvisticheskom-religioznom-i-hudozhestvennom-aspektah> (дата обращения: 05.09.2019).

36. Белоусова, К. А. «Должная осмотрительность и осторожность» при выборе контрагента как оценочное понятие, не закрепленное нормой закона / К. А. Белоусова // Российский судья. — М.: Издательская группа «Юрист», 2017. — №4. — Вып. 4. — С. 8-12.

37. Белоконь, Н. В. Лингвистические основания проведения антикоррупционной экспертизы / Н. В. Белоконь // Общество и право. Краснодар, 2012. — № 2 (39). — С. 331-335.

38. Бентам, И. Избранные сочинения. Т. 1. Введение в основание нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса / И. Бентам; [пер. по англ. изд. Боуринга и франц. Дюпона А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского]. — СПб.: Русская книжная торговля, 1867. — 678 с.

39. Богатырев, А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Богатырев Александр Валерьевич. — Волгоград, 2016. — 168 с.

40. Болдырев, Н. Н. Актуальные вопросы когнитивной лингвистики на современном этапе / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2013. — Вып. I. — С. 5-13.

41. Болдырев, Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2007. — Вып. 4. — С. 17-27.

42. Бондаренко, Е. Н. Лингвистическая экспертиза текстов по антикоррупционным делам: формулировка вопросов, установление контекста и семантика ключевых слов / Е. Н. Бондаренко // Язык. Право. Общество: сб. ст. V Международной научно-практической конференции. — Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2018. — С. 16-19.

43. Борисова, Л. А. Юридический дискурс: основные характеристики / Л. А. Борисова // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2016. — № 14. — С. 133-151.

44. Бородина, М. А. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка) / М. А. Бородина, В. Г. Гак. — Л.: Наука, 1979. — 232 с.

45. Бринев, К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение понятия «социальная группа» / К. И. Бринев // Вестник Кемеровского государственного университета. — Кемерово, 2012. — №2. — С. 117-123.

46. Бринев, К. И. Решение проблемы оскорбления в лингвистической экспертиологии / К. И. Бринев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — №34 (172). — Вып. 36. — С. 15-20.

47. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под общ. Н. Д. Голева. — Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2009. — 251 с.

48. Буянова, Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: монография / Л. Ю. Буянова. — 2-е изд. испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2014. — 249 с.

49. Ващенко, Ю. С. Иноязычная юридическая лексика в законодательных текстах: история появления, современные тенденции и пути развития / Ю. С. Ващенко // Государство и право. — Москва, 2018. — №1. — Вып. 1. — С. 53-64.

50. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.

51. Великода, Т. Н. Терминологизация общеупотребительной лексики (на материале английских геологических терминов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Великода Татьяна Николаевна. — Нижний Новгород, 2014. — 26 с.

52. Веселитский, В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка / В. В. Веселитский. — М.: Наука, 1974. — 70 с.

53. Виноградов, С. Н. Нечёткость терминологии и её причины (на материале терминологии словообразования) / С. Н. Виноградов // Вопросы терминологии: межвузовский сборник статей; под ред. В. Н. Немченко. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 1993. — С. 35-42.

54. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1947. — 783 с.

55. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т.1. Сборник статей по языкознанию. — М., 1939. — С. 3-54.
56. Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. Водак; [пер. с англ. В. И. Карасика] // Политическая лингвистика. — Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2011. — №4 (38). — С. 286-291.
57. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; [пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной]. — Волгоград: Перемена, 1997. — 138 с.
58. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина: (На материале терминологии средств массовой информации) / М. Н. Володина. — М.: Изд-во Московского университета, 2000. — 127 с.
59. Воробьева, М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании: на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Воробьева Марина Евгеньевна. — Кемерово, 2014. — 164 с.
60. Востриков, А. В. Книга о русской дуэли / А. В. Востриков. — М.: Азбука, 2014. — 374 с.
61. Гаврилова, М. В. Критический дискурс-анализ: современное состояние и перспективы развития / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2015. — 265-267.
62. Галкина, В. В. Происхождение английских терминов правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] / В. В. Галкина // Омские социально-гуманитарные чтения: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Омск, 19-21 апреля 2016 г.); редкол.: Л. А.

Кудринская (отв. ред.) и др. — Омск, 2016. — С. 360-363. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

63. Голев, Н. Д. Анализ художественных дискурсов «вера-мораль-правда» (на материале драмы А.В. Сухово-Кобылина «Дело») / Н. Д. Голев, А. А. Букина // Ломоносов-2018: материалы Международного молодежного научного форума (Москва, 09-13 апреля 2018 г.). — М.: Изд-во МАКС Пресс, 2018. — С. 1-3.

64. Голев, Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. — Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2019. — № 16. — С. 113-137.

65. Голев, Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. — Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1989. — 252 с.

66. Голев, Н. Д. Ещё раз о глубине лингвистической экспертизы текстов, вовлеченных в юридическую сферу (на материале одного судебного разбирательства) / Н. Д. Голев, В. А. Пищальникова // Юрислингвистика. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2000. — №2. — С. 8-41.

67. Голев, Н. Д. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании: монография [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев, М. Е. Воробьева. — Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета, 2017. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30027276> (дата обращения: 22.12.2018).

68. Голев, Н. Д. На грани нарушения презумпции невиновности (на материале медийных номинаций лиц, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях) / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2015. — Вып.4. — С. 33-43.

69. Голев, Н. Д. Научные термины как единицы стихийного функционирования языка: полемические заметки / Н. Д. Голев // Метаязык науки: материалы Международной научной конференции (Сыктывкар, 10-13 июня 2012

г.). — Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, 2012. — С. 5-11.

70. Голев, Н. Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста / Н. Д. Голев // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. — № 2. — С 5-15.

71. Голев, Н. Д. Общие и специальные проблемы интерпретации юридических текстов / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим: межвузовский сборник научных трудов; под ред. Т. А. Трипольской. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2007. — С.43-51.

72. Голев, Н. Д. Программа курса юрислингвистики для студентов филологического факультета, обучающихся по дополнительной специализации «Лингвокриминалистика» [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев. — URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v65.html> (дата обращения: 15.05.2018).

73. Голев, Н. Д. Современный словарь диалектной лексики / Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева // Сибирский филологический журнал. — Новосибирск, 2016. — № 2. — С. 125-133.

74. Голев, Н. Д. Спецификация и деривационное слово в системе понятий деривационной лексикологии / Н. Д. Голев, М. Г. Шкуропацкая // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. — Барнаул, 2002. — Вып. 2. — С. 13-17.

75. Голев, Н. Д. Сплошной синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава текста закона (на материале статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) / Н. Д. Голев, А. В. Иркова // Вестник Томского государственного университета. — Томск, 2020. — № 452. — С. 21-27.

76. Голев, Н. Д. Синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации / Н.Д. Голев, А.В. Иркова // Современная теоретическая лингвистика и пролемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции (Москва, 1 – 2 октября 2019 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – Москва, 2019. — С. 421-431.

77. Голев, Н. Д. Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями *чест-* и *добр-*) / Н. Д. Голев, А. В. Иркова // Вестник Московского университета. — Москва, 2018. — №4. — С. 212-242.

78. Голев, Н. Д. Сходство наименований управляющих компаний до степени смешения: актуальные вопросы лингвистического анализа (на материале наименований организаций Кемеровской области) / Н. Д. Голев, Я. А. Дударева // Современная теоретическая лингвистика и пролемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции (Москва, 1 – 2 октября 2019). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – Москва, 2019. – С. 185-195.

79. Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н.Д. Голев // Юрислингвистика. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2000. – №2. – С. 8-40.

80. Голованова, Е. И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения / Е. И. Голованова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного университета, 2010. — Вып. 2. — С. 85-91.

81. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие / Е. И. Голованова. — 2-е изд., стер. — М.: Флинта: Наука, 2014. — 221 с.

82. Голованова, Е. И. Взаимодействие научного и обыденного знания в термине-фразеологизме / Е. И. Голованова // Когнитивные исследования языка. —

— М.; Тамбов: Издательский дом Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 2008а. — Вып. 3. — С. 119-130.

83. Голованова, Е. И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий / Е. И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2008. — № 2. — С. 51-54.

84. Голованова, Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход / Е. И. Голованова // Известия Уральского государственного университета. — Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2004. — № 8 (33). — С. 24-31.

85. Голованова, Е. И. Типология единиц профессиональной коммуникации: когнитивно-прагматический аспект / Е. И. Голованова // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2008б. — Вып. 19. — С. 25-29.

86. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах: учебное пособие для филол. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М.: Высшая школа, 1987. — 103 с.

87. Голубь, Н. Н. Нечёткие определители в текстах правовой коммерческой документации / Н. Н. Голубь, М. А. Осадчий // Вестник Кемеровского государственного университета. — Кемерово, 2012. — № 43 (52). — С. 124-127.

88. Гришенкова, Ю. А. Юридический термин как языковой и социокультурный феномен: на материале немецкого языка семейного права: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Гришенкова Юлия Анатольевна. — Ярославль, 2006. — 23 с.

89. Гринев, С. В. Основы антрополингвистики (к лингвистическим основаниям эволюционного мышления): учебное пособие / С. В. Гринев. — М.: Спутник, 2005. — 114 с.

90. Грунина, Л. П. Термин в профессиональном дискурсе: учебное пособие / Л.П. Грунина, А.Г. Широколобова. — Кемерово, 2016. — 171 с.

91. Губаева, Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. — М.: Изд-во НОРМА, 2003. — 160 с.

92. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — М.: Наука, 1977. — 127 с.

93. Даль, В. И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. / В. И. Даль. — 2-е изд., без перемен. Т. 2. — СПб.; М., 1879. — 638 с.

94. Доронина, С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам / С. В. Доронина // Политическая лингвистика. — Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2015. — № 3 (53). — С. 245-249.

95. Дубинина, Е. Н. Тенденция юридизации в деятельности полиции / Е.Н. Дубинина // Вестник Московского университета МВД России. — М., 2016. — Вып. 3. — С. 13-14.

96. Дубинина, Е. Н. Юридизация отношений в современном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дубинина Елена Николаевна. — Москва, 2010. — 27 с.

97. Дударева, Я. А. Лингвистическая экспертиза товарных знаков: монография / Я. А. Дударева. — Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета, 2014. — 203 с.

98. Думитру, Э. Особенности развития и современное состояние русской геоморфологической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Думитру Эмиль. — Москва, 2008. — 24 с.

99. Дуринова, Г. В. Слово и понятие гражданин в русском языке XVIII в. (К вопросу о лингвистической основе истории понятий) / Г.В. Дуринова //

Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3. Филология. — Москва, 2015. — Вып. 1. — С. 18-38.

100. Евстифеева, М. В. Терминологическая система валютного рынка на современном этапе её развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Евстифеева Марина Владимировна. — Москва, 2007. — 23 с.

101. Живов, В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры / В.М. Живов. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 758 с.

102. Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема / В. М. Живов // Разыскания в области истории и предистории русской культуры. — М.: Языки славянских культур, 2002. — С. 187-305.

103. Жолковский, А. К. Блуждающие сны и другие работы / А.К. Жолковский. — М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. — 426 с.

104. Загребельный, А. В. Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX в. в семасиологическом и функциональном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Загребельный Артур Владимирович. — Вологда, 2010. — 20 с.

105. Захарова, С. А. Терминологизация и метафоризация в земледельческой лексике и ее роль в формировании русской картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Захарова Светлана Алексеевна. — Саратов, 2012. — 21 с.

106. Зиянгирова, Е. Л. Юридизация лексем естественного языка как один из основных процессов терминологической лексики метаязыка юрислингвистики / Е.Л. Зиянгирова // Вестник Башкирского государственного университета. — Уфа, 2019. — Т. 24. — № 3. — 625-629.

107. Иванов В. В. О языке древнего славянского права (к анализу некоторых ключевых терминов) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. — М.: Наука, 1978. — С. 221-240.

108. Иванова, О. В. Ассоциативная структура термина и общеупотребительного слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Иванова Ольга Валерьевна. — Минск, 1987. — 23 с.

109. Иванова, С. А. Семантизация термина в научно-учебном тексте (на материале терминологии радиотехники в русском и французском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Иванова Светлана Анатольевна. — Екатеринбург, 2007. — 23 с.

110. Ивина, Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учебно-методическое пособие / Л. В. Ивина. — М.: Академический проект, 2003. — 304 с.

111. Информационные письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: сб. /сост. Б. С. Алексеев, В. Н. Блоцкий, Л. В. Соцуро; [отв. ред. Л. В. Соцуро]. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. — 592 с.

112. Иркова, А. В. Динамика юридического термина как единицы ментальноречевой деятельности носителей языка (анализ дискурсивного функционирования концепта «Доброе имя») / А. В. Иркова // Русский язык и этнокультурная динамика: сборник материалов Международного конкурса научных работ студентов, магистрантов и аспирантов по русистике и славистике. Белгород, 24 – 25 апреля 2017 г. — Старый Оскол: РОСА, 2017 г. — С. 70-74.

113. Иркова, А. В. Предъюрисдикционные и юридические смыслы лексемы «гражданин» в общественно-политическом дискурсе / А. В. Иркова // Сибирский филологический журнал. — Новосибирск: Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук. — №3. — С. 215-224.

114. Иркова, А. В. Русский юридический термин как элемент стихийного бытия языка (дискурсивный и семасиологический анализ слов с корнем -добр-) / А. В. Иркова // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: материалы симпозиума XII (XLIV) Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» (Кемерово, 27

апреля 2017 г.): в 7 т. — Вып. 18. — Т. 5. / сост. Ю.В. Подковырин; Кемеровский государственный университет. — Кемерово, 2017. — С. 37-40.

115. Иркова А. В. Стихийная основа становления юридического термина как единицы живого языка и языка закона (дискурсивный и семасиологический анализ слов с корнем -чест-) / А. В. Иркова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов IV (XVIII) Международной конференции молодых ученых (20 – 22 апреля 2017 г.) / отв. ред. Ю. С. Серягина. — Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. — Т. 1: Лингвистика. — Вып. 18. — С. 70-73.

116. Иркова, А. В. Юридический текст как объект системного семасиологического анализа / А. В. Иркова // Материалы международного конкурса научно-исследовательских работ студентов, магистрантов и аспирантов «В мире науки: вопросы филологии, лингводидактики и переводоведения». Вопросы филологии и переводоведения (Чебоксары, 11 марта 2020). — Чебоксары: Изд-во Челябинского государственного ЧГПУ, 2020. — С. 243-246.

117. Кабанов, П. А. Юридикологическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов / П. А. Кабанов // NB: Административное право и практика администрирования. — Москва: ООО НБ-Медиа, 2014. — № 3. — С. 61-71. DOI: 10.7256/23069945.2014.3.12055.

118. Кандаурова, Т. Н. О характере оппозиций в парах соотносимых между собой неполногласных и полногласных слов (на материале древнерусского письменного литературного языка XI – XIV вв.) / Т. Н. Кандаурова // Ученые записки Московского государственного педагогического института — Москва, 1967. — № 264. — С. 375-390.

119. Капанадзе, Л. А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. — М.: Наука, 1965. — С. 86-103

120. Карасева, Т. Н. Проблема юрико-лингвистической неопределенности при проведении антикоррупционной экспертизы правовых актов / Т. Н. Карасева // Язык. Право. Общество: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. — Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2013. — С. 152-156.

121. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

122. Карпенко Л. Б. О роли церковнославянской традиции в развитии лексики русского права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. — Санкт-Петербург, 2016. — №1. — С. 70-77.

123. Карсанова, Е. В. Структурно-семантический анализ лексем "белый"/"черный": На материале английского, немецкого, осетинского, русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Карсанова Елена Васильевна. — Владикавказ, 2003. — 186 с.

124. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: пер. с фр., португ.: сб. ст. / предисл. Ю.С. Степанова ; [сост.], общ. ред., вступ. ст. и коммент. Патрика Серио. — М.: Прогресс, 1999. — 413 с.

125. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной лингвистике: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Андрей Александрович Кибрик. — Москва, 2003. — 90 с.

126. Кибрик А. А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — Москва, 1997. — С. 307-323.

127. Кишина, Е. В. Вариативность интерпретации судебной лингвистической экспертизы / Е. В. Кишина // Современная теоретическая лингвистика и пролемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции. Москва, 1 – 2 октября. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – Москва, 2019. —

М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. — Москва, 2019. — С. 62-73.

128. Ким, Л. Г. Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе / Л. Г. Ким, Е.С. Беляева // Политическая лингвистика. — Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2019. — № 1(73). — С. 72-80.

129. Ким, Л. Г. Холистические принципы проведения идентификационной автороведческой экспертизы разножанровых текстов / Л.Г. Ким // Современная теоретическая лингвистика и пролемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции. Москва, 1 – 2 октября. — М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. — С. 507-517.

130. Киржаева, В. П. Семантика одного юридического термина в контексте эволюции законодательства русского Средневековья / В.П. Киржаева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2013. — С. 84-88.

131. Клепиковская, Н. В. Роль процесса терминологизации в формировании технического термина [Электронный ресурс] / Н.В. Клепиковская // Актуальные проблемы филологии: материалы II Международной научной конференции. — Краснодар: Новация, 2016. — С. 96-99. — URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9660/> (дата обращения: 27.05.2020).

132. Клепиковская, Н. В. Терминологизация общеупотребительной лексики английского языка (на материале терминологии сварочного производства) / Н. В. Клепиковская // Современная филология: материалы IV Международной научной конференции (Уфа, март 2015 г.). — Уфа: Лето, 2015. — С. 55-58.

133. Ковкина, Е. В. Детерминологизация терминов криминалистической системы // Philology. — Волгоград: Изд-во "Научное обозрение". — 2016. — № 1 (1). — С. 43-45.

134. Козлачкова, Е. А. Соотношение понятий «человек», «личность», «физическое лицо», «гражданин» в российском праве / Е.А. Козлачкова // Право и государство: теория и практика. – М.: Право и государство пресс, 2014. – № 1 (109). – С. 17-20.

135. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследования в лингвистике / З. И. Комарова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – С. 459-495.

136. Комарова, З. И. Когнитивно-ономасиологическое моделирование агрономической терминосферы в русском научном менталитете / З. И. Комарова // Язык. Система. Личность. Языковая картина мира и её метафорическое моделирование. Екатеринбург, 2002. — С. 60-63.

137. Коновалова, М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Коновалова Мария Владимировна. — Челябинск, 2008. — 25 с.

138. Косарина, А. А. Основные причины появления новых терминов и пути их образования / А.А. Косарина, А.Е. Федотова // Вестник Московского государственного университета леса. Лесной вестник — Москва, 2015. — Вып. 6. — С. 206-210.

139. Косарина, А. А. Политическая терминология и номенклатура в рамках профессионального дискурса / А. А. Косарина, А. Е. Федотова // Вестник Московского государственного университета леса. Лесной вестник, 2015. — № 4. — С. 187-191.

140. Косова, М. В. Терминологизация как лексико-семантический процесс / М.В. Косова // Вестник Оренбургского университета. — Оренбург, 2004. — Вып.2. — С. 42-48.

141. Косова, М. В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики: автореф. дис. ... на соискание ученой степени д-ра филол. наук: 10.02.01 / Косова Марина Владимировна. — Нижний Новгород, 2004. — 51 с.

142. Косоногова, О. В. Динамика развития ономастического пространства англоязычной юридической терминологии: монография / О. В. Косоногова. — Новосибирск: Изд-во ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2016. — 84 с.

143. Косоногова, О. В. К вопросу о терминологичности онимических единиц англоязычной терминологии права / О.В. Косоногова // Общественные науки. — Москва: Изд-во Международного исследовательского института, 2016. — № 6-1. — С. 293-303.

144. Костикова, Е. Н. Определение термина «налоговая тайна» в России. Выявлении ее недостатков / Е.Н. Костикова, М.Г. Миргородская // Научный Альманах. — Тамбов: Консалтинговая компания «Юком», 2017. — Вып. 21 (28). — С. 149-152.

145. Крапивкина, О. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства [Электронный ресурс] / О.А. Крапивкина, Л.А. Непомиллов // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 27.05.2020).

146. Краснянская, Т. И. О дискурсивных параметрах концепта «Честь, достоинство, деловая репутация» в лингвистическом исследовании / Т.И. Краснянская // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2007. — С. 98-103.

147. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии / Сост. С. И. Коршунов, Г. Г. Самбунова // АН СССР, Комитет научно-технической терминологии. — Москва: Наука, 1979. — 126 с.

148. Кропачев, Н. М. Государственный язык Российской Федерации — современный русский литературный язык. Есть ли разница? [Электронный ресурс] / Н.М. Кропачев // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы V Конгресса РОПРЯЛ. — Казань, 2016. — URL: [http://vestnik.fa.ru/4\(28\)2003/4.html](http://vestnik.fa.ru/4(28)2003/4.html) (дата обращения: 27.05.2020).

149. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. — М.: Изд-во Московского университета, 1996. — 245 с.

150. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

151. Кузнецов, А. М. Лингвистические толкования правового смысла "преступления" и "наказания": юридическая теория и бытовые стереотипы: аналитический обзор / А. М. Кузнецов. — Москва: ИНИОН РАН, 2012. — 75 с.

152. Кузнецова, Н. И. Терминологизация общеупотребительной глагольной лексики в научно-техническом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кузнецова Наталья Ивановна. — Воронеж, 2006. — 18 с.

153. Кусов, Г. В. Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике: инвективное и манипулятивное функционирование языка / Г.В. Кусов // Юрислингвистика. Межвузовский сборник научных статей. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. — С. 35-44.

154. Крючкова, Т. Б. Особенности функционирования и развития общественнополитической лексики и терминологии / Т. Б. Крючкова. — М.: Наука, 1989. — 151 с.

155. Лебедева, Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики / Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика-2. — Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2000. — №2. — С. 49-64.

156. Лепёшина, Н. В. Основания юридизации общественных отношений сферы частной жизни / Н. В. Лепёшина // Вестник Владимирского юридического института. — Владимир, 2017. — Вып. 3. — 191-194.

157. Лейчик, В. М. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод / В. М. Лейчик, С. Д. Шелов. — М.: Наука, 1989. — Ч.1. — 287 с.

158. Лейчик, В. М. Обоснование структуры термина как языкового знака понятия / В. М. Лейчик // Терминоведение. – М.: Московский лицей, 1994. – № 2. — С. 5-15.

159. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. — 3-е изд. — Москва: URSS, 2007. — 254 с.

160. Лингвистическая экспертиза конфликтных текстов СМИ [Электронный ресурс]: электронное учебно-методическое пособие / Голев Н. Д., Дударева Я. А., Ким Л. Г., Кишина Е. В. — Кемерово: Кемеровского государственного университета, 2017. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

161. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. — М.: Изд-во Московского государственного университета, 1982. — 478 с.

162. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. — М.: «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.

163. Лотман, Ю. М. Ещё раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах Киевского периода / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета — Тарту, 1967а. — Вып. 284. — С. 469-475.

164. Лотман, Ю. М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах Киевского периода / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. — Тарту, 1967b. —Вып.198. — С. 100-112.

165. Лотте, Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов / Д. С. Лотте [АН СССР, Ком. техн. терминологии]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 23 с.

166. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте; [Акад. наук СССР. Ком. техн. терминологии]. — Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1961. —158 с.

167. Лукин, П. В. Древнерусские понятия «горожанин», «гражанин», «гражданин» / П. В. Лукин // Российская история. — Москва, 2014. — Вып. 4. — С. 140-146.

168. Лутцева, М. В. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования: лингво-статистическое исследование на материале произведений Дж. Гришема: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Лутцева Мария Владимировна. — Иваново, 2008. — 20 с.

169. Лыкова, Н. Н. Французские заимствования в русской юридической терминологии / Н.Н. Лыкова // Вестник Тюменского государственного университета, 2009. — № 1. — С. 217-221.

170. Мазюк, Р. В. О преемственности терминологии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в современном уголовно-процессуальном праве / Р.В. Мазюк // Актуальные проблемы российского права. — Москва, 2014. — № 10 (74). — С. 2284-2288.

171. Марасинова, Е. Н. Рабы и граждане в Российской империи XVIII в. / Е. Н. Марасинова / Е. Н. Марасинова // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. — М.: Изд-во Российской политической энциклопедии, 2008. — С. 99-118.

172. Матвеева, О. Н. Лингвистическая экспертиза: взгляд на конфликтный текст сквозь призму закона / О.Н. Матвеева // Юрислингвистика. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. — № 6. — С. 55-67.

173. Мелкевик, Б. Говорите на языке «нового нарратива о праве», или о том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя / Б. Мелкевик // Известия высших учебных заведений. — С.-Петербург, 2012. — Вып. 3. — С. 37-56.

174. Морозова, Л. А. Особенности функционирования специальной лексики в неспециальной литературе / Л. А. Морозова // Современные проблемы русской терминологии. — М., 1986. — С. 107-123.

175. Механошина, Н. А. К вопросу об определении понятия «поглощение» / Н.А. Механошина, Т.А. Филиппова // Юрислингвистика. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2016. — Вып. 5. — С. 27-38.

176. Микулина, И. В. Трансформация статуса адресата в юридизированном медиатексте / И. В. Микулина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — Белгород, 2010. — С. 224-233.

177. Митропольская, Е. А. Концепт 'honneur' ('честь') в публицистике Ж. Бернаноса периода Второй мировой войны / Е.А. Митропольская // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2010. — № 11 (192). — Вып. 42. — С. 78-80.

178. Михалутина, А. М. О проблемах законодательства, связанного с беспомощным состоянием / А. М. Михалутина // Вопросы науки и образования. — Иваново: Изд-во Олимп, 2019. — №3 (47). — С. 109-113.

179. Мишанкина, Н. А. Научная коммуникация в аспекте лингвокогнитивного моделирования / Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. — Томск, 2010. — № 1 (9). — С. 70-80.

180. Мишланова, С. Л. Метафора в медицинском дискурсе: монография / С. Л. Мишланова. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. — 159 с.

181. Мишланова, С. Л. Семиотические аспекты терминологизации / С. Л. Мишланова // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2011. — № 24. — С. 40-43.

182. Мушцинина, М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии / М.М. Мушцинина // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка. — Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2004. — № 5. — С. 19-32.

183. Мягкова, Е. Ю. Основные механизмы терминообразования в атомной энергетике / Е. Ю. Мягкова, С. В. Пегов // Известия Юго-Западного государственного университета. — Курск, 2014. — № 4. — С. 21-25.

184. Нестерова, Н. Г. Типы смысловых связей слов, находящихся в отношении лексической мотивации (на материале говоров Среднего Приобья) / Н. Г. Нестерова, Т. А. Демешкина // Мотивационный диалектный словарь: (говоры Среднего Приобья). — Томск, 1983. — Т2. — Прил. III. — 367 с.

185. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие / М. В. Никитин. — СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 2003. — 277 с.

186. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. — М.: Высшая школа, 1982. — 272 с.

187. Новинская, Н. В. Терминологизация разных частей речи / Н. В. Новинская // Альманах современной науки и образования. — Тамбов: Грамота, 2009. — № 2-2. — С. 101-102.

188. Осадчий, М. А. Русский язык в судебном процессе: книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR / М. А. Осадчий. — изд. 2-е, стереотип. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 256 с.

189. Осташевский, А. А. Гносеологические основы правовых понятий в пространстве защиты чести и достоинства / А. А. Осташевский // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — Республика Адыгея: Изд-во Адыгейского государственного университета, 2015. — Вып. 1. — С. 191-194.

190. Ощепкова, Т. В. О терминологизации общеупотребительной лексики как одном из способов терминообразования в подязыке герменевтики / Т. В. Ощепкова // Вестник Омского государственного педагогического университета. — Омск, 2014. — Вып. 3. — С. 57-61.

191. Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность / И. В. Палашевская. — Волгоград: Парадигма, 2012. — 346 с.

192. Пегов, С. В. Терминологическая система атомной энергетики (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Пегов Сергей Вячеславович. — Тверь, 2017. — 20 с.

193. Песина, С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления / С.А. Песина // Вестник Оренбургского государственного университета. — Оренбург, 2009. — Вып. 7. — С. 178-180.

194. Печурова, Е. А. «Истина» и «Правда» в поздних произведениях Л. Н. Толстого / Е. А. Печурова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — Якутск, 2016. — № 3 (53). — С. 100-110.

195. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред А. К. Симонова, М. В. Горбаневского [и др.]. — изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Медея, 2004. — 326 с.

196. Попова, Е. П. Взаимодействие общеупотребительного и юридического языков: история, современность и перспективы / Е. П. Попова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. — Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. — № 4. — С. 79-95.

197. Прокументов, Л. М. О некорректности определения понятия «несовершеннолетний» в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации / Л.М. Прокументов // Вестник Томского государственного университета. Сер. Право. — Томск, 2017. — № 24. — С. 80-85.

198. Пыж, А. М. Использование юридической терминологии в художественных текстах / А.М. Пыж // Научные исследования: от теории к практике. — Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. — Вып.1. — С. 214-218.

199. Ревзина, О. Г. Структурные параметры дискурса / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2005. — Вып. 8. — С. 66-78.
200. Резник Г. М. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ / Г. М. Резник, К. И. Скловский. — М.: Статут, 2006. — 270 с.
201. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / А.А. Реформатский. — М.: Наука, 1968. — С. 103-125.
202. Рёрихт, А. А. Юридизация медицинского права: Развитие публично-правовых начал: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Рёрихт Алла Альфредовна. — Москва, 2009. — 28 с.
203. «Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация: коллективная монография / науч. ред. А.В. Колмогорова. — Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2016. — 385 с.
204. Рогов, В. А. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX - середины XVII вв.) / В. А. Рогов, В. В. Рогов. — М.: МГИУ. — 269 с.
205. Розова, С. С. Классификационная проблема в современной науке / С.С. Розова; отв. ред. Л.С. Сычева. — Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1986. — 223 с.
206. Россинская, Е. Р. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин [и др]. — М.: Норма, 2017. — 400 с.
207. Рудкова, К. М. Концепт «оскорбление»: к проблеме взаимодействия юридического и естественного языков / К. М. Рудкова // Юрислингвистика. — Барнаул: Алтайский государственный университет, 2004. — №5. — С. 226-233.
208. Руднев, Д. В. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») / Д. В. Руднев, Т. С. Садова // Журнал российского права. — М.: Юридическое издательство «Норма», 2017. — № 2. — С. 56-66.

209. Ружицкий, И. В. Русский государственный язык: «диагноз» и «лечение» / И. В. Ружицкий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — Москва, 2012. — Вып. 22 (655). — С. 7-19.

210. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Катаева. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — 544 с.

211. Рыбакова, А. С. Структурно-семантические особенности компьютерной терминологии в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Рыбакова Анна Сергеевна. — Коломна, 2012. — 222 с.

212. Рыженкова, Т. В. Специфика процесса транsterминологизации в отраслевой терминосистеме: на материале русской и английской терминологии правоведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Татьяна Васильевна Рыженкова. — Волгоград, 2001. — 21 с.

213. Рыжкова, А. Г. Медицинская лексика как объект вторичной терминологизации (на примерах из словаря тюремно-лагерного жаргона) / А. Г. Рыжкова // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов конференции (Тверь, 01-02 апреля 2011 г.) — Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2011. — С. 230-233.

214. Савицкий, В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии) / В. М. Савицкий. — М.: Наука, 1987. — 288 с.

215. Садовская, Е. Ю. Очерк. Диахроническая семантизация / Е.Ю. Садовская // Вестник Воронежского государственного университета. — Воронеж, 2012. — № 2. — С. 85-92.

216. Санников, А. В. Понятия достоинства и смирения / А.В. Санников // Языковая картина мира и системная лексикография. [Отв. ред. Ю. Д. Апресян]. — М.: Языки славянских культур, 2006. — С.405-468.

217. Салтыков, К. Г. Семантика юридических терминов: монография. — Хабаровск: ДЮИ, 2016. — 102 с.

218. Сергеева, А. С. Критический дискурс-анализ как инструмент исследования организационного дискурса / А. С. Сергеева // Вестник С.-Петербургского университета. — Изд-во СПб., 2009. — Вып. 2. — С. 257-265.

219. Сафронова, Т. С. Особенности понятия «Юридический дискурс» / Т.С. Сафронова // Современные тенденции развития науки и технологий. — Белгород, 2016. — Вып. 54. — С. 86-91.

220. Сидорова, Т. А. Актуализация речевой агрессии как признак юридикации текстовых единиц / Т. А. Сидорова // Язык современных СМИ: основные проблемы и тенденции. — Нижний Новгород, 2006. — С. 15-19.

221. Сидорова, Т. А. Юридикация деривационных средств в публицистическом тексте / Т. А. Сидорова // Юрислингвистика. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2010. — №10. — С. 227-233.

222. Синельников, А. В. Термин «уголовное преследование» как законодательная категория и научное понятие // Вестник Волгоградского государственного университета. — Волгоград, 2003. — № 6. — С. 118-123.

223. Синченко, Г. Ч. Язык права. Статья I. Призрак многослойности / Г.Ч. Синченко // Научный вестник Омской академии МВД России. — Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2016. — № 4. — С. 63-70.

224. Сланов, О. Т. Герменевтика соматических прав в аспекте семиотики концептов «дух» и «душа» / О. Т. Сланов // Философия права. — Ростов н/Д: Изд-во Ростовского юридического института МВД России, 2008. — № 6. — С. 83-86.

225. Сложеникина, Ю. В. Термин живой как жизнь (почему термин может и должен иметь варианты). — [Электронный ресурс] / Ю. В. Сложеникина // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». Сер. Филология. — 2010. — № 5. — URL: www.zpu-journal.ru (дата обращения: 15.05.2018).

226. Сложеникина, Ю. В. Термин: семантическое, формальное, функциональное варьирование: монография / Ю. В. Сложеникина. — Самара:

Изд-во Самарского государственного педагогического университета, 2005. — 288 с.

227. Сложеникина Ю. В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция / Ю. В. Сложеникина. — Москва: URSS, 2010. — 288 с.

228. Смирнов, О. М. К вопросу об установлении уголовно-процессуального значения понятий «личность», «человек», «гражданин», «лицо» и их соотношении / О.М. Смирнов // Вестник Томского государственного университета. — Томск, 2008. — С. 98-99.

229. Собянина, В. А. Терминологизация названий животных в современном немецком языке / В. А. Собянина // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2010. — № 3. — С. 55-61.

230. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ: [сборник] / [гл. науч. ред. О.Ф. Русакова]. Сер. Дискурсология. — Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. — Вып. 1. — 209 с.

231. Сологуб, О. П. О взаимодействии искусственного и естественного начал в сфере официально-делового общения (к вопросу об антиномическом устройстве официально-делового языка) / О. П. Сологуб // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2009. — N 3 (7). — С. 49-59.

232. Сологуб, О. П. Параметр официальности делового текста и его отражение в обыденном метаязыковом сознании / О.П. Сологуб // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты онтолог. Ч. 2. — Томск: Изд-во Томского педагогического университета, 2009. — С. 254-278.

233. Социально-когнитивное функционирование языка: коллективная монография / [глав. ред. Н. Д. Голев; отв.ред. Е. В. Кишина]. — Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета, 2017. — 314 с.

234. Сперанская, А. Н. Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителей русского языка / А. Н. Сперанская // Юрислингвистика-1:

проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999. — Вып. 1. — С. 90-97.

235. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.

236. Стефанович, П. С. «Честь» и «слава» на Руси в X – начале XIII в.: терминологический анализ [Электронный ресурс] / П.С. Стефанович // Мир истории. — 2003. — № 2. — URL:<http://www.historia.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

237. Стожок, Е. В. Концептуализация этапов жизненного пути объекта и ее терминологическое выражение в английской экономической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Стожок Екатерина Викторовна. — Москва, 2011. — 27 с.

238. Стожок, Е. В. Терминологизация общеупотребительных английских слов, передающих понятие жизненного пути в подязыке экономики / Е. В. Стожок // Омский научный вестник. — Омск: Изд-во Омского государственного технического университета, 2008. — Вып. 6 (74). — С. 96-98.

239. Ступникова, Л. В. Сущность и особенности юридического дискурса английского права / Л.В. Ступникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — Москва, 2007. — С. 213-220.

240. Судебная медицина: учебник / под ред. Ю.И. Пиголкина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ГЭОТАР=Медиа, 2012. — 496 с.

241. Суменков, С. Ю. Нормативно-правовой термин «в виде исключения»: юридическая характеристика / С.Ю. Суменков // Вопросы теории и истории государства и права. — Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2011. — Вып. 3. — С. 22-28.

242. Сыпченко, С. В. О типах инвективных текстов как объекте лингвистической экспертизы / С.В. Сыпченко // Юрислингвистика. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2000. — № 2. — С. 214-221.

243. Тадыкова, Н. В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном кодексе РФ / Н.В. Тадыкова // Юрислингвистика. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2018. — № 78. — С. 56-63.

244. Татаринов, В. А. Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли языкознания: дис... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Татаринов Виктор Андреевич. — Москва, 1996. — 403 с.

245. Дейк, Тён ван Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тён ван Дейк; [пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматава]. — Москва: URSS, 2013. — 344 с.

246. Телешев, А. А. Лингвопрагматические особенности французского законодательного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Телешев Антон Анатольевич. — Н. Новгород, 2004. — 20 с.

247. Тимошенко, Л. О. Машина и махина: семантическое расхождение вариантов / Л.О. Тимошенко // Вестник Вятского государственного университета. — Киров, 2011. — № 2-2. — С. 30-33.

248. Тихонова, С. В. Юридизация информационно-коммуникационных технологий как фактор развития электронного государства / С.В. Тихонова // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире. — Москва, 2017. — 275-278.

249. Третьякова, В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы / В.С. Третьякова // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2013. — Вып. 73. — С. 279-282.

250. Туранин, В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.01 / Туранин Владислав Юрьевич. — Белгород, 2017. — 45 с.

251. Туранин, В. Ю. Юридическая терминология в российском законодательстве. Учебно-методическое пособие / В. Ю. Туранин. — Белгород: Изд-во «Гик», 2009. — 140 с.

252. Тягай, Е. Д. «Участие» в корпоративных организациях и «управление» ими: проблемы легального закрепления и дифференциации корпоративных отношений / Е.Д. Тягай // Lex Russica. — Москва: МГЮА, 2016. — № 11 (120). — С. 22-32.

253. Улуханов, И. С. Историческое словообразование. Историческая лексикология / И. С. Улуханов; ФГБУН Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — Москва: ЛЕКСПУС, 2012. — 365 с.

254. Улуханов, И. С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. — 1992. — Вып. 2. — С. 5-20.

255. Урматова, А. Д. Нормативные правовые термины и их классификация для целей унификации терминологии нормативных правовых актов / А.Д. Урматова // Наука. Новые технологии и инновации Кыргызстана. — Бишкек, 2016. — Вып. 9. — С. 196-198.

256. Ускова, Т. В. О неоднородном характере понятия «английский юридический дискурс» / Т. В. Ускова // Сборник научных трудов «Разновидности дискурса и обучение специальным языкам». — Москва, 2001. — Вып. 458. — С. 93-97.

257. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принципы семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 240 с.

258. Фан, И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы / И. Б. Фан. — Екатеринбург: Уральский институт управления, 2018. — 335 с.

259. Федорченко, Е. А. Процессы терминологизации общелитературной лексики в языке таможенного законодательства / Е. А. Федорченко Средства номинации и предикации в русском языке. — М., 2001. — С. 118-123.

260. Федулова, М. Н. Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации / М. Н. Федулова // Филологические науки в МГИМО. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — № 4. — С. 47-59.

261. Федюковский, А. А. Этимологический анализ русского юридического термина «свидетель» / А.А. Федюковский // Правоохранительная система России: состояние и перспективы развития. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета управления и экономики, 2014. — С. 170-177.

262. Фетисов, А. Ю. Терминологизация содержания метафоры в научном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Фетисов Анатолий Юрьевич. — Санкт-Петербург, 2000. — 14 с.

263. Филиппова, А. А. Особенности полисемии в процессе терминологизации / А.А. Филиппова // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2011. — № 24 (239). — С. 184-186.

264. Филиппова, А. А. Процесс терминологизации в развитии полисемии языкового знака / А.А. Филиппова // Вестник молодых ученых: сборник научных трудов; [отв. ред. В.А. Бячкова]. — Пермь, 2013. — С. 400-405.

265. Фысина, У. Н. Математический термин в дискурсивном пространстве / У.Н. Фысина, Е.С. Лебедева // Практический дискурс высшей школы. — Брянск, 2016. — С. 53-57.

266. Ханнанова, Д. М. О лингвистической природе так называемых «общеупотребляемых» юридических терминов / Д. М. Ханнанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2016. — Вып. 1. — С. 187-190.

267. Хаютин, А. Д. Термин, терминология, номенклатура: учебное пособие / А.Д. Хаютина. — Самарканд: [б. и.], 1971. — 129 с.

268. Хижняк, С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе: (на материале юридической терминологии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Хижняк Сергей Петрович. — Саратов, 1998. — 39 с.

269. Хижняк, С. П. Юридическая лингвистика за рубежом / С. П. Хижняк // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Сборник трудов конференции (Ростов-на-Дону, 15 ноября 2016 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Донское книжное издательство», 2016. — С. 55-59.

270. Храмцова, Н. Г. Метод дискурс-правового анализа и юридико-позитивистское познание права / Н.Г. Храмцова // Правовое государство: теория и практика. — Уфа, 2017. — С. 75-80.

271. Царенкова, Н. А. Юридические термины в профессиональной сфере и их проникновение в разговорную речь / Н. А. Царенкова // Актуальные проблемы российского права. — Москва, 2010. — Вып. 4. — С. 261-267.

272. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея, 2002. — 424 с.

273. Чваненко, Д. А. К вопросу о толковании формулировки «товары, работы, услуги» / Д. А. Чваненко // Юрист. — Москва, 2014. — № 10. — С. 25-29.

274. Черников, О. Ю. Защита доброго имени: проблемы терминологии [Электронный ресурс] / О. Ю. Черников // Право: теория и практика. — М.: Тезарус, 2003. — № 8. — С. 33-40. — URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0803/6.html> (дата обращения: 06.08.2018).

275. Чернышова, Т. В. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика / Н. В. Панченко, Т. В. Чернышова, А. А. Чувакин (ред.) // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме: материалы III Международной научной конференции (Барнаул, 24-29 апреля 2012 г.). — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2012. — С. 315-318.

276. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В. Е. Чернявская. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 136 с.

277. Чуешов, В. И. О риторических границах идеологического дискурса / В. И. Чуешов // Коммуникация и образование. Сборник статей. — СПб.: С.–Петербургское философское общество, 2004. — С.247-265.

278. Шабалин, Л. И. Антикоррупционная экспертиза нормы локального, регулирующей контроль успеваемости студентов в УРГЮА / Л.И. Шабалин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — Екатеринбург, 2012. — № 6 (14). — С. 35-38.

279. Шарангия, С. З. Насилие, вина, непреодолимая сила: особенности юридической конструкции терминов / С. З. Шарангия // Социокультурные корни насилия в современном обществе. — Нижний Новгород, 2013. — С. 648-652.

280. Шахматова, Т. С. Юридизация временных предложений со значением угрозы (практика судебной лингвистической экспертизы) / Т. С. Шахматова // Вестник Казанского юридического института МВД России. — Казань, 2015. — №4(22). — С. 105-108.

281. Шикалёва, П. В. Понятия «Пруд» и «Водохранилище» в Водоемном праве России / П. В. Шикалёва // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2011. — № 24. — С. 125-127.

282. Шикула, И. Р. Теретические и практические проблемы определения «беспомощное состояние» в Уголовном праве России / И. Р. Шикула // Вестник Казанского юридического института МВД России. — Казань, 2016. — №3(25). — С. 78-81.

283. Шокиров, Т.С. Формирование и развитие юридических терминов таджикского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Шокиров Туграл Сироджович. — Душанбе, 2011. — 341 с.

284. Юрина, Е. А. Концепт «Честь» и его образные репрезентации в контаминированной картине мира писателя-билингва (на материале рассказа Р. Сейсенбаева «Честь») / Е. А. Юрина, Ж. Г. Темирова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — Томск, 2019. — № 61. — С. 149-176.

285. Язык закона / Боголюбов С. А., Казьмин И. Ф., Локшина М. Д. и др.; под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Юридическая литература, 1990. — 189 с.

286. Янценецкая, М. Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо / М.Н. Янценецкая // Семантическая структура слова. — Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета, 1984. — С. 3-17.

287. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М.Н. Янценецкая. — Томск: Изд-во Томского университета, 1979. — 238 с.

288. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. — М.: Наука, 1974. — 256 с.

289. Eades, D. Interviewing and examining vulnerable witnesses / D. Eades // Encyclopedia of Language and Linguistics. — Amsterdam, London: Elsevier, 2006. — Pp. 772-778.

290. Gibbons, J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System / J. Gibbons. — Oxford: Blackwell, 2005. — 337 p.

291. Solan, L. M. Definitions/rules in legal language / L. M. Solan // Encyclopedia of Language and Linguistics. — Amsterdam, London: Elsevier, 2006. — Pp. 403-409.

292. Tiersma, P. M. A history of the Language of Law / P. M. Tiersma, L. M. Solan (eds.) // The Oxford Handbook of Language and Law. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2012. Pp. 13- 26.

293. Wolfer, S. Verstehen und Verständlichkeit juristisch-fachsprachlicher Texte / S. Wolfer. — Narr Francke Attempto Verlag, 2017. — 312 p.

Использованные словари:

294. Белкин, М. В. Этимологический словарь русского языка в табличной форме / М. В. Белкин, И. А. Румянцев. — 2е изд., испр. и доп. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 784 с.

295. Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. — Томск: Изд-во Томского университета, 1998 – 2002. — Т. 1. С. 315

296. Додонов, В. Н. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков. – М., 2001. – URL: <https://juridical.slovaronline.com> (дата обращения: 15.05.2018).

297. Дьяченко, Г. М. Полный церковнославянский словарь / Г. М. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 1120 с.

298. Малый академический словарь: В 4х т. [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999 – URL: <http://febweb.ru/feb/mas/MASabc/default.asp> (дата обращения: 15.05.2018).

299. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова [и др.]. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. – Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. – 1488 с.

300. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Москва-Минск, 2002. – С. 702.

301. Словарь Академии Российской: в 6 частях [Электронный ресурс] – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1789–1794. URL: <https://www.it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm> (дата обращения: 15.05.2018).

302. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. Г – Д / гл. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1977. – С. 117.

303. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. [Электронный ресурс]. / И. И. Срезневский. – Москва, 1958. – URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html> (дата обращения: 15.05.2018).

304. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) Ок. 10000 сл. / ред. Р. М. Цейтлин, ред. Р. Вечерка, ред. Э. Благова. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.

305. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: Ок. 145000 слов в 2-х томах. Т. 1. / А. Н. Тихонов. – М., 1985. – 856 с.

306. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – 1е изд., Москва, 1863. – URL: <http://slovardalja.net/about.php>. (дата обращения: 15.05.2018).

307. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. — М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2007. — 752 с.

308. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — 864 с.

309. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Изд-во политической литературы, 1968. – С. 359.

310. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 1999. – 361 с.

311. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. / П. Я. Черных. — 2-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1994. – 559 с.

Источники цитируемых контекстов:

312. ГОСТ 18486-87 (ОКСТУ 0090) Лесоводство. Термины и определения: Гос. стандарт. Введ. 01.01.1989 // Гос. комитет. СССР по лесному хозяйству / Исп. Ю. А. Лазарев, В. И.Желдак, Т. А.Завалова. – М.: Издательство стандартов, 1988. URL: https://allgosts.ru/01/040/gost_18486-87 (дата обращения: 1.05. 2018).

313. Заявление Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства в связи с обсуждением проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [сайт] // Патриаршая комиссия. — URL: <http://pk-semya.ru/novosti/item/7669-o-profilaktike-semejno-bytovogo-nasiliya-v-rossijskoj-federatsii.html> (дата обращения: 1.05.2017).

314. Кузнецова, Е. В законопроекте о домашнем насилии появилось понятие «преследование» [Электронный ресурс] / Е. В. Кузнецова // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2019/5dcecb169a7947e057feb4c6> (дата обращения: 13.03.2016).

315. Мационг Елена / Елена Мационг // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/11/16/reg-urfo/kak-eto-budet-po-russki-rochemu-rech-chinovnikov-ne-poniatna-prostomu-cheloveku.html> (дата обращения: 13.03.2018).

316. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 19.08.2019).

317. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gosduma.net>. (дата обращения: 15.05.2018).

318. Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова // Памятники права Киевского государства. X – XII вв. – Вып. 1. – М.: Гос. изд. юрид. лит-ры, 1952. – 303 с.

319. Проект «100 главных документов российской истории»: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299 (дата обращения: 22.03.2018).

320. Словарь военных терминов [Электронный ресурс] / [Сост. Плехов А. М.]. – М.: Воениздат, 1988. – 335 с. URL: <https://www.endic.ru/military/Presledovanie-928.html> (дата обращения: 26.03.2018).

Нормативные правовые акты:

321. Конституция Российской Федерации: официальный текст; [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 16.01.2018).

322. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.; [Электронный ресурс]. — URL: <http://stgkrf.ru> (дата обращения: 22.03.2018).

323. Лесной кодекс Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 8 ноября 2006 г.; [Электронный ресурс]. — URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299 (дата обращения: 22.03.2018).

324. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.; — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc (дата обращения: 13.03.2020).

325. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон принят Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.; — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base> (дата обращения: 22.03.2018).

326. О профилактике семейно-бытового насилия: законопроект № 1183390-6 внесен в Гос. Думу 28.09.2016; [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 15.05.2018).

327. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства Рос. Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96; [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/197633/> (дата обращения: 02.06.2017).

328. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24.02.2005 N 3.; [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017 (дата обращения: 15.05.2018).

329. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 4 декабря 2014 г. N 16.; [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 15.05.2018).

330. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 января 1999 г. N 1 (ред. от 03.03.2015); [Электронный ресурс]. — URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893 (дата обращения: 15.05.2018).

331. Об утверждении Правил заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 16.07.2018 г. № 325; [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/550865335> (дата обращения: 15.05.2018).

332. Порядок использования изображений и (или) наименований архитектурно-исторических символов Кемеровской области и словесных символов Кемеровской области, а также слов, производных от них: постановление Коллегии Администрации Кемеровской области (от 10 марта 2010 г. № 101); [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/990309924> (дата обращения: 15.05.2018).